

Е. Л. Калинин

ИСЛАМСКАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ
1979 ГОДА
В ИРАНЕ

Записки очевидца

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Е. Л. Калинин

ИСЛАМСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
1979 ГОДА В ИРАНЕ
ЗАПИСКИ ОЧЕВИДЦА

Москва
ИВ РАН
2010

ББК 66.2 (5 Ирн)

К 17

Ответственный редактор —
доктор филологических наук Н. И. Пригарина
Рецензент —
кандидат экономических наук Н. М. Мамедова

Калинин Е. Л.

К17 Исламская революция 1979 года в Иране. Записки очевидца. — М.: Институт востоковедения РАН, 2010. — 236 с.

ISBN 978-5-89282-410-1

Автор книги был очевидцем драматических событий, произошедших в Иране в конце 1978-го — начале 1979 года. Недовольство населения правлением шаха Реза Пехлеви выплеснулось на улицы городов и привело к революции, уничтожившей монархию в стране. В те годы автор был старшим переводчиком в советской проектно-изыскательской экспедиции, проводившей работы для строительства железной дороги Мешхед — Серахс. Постоянные поездки по стране позволили ему увидеть происходившее изнутри, так как он нередко попадал в самую гущу событий.

Книга адресована всем тем, кто интересуется современной историей Ирана.

ББК 66.2 (5 Ирн)

ISBN 978-5-89282-410-1

© Калинин Е. Л., 2010

© Институт востоковедения РАН, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА 5

Глава 1

ТРЕВОЖНЫЕ СИМПТОМЫ 7

Глава 2

ПЕРЕД БУРЕЙ 25

Глава 3

КРОВАВАЯ ПРЕЛЮДИЯ 51

Глава 4

НОВЫЙ 1979 ГОД —
ПОСЛЕДНИЙ ГОД ПРАВЛЕНИЯ
ДИНАСТИИ ПЕХЛЕВИ 79

Глава 5

ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ
И ПОБЕДА РЕВОЛЮЦИИ 149

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ 207

Иллюстрации 225

Summary 235

CONTENTS

AUTHOR'S NOTE 5

Chapter 1

ALARMING SYMPTOMS 7

Chapter 2

BEFORE THE STORM 25

Chapter 3

MURDEROUS PRELUDE 51

Chapter 4

NEW YEAR 1979 — THE LAST YEAR
OF RULING PEHLEVI DYNASTY 79

Chapter 5

ARMED REVOLT AND THE VICTORY
OF REVOLUTION 149

INSTEAD OF EPILOGUE 207

Illustration 225

Summary 235

ОТ АВТОРА

Отправляясь в Иран в мае 1976 года, я никак не мог предположить, что стану очевидцем крупнейших революционных потрясений в жизни иранского государства. Эти события, изобиловавшие острыми, драматическими моментами, закончились свержением монархического режима, просуществовавшего в Иране непрерывно в течение более 2500 лет.

В эти годы экспедиция грузинского проектного института Кавгипротранс, в которой я выполнял обязанности старшего переводчика, проектировала в Иране железную дорогу Мешхед — Серахс и железнодорожную ветку от Астары Иранской до будущей грузовой станции на берегу Каспийского моря. Кроме того, экспедиция проводила технико-экономическое обоснование для проектирования железной дороги Мешхед — Тейбад (ирано-афганская граница).

Проектно-изыскательские работы были связаны с частыми разъездами по стране. Так как трассы будущих железных дорог пересекали шоссе, нефтепроводы, газопроводы, военные объекты, работникам экспедиции приходилось согласовывать много вопросов с различными министерствами, ведомствами, в том числе с военным министерством, которое по нашей заявке производило аэрофотосъемку трассы будущей железнодорожной магистрали Мешхед — Серахс. Естественно, все это вынуждало членов экспедиции совершать бесчисленные поездки по стране от Тегерана до Астары, Мешхеда и далее на юг, на север, вдоль ирано-афганской границы. Для ознакомления с различными железнодорожными объектами наши инженеры по рекомендации президента иранских железных дорог неоднократно выезжали по Трансиранской железной дороге от Тегерана до Бендер-Шаха на побережье Каспийского моря и от Тегерана на юг до Исфахана.

Таким образом в течение трех лет мне пришлось побывать во всех северных и центральных провинциях Ирана. Поездки не прекращались даже в разгар политической напряженности в стране. Как иранист я получил уникальную возможность вникать в суть происходивших событий и наблюдать их как бы изнутри. Этому способствовали также весьма благоприятные условия передвижения по стране: согласно контракту сотрудники нашей экспедиции считались служащими государственных железных дорог Ирана. Мы имели типовые служебные удостоверения с указанием должности и места работы. Все транспортные расходы (независимо от вида использованного транспорта) и стоимость проживания в гостинице, включая питание, оплачивались иранской стороной. За все время работы экспедиции иранские инженеры и техники волей-неволей вели с нами откровенные неофициальные беседы о развитии событий в стране, хотя такие контакты нашим руководством не поощрялись. Из этих бесед я вынес много полезного.

Книга не претендует на какой-то анализ или оценку революционных событий тех дней. К тому же об иранской революции 1979 года много написано. Здесь же отражено лишь то, что мне удалось увидеть своими глазами, и то, что мне немедленно становилось известно через средства массовой информации Ирана, особенно через национальное телевидение.

После возвращения из Ирана в марте 1979 года, по горячим следам революционных событий я за короткое время изложил все увиденное и пережитое в форме дневника. Однако тогдашние кураторы из ЦК КПСС по непонятным для меня причинам наложили вето на публикацию в издательстве «Наука».

С тех пор прошло много лет. Тему иранской февральской революции заслонили другие злободневные события. Тем не менее надеюсь, что те, кто занимается Ираном и желал бы знать об иранской революции 1979 года непосредственно со слов очевидца, безусловно, найдут в книге много интересного для себя.

Глава 1

ТРЕВОЖНЫЕ СИМПТОМЫ

*Тщеславные замыслы шаха. Коррупция государственного аппарата.
Положение трудящихся. Усиление деятельности САВАК.
Кто такие исламские марксисты? Начало массовых выступлений
населения. Обострение политической обстановки в стране.*

В конце 70-х годов неотъемлемой частью достопримечательностей иранских городов были бесчисленные памятники-монументы Реза-шаху Пехлеви¹, отцу царствующего монарха Мохаммеда Реза Пехлеви². Официальная правительственная пропаганда стремилась изобразить отца и сына династии Пехлеви создателями новой истории страны, творцами эры возрождения былого могущества Ирана, символами экономического процветания и социальной справедливости иранского общества. По указанию Мохаммеда Реза Пехлеви на центральных площадях иранских городов сооружались величественныеobelisks. Их мраморные и гранитные плиты содержали перечень «великих начинаний» шахиншаха. Эти «великие начинания» олицетворяли сущность так называемой «белой революции»³.

¹ Реза-шах Пехлеви (1878–1944) — шах Ирана, основатель династии Пехлеви, был сыном мелкого помещика из Мазандарана. В 1921–1923 гг. военный министр, с 1923 по 1925 г. премьер-министр Ирана. После низложения династии Каджаров учредительное собрание провозгласило его шахом. Правил страной с 1925 по 1941 г. В августе 1941 г. он отрекся от престола в пользу своего сына Мохаммеда Реза Пехлеви.

² Мохаммед Реза Пехлеви родился 26 октября 1919 г. Двадцати двух лет, в 1941 г., вступил на престол после отречения своего отца Реза-шаха.

³ «Белая революция» представляла собой санкционированные шахом в начале 60-х годов экономические реформы, направленные на ускоренное развитие страны по западному образцу. Реформы, по существу, были попыткой при-

Огромные доходы Ирана от добычи нефти могли бы служить реальной базой для планомерного экономического развития национальной экономики и повысить уровень жизни иранского народа. От продажи экспортируемой нефти Иран ежегодно получал до 23 млрд долл. На что же расходовались эти огромные средства? Два миллиарда долларов, еще не успев осесть в государственной казне, присваивались лично шахом и его многочисленной семьей. По данным тегеранской печати, общая сумма личных вкладов шаха в зарубежных банках составляла 20 млрд. Шах приобретал дворцы в Мексике, Италии, ФРГ, Испании, Швейцарии, Франции, обширные земельные участки в США. Около 30 млрд хранили в иностранных банках члены шахской семьи. Уже после февральской революции газета «Кейхан» опубликовала секретные сведения, согласно которым в Иранской национальной нефтяной компании существовал параллельный фиктивный так называемый штат руководящих сотрудников. В их числе были родственники и приближенные лица его величества. Жалованье каждого из них составляло по несколько тысяч долларов в месяц.

В последние годы своего правления шах часто выступал по телевидению. Он произносил речи главным образом по поводу гражданских и религиозных праздников на приемах в Голестанском дворце⁴, где обычно присутствовали члены правительства, депутаты сената и меджлиса, духовенство, профессора, члены дипломатического корпуса. Основной смысл его высказываний, как правило, сводился к идее необходимости возрождения величия и мощи нового Ирана. На одном из приемов весной 1978 года Мохаммед Реза Пехлеви заявил, что через пять лет иранская армия станет одной из самых высокооснащенных и сильных армий мира.

способления режима конституционной монархии к современным условиям, но не разрешили коренных проблем иранского общества.

⁴ Голестанский дворец — один из старинных дворцов Тегерана, предназначенный для приемов шаха по случаю праздников и размещения почетных иностранных гостей.

Действительно, для армии шах денег не жалел. На вооружение и содержание иранской армии к середине 70-х годов из государственного бюджета ежегодно тратилось до 10 млрд долл. Амбициозные планы шаха по созданию самой современной армии в мире привели к тому, что Иран закупал в США новейшие дорогостоящие опытные типы военной техники, которые еще не были приняты на вооружение даже в самой американской армии. Поэтому, чтобы обучить малограмотный личный состав иранской армии обращению с этой сложной техникой, в страну прибыли более 25 тыс. американских военных советников. В разных городах стали появляться предприятия военной промышленности. Например, в Исфахане американцы начали строительство вертолетосборочного завода, где было задействовано несколько тысяч американского технического персонала.

Из тех же тщеславных побуждений, а также для апробирования боеспособности иранских вооруженных сил шах направил в оманскую провинцию Дофар⁵ трехтысячный экспедиционный корпус. Иранские войска воевали с вооруженными повстанцами Дофара. Еще до революционных событий в Иране мне довелось беседовать с одним бывшим иранским солдатом, воевавшим в Дофаре, Хасаном Садиги. Он был рабочим на полевых изысканиях нашей экспедиции в Мешхеде. По его словам, потери иранских войск в этих боях были весьма велики. Слабовооруженные повстанцы действовали главным образом партизанскими методами, нанося ощутимый урон шахским подразделениям.

Что касается экономики, то здесь Мохаммед Реза Пехлеви также намеревался одним махом покончить со всеми проблемами. Используя доходы от нефти, шах решил с помощью запад-

⁵ Провинция Дофар расположена в юго-восточной части Аравийского полуострова на побережье Оманского залива. Для подавления национально-освободительного движения в Дофар по просьбе султана Кабуса бен Саида в декабре 1973 г. шах направил для участия в военных действиях против патриотов Дофара экспедиционный корпус.

ных частных компаний создать почти на пустом месте мощную многоотраслевую экономику. Вначале, примерно до 1973 года, темпы экономического роста Ирана составляли ежегодно до 16 процентов, однако уже в 1977 году они упали до 3,2.

Многочисленные проекты шаха, его гигантомания, желание иметь все самое лучшее в мире без учета реальных возможностей и наличия достаточного количества национальных кадров были лишены практической базы. Например, по его инициативе предусматривалось построить в Иране 20 атомных электростанций стоимостью более 30 млрд долл. Для этой цели выделялись средства на строительство в ЮАР дорогостоящего завода по обогащению ядерного топлива для этих электростанций. Характерным примером может служить и проект железной дороги Мешхед — Серахс, над которым работала наша экспедиция. Эта дорога должна была соединить иранские железные дороги с железнодорожной сетью Советского Союза. При обсуждении проекта в иранском министерстве дорог и перевозок советские специалисты предложили иранским руководителям на первом этапе спроектировать и построить обычную однопутную железную дорогу, которая в перспективе при необходимости может стать двухпутной, электрифицированной с автоблокировкой и диспетчерской централизацией. По экономическим расчетам иранской стороны, первые 10 лет указанная железная дорога должна иметь пропускную способность лишь 5 пар поездов в сутки, что с лихвой обеспечивает однопутная дорога. Когда иранцам была доказана экономическая выгода строительства на первом этапе обычной однопутной дороги, то президент государственных железных дорог Ирана господин Дибба сказал: «Его величество приказали, чтобы все строящиеся в Иране железные дороги с самого начала были бы двухпутными и электрифицированными».

За последние 15 лет до февральской революции 1979 года в Иране было создано 364 крупных промышленных предприятия, но почти все они не могли работать самостоятельно без поставок западных компаний. По существу, иранское машино-

строение занималось лишь монтажом, но не производством. Согласно статистическим данным, 60 процентов всех потреблявшихся в Иране товаров поступало из-за рубежа. Большой ущерб стране принесли многие из широко разрекламированных проектов, которые оказались обычной авантюрой. Средства, выделенные из бюджета на их осуществление, были попросту разворованы. К коррупции были причастны тысячи лиц из правящей верхушки. Выступлениями депутатов оппозиции в меджлисе и разоблачениями в печати после победы революции доказано, что под предлогом развития сельского хозяйства, промышленности, транспорта, закупки запасных частей для автотранспорта чиновники государственного аппарата получали крупные ассигнования, которые затем использовались для ростовщичества, строительства частных домов в Европе, США и личного обогащения.

Так, мэр Тегерана Шахрестани «заработал» миллионы туманов⁶ на махинациях с закупкой автобусов для городского транспорта столицы. Родственник шахини, президент государственных железных дорог Ирана, Диба присвоил огромные деньги, предназначенные для приобретения подвижного состава железных дорог. Наибольшее распространение получили махинации по заключению различных контрактов с западноевропейскими и американскими фирмами. Причем за согласие на заключение контракта сомнительной необходимости западная частная фирма обычно выплачивала иранским должностным лицам крупную сумму в иностранной валюте или дарила дорогостоящие автомобили последних моделей. Авантюристическая политика шаха и коррупция госаппарата привели к тому, что идея «белой революции» провалилась.

На повышение благосостояния народа, социальные нужды, здравоохранение, образование, жилищное строительство тратились мизерные суммы. Плата за жилье у трудящихся масс

⁶ Официальная денежная единица Ирана риал, но население традиционно ведет расчет в туманах (отмененная в 1930–1932 гг. денежная единица), исходя из соотношения 1 туман равен 10 риалам.

составляла от 1/3 до 1/2 их месячной зарплаты. Уровень жизни 70 процентов населения был ниже официального порога бедности. По данным иранского статистического центра, 52 процента национальных богатств страны присваивалось группой людей, составляющих 1 процент населения страны.

Особенно в тяжелом положении оказалось иранское крестьянство. Земельная реформа 1962 года до некоторой степени уменьшила произвол крупных феодалов, но зато привела к созданию прослойки богатых крестьян и разорению бедных. Отчасти в этом мне удалось убедиться самому. В тридцати километрах южнее Мешхеда есть деревня Фариман, близ которой геодезисты нашей экспедиции вели изыскательские работы. В мае 1978 года мне пришлось побывать там в поисках временных рабочих для нашей экспедиции. На окраине деревни, в низине, вдоль пологого ската недалеко от трассы будущей железной дороги простиралось хорошо обработанное, засеянное пшеницей поле размером 5–7 га. Его орошала система мелких арыков, отходящих от основного оросительного канала. Рядом располагалось другое поле, а вернее, небольшой клочок земли. Оно было вспахано, как видно, тракторным плугом. Но борона не коснулась его. Поле зарастало тощими сорняками. Сухопарый, сильно загоревший крестьянин пил из арыка мутноватую воду, черпая ее ладонями. Я подошел к нему, поздоровался. Решил познакомиться с ним поближе, узнать о его житье-бытье. Из разговоров выяснилось, что вспаханное, но незасеянное поле принадлежало ему, Хамиду Заргами. А то, засеянное — его соседу. Выяснилось также, что богатый сосед скупил у нескольких крестьян земельные наделы, доставшиеся им по земельной реформе. И теперь он стал, как выразился Хамид, большим хозяином. Но Хамид Заргами тоже хозяин. Ему тоже по земельной реформе продали участок земли в рассрочку на 20 лет. Однако, как оказалось, для ведения хозяйства наличие лишь только земли недостаточно. Нужно тягло, вода, посевной материал. В прошлом году Хамид с трудом расплатился за обработку участка и за воду. В этом году ему удалось только вспахать поле.

На том вся его хозяйственная деятельность закончилась. По словам Хамида, таких как он в Фаримане немало. Многие из них ушли на заработки в Мешхед. В конце беседы я предложил крестьянину место рабочего в нашей экспедиции, и он с готовностью принял предложение.

Были у меня и другие встречи с сельскими жителями. Многие наши московские начальники часто приезжали к нам контролировать работу экспедиции. При этом все они непременно желали побывать у могилы всемирно известного иранского поэта Омара Хайяма. Его могила расположена близ Нишапура — центра добычи бирюзы. Во время таких поездок мы заезжали в окрестные деревни и покупали фрукты. При этих контактах я старался больше узнать о жизни крестьян. В районе Нишапура жители многих деревень образовали кооперативы. Земли там более плодородные, дешевле вода. Но я бы не сказал, что их хозяйства процветали, скорее им просто удавалось сводить концы с концами. Не более. В их убогих глинобитных хижинах с массой невымытых и нечесаных ребятишек, где нет никакой мебели кроме циновок, царил нищета.

И неудивительно, что миллионы крестьян бросали скудные, малопродуктивные земли и уходили в города, где они могли во время непродолжительного экономического бума найти себе работу. Если в 1966 году 70 процентов населения Ирана проживало в деревнях, то в 1976 году эта цифра снизилась до 50 процентов. В Тегеране, например, за 20 лет, предшествовавших февральской революции, численность населения увеличилась с одного миллиона человек до шести. Этот рост происходил главным образом за счет притока людей из деревень.

Каждый раз, когда мы на своей экспедиционной «Волге» ранним утром выезжали из Тегерана в Астару или в Мешхед, то замечали, как у обочины дороги при въезде в город образовывались своеобразные биржи труда. К собравшимся толпам деревенских мужчин подъезжали на грузовиках представители различных частных фирм, выбирали себе подходящую рабочую силу и отвозили нанятых на работу в Тегеран. В Тегеране,

и особенно на его окраинах, строилось огромное число зданий. Большая часть рабочих использовалась для рытья котлованов. Более квалифицированные рабочие сооружали виадуки на тегеранских перекрестках. Столица была настолько переполнена автотранспортом, что у перекрестков создавались огромные пробки. Часто для того, чтобы преодолеть путь от посольства СССР до министерства дорог и перевозок длиной в 2 км, предпочтительнее было идти пешком, а не ехать в автомобиле. Что мы и делали. Бельгийские фирмы построили в центре города несколько виадуков, которые во многом облегчали автомобильное движение. Работы велись с удивительной быстротой, круглосуточно, при этом иранские рабочие жили в палатках прямо на улице близ стройки и тут же готовили себе пищу.

После провозглашения «белой революции» Мохаммед Реза Пехлеви предпринял некоторые шаги для укрепления монархического режима и политической структуры государства. С помощью американских, английских и особенно израильских экспертов, о чем не раз нам говорили иранские коллеги, шах создал и постоянно совершенствовал мощный карательный аппарат. Он назывался Организация информации и безопасности страны (*Сазмане эттелаат ва амнияте кешвар*), сокращенно САВАК. Это особая организация, которой по сравнению с другими странами трудно подобрать аналог. Согласно утверждениям иностранных специалистов, по своей численности, обученности, технической оснащенности и методам работы САВАК не имел себе равных в мире. Так же, как на армию, шах не жалел денег на САВАК. За последние 20 лет, предшествовавшие революции, бюджет САВАК вырос в 1066 раз. Штаты этого хорошо отлаженного репрессивного аппарата насчитывали более 20 тысяч кадровых сотрудников и около 3 миллионов платных осведомителей. Во время революции после захвата штаб-квартиры САВАК в Салтанабаде революционные вооруженные отряды народа обнаружили там целый подземный город. Учет подозрительных лиц осуществлялся с помощью электронно-вычислительной техники. По всей стране

почти все служебные помещения государственных учреждений и номера в гостиницах прослушивались специальными устройствами. По свидетельству иранских патриотов, за четверть века в Иране были уничтожены и замучены в тюрьмах сотни тысяч инакомыслящих. Многие из них пали от рук саваковцев.

Уже после февральской революции, 15 марта, в Джульфе Иранской мне представилась возможность увидеть иллюстрации повседневной «работы» сотрудников САВАК. Это были цветные фотографии размером 13×18 см очень хорошего качества, вывешенные на стене зала ожидания железнодорожного вокзала. Под каждой фотографией пояснительный текст. Как сказал мне стоявший рядом мулла, эти фотографии революционеры обнаружили в досье отдела САВАК станции Джульфы. Голые тела людей были залиты кровью, их истязали с помощью всякого рода замысловатых орудий пыток, кстати, сами орудия пыток были засняты отдельно. Среди них можно было видеть крюки, щипцы, кривые лезвия, электроприборы с торчащими проводами. Некоторые фотографии иллюстрировали применение этих орудий. Один снимок мне особенно запомнился. У оголенного окровавленного человека верхняя часть черепа вскрыта таким образом, что просматриваются извилины головного мозга. Зачем потребовалось фиксировать пытки и истязания арестованных, мулла объяснить не мог. Возможно, отчетные документы о проделанной «работе» требовали такого рода иллюстрации. Несколько раньше, примерно за неделю до вооруженного восстания, газета «Этталаат» поместила материал о захвате тегеранской квартиры саваковского полковника. Там был обнаружен подземный ход, ведущий в комнату пыток. Сфотографированный многочисленный арсенал орудий пыток был примерно таким же, как в Джульфе.

Шах всячески пытался представить себя монархом прозападным, прогрессивным, просвещенным. По его приказу в 1969 году в центре Тегерана на улице Хафиза, напротив посольства СССР в Иране, было построено величественное здание из стекла и бетона, предназначенное для церемонии коронации

царствующей четы. Впоследствии это здание стало концертным залом им. Рудаки⁷. Впервые в истории Ирана короновался не только сам шах, но и его жена Фаррах Дибя. После коронации шахиня Фаррах стала играть вторую роль после Мохаммеда Реза Пехлеви во многих областях государственной и общественной жизни Ирана. Подражая манерам своего супруга, который всегда подчеркивал, что он шах-демократ, Фаррах могла внезапно появиться на переполненных народом улицах столицы, часто принимала у себя именитых иностранных гостей, рассыпавших комплименты в ее адрес, выезжала в сельские районы, где перед объективами многочисленных кино- и фоторепортеров демонстрировала знание крестьянской жизни, месила тесто и пекла хлеб сангяк⁸.

Фаррах числилась председателем более десятка разных организаций и обществ, открывала конференции, симпозиумы, семинары и съезды. Часто со своей свитой ездила по стране и как царствующая особа давала указания где что построить, создать или расформировать, как поступать тем или иным учреждениям и предприятиям. Можно полагать, что неограниченное вмешательство Фаррах в текущие дела государства стало причиной того, что после февральской революции высший исламский суд заочно, наравне с шахом, приговорил Фаррах к смертной казни.

В феврале 1975 года шах, выступая по телевидению, заявил, что для «консолидации национальных политических сил страны» целесообразно все политические партии упразднить и создать единую политическую партию «Растахиз» («Возрождение»). Таким названием шах хотел, очевидно, подчеркнуть, что Иран уже вступил в эпоху возрождения былого величия

⁷ Рудаки Абдаллах Джафар (ок. 860–941) — основоположник персидско-таджикской поэзии. Великий поэт, имел титул «царя поэтов» при дворе саманидских правителей Бухары. Незадолго до смерти подвергся изгнанию и умер в нищете.

⁸ Сангяк — хлеб, который выпекают в специальной печи на раскаленной гальке.

времен Кира и Дария. Лишь после февральской революции мир узнает, что Мохаммед Реза вполне серьезно считал себя достойным наследником великих правителей древней Персии. Он заключил контракты с несколькими иностранными фирмами на составление проекта и строительство в районе древней столицы Ирана Персеполиса грандиозного сооружения — личной гробницы для своей особы. Судя по фотографиям и описаниям, помещенным в газете «Эттелаат», железобетонная гробница стоимостью 4 млрд долл. представляла собой огромное, оснащенное по последнему слову техники сооружение с мощными вентиляционными и холодильными установками. Для функционирования всех сложных систем гробницы рядом с ней строилась специальная электростанция. Там же предусматривалось место для захоронения членов шахской семьи.

После роспуска в мае 1975 года всех политических партий и закрытия их газет у шаха стало меньше забот. Критиков поубавилось. Вместе с тем на страницах «Растахиз» и в других газетах стали появляться материалы о действиях неких террористов, которые совершали нападения на агентов САВАК, полицейских и даже на американских военных советников. Какие цели преследовали террористы, газеты не писали. С мая 1976 года вооруженные нападения террористов участились. В Тегеране стало беспокойно. При посещении кинотеатров контролеры бесцеремонно выворачивали наши портфели, искали оружие и боеприпасы. В июне один из террористов попал в полицейскую засаду на улице Черчилля и, расстреляв все патроны своего пистолета, подорвал себя гранатой. Этот случай имел большой резонанс среди жителей столицы, поскольку террористы действовали дерзко, смело, часто шли на самопожертвование во имя своих идеалов.

Наконец, появились сообщения о том, что террористы — это исламские марксисты. Такой противоречивый термин прочно утвердился в средствах массовой информации. 20 июня 1976 года в Тегеране произошла ожесточенная перестрелка между террористами и полицией на площади железнодорожного вокзала. Трое

террористов было убито, несколько прохожих ранено. Понесла потери и полиция. Сообщалось, что среди убитых «исламских марксистов» была жена офицера иранской армии.

В начале февраля 1977 года САВАК предприняла провокационную операцию. Во всех центральных газетах появилось сообщение о том, что органы безопасности предлагают исламским марксистам добровольно сдать власть. И если они не совершили убийств, то правительство их амнистирует и предоставит хорошую работу. Через две недели газеты стали печатать покаянные письма якобы террористов-добровольцев, явившихся с повинной. В то время находились люди, которые этому верили. Лишь после революции при разгроме управления САВАК были обнаружены документы, свидетельствовавшие о том, что подобные письма были типичными фальшивками.

Кто же в действительности были так называемые исламские марксисты? Это стало известно уже на второй день вооруженного восстания в Тегеране. В Иране, помимо запрещенной Народной партии, которая действовала в стране при соблюдении строжайшей конспирации, существовали две не менее законспирированные организации. Одна из них, Организация борцов за народное дело Ирана (*Сазмане моджахедине халке Иран*), другая — Организация народных партизан Ирана (*Сазмане федаяна халке Иран*). Организация борцов за народное дело Ирана, программа которой базируется на учении ислама, в своей борьбе против шахского режима допускала террор. Организация народных партизан Ирана, имеющая марксистско-ленинскую программу, активно боролась против монархического режима, отрицая террор как метод политической борьбы.

12 февраля 1979 года при допросе захваченных революционерами главных правительственных чиновников (этот допрос я смотрел по иранскому телевидению) выяснилось, что термин «исламские марксисты» был специально выдуман саваковцами с целью одновременной компрометации деятельности исламской Организации борцов за народное дело Ирана и марк-

систской Организации народных партизан Ирана. С весны 1978 года члены этих организаций стали действовать еще активнее, привлекая широкие массы трудящихся и студенчество.

Толчком к политическим выступлениям трудящихся послужила январская демонстрация в Куме⁹, где 9 января 1978 года были повышены цены на некоторые товары, увеличены тарифы на воду, квартирную плату. Демонстранты потребовали от правительства снизить цены и провести ряд реформ для облегчения жизни трудового народа, их разогнали силой оружия. В ходе разгона было убито 50 и ранено более 100 человек. Кровь, пролитая в Куме, взбудоражила страну. В городах Мешхеде, Тебризе, Абадане и Тегеране начались антиправительственные выступления, во время которых произошли столкновения демонстрантов с полицией. В память о погибших во время мирной демонстрации в Куме по всей стране оппозиция объявила сорокадневный траур. 16 февраля, на сороковой день после кумских событий, еще более мощные демонстрации против правительства вспыхнули в Тебризе. В течение двух дней десятки тысяч людей громили и поджигали банки, правительственные учреждения, кинотеатры, полицейские участки. Против демонстрантов были брошены войска тебризской дивизии с танками и бронемашинами. К демонстрантам стали присоединяться студенты, рабочие, учащиеся. Несколько солдат перешло на сторону народа, требовавшего строго наказать виновников расстрела демонстрации в Куме и освободить политзаключенных.

19 ФЕВРАЛЯ начальник нашей экспедиции Г. Я. Нуцубидзе и я рано утром на «Волге» выехали из Тегерана в Астару. Наш путь лежал через Тебриз, где мы сотрудничали с другими советскими специалистами, которые электрифицировали желез-

⁹ Кум — город в Тегеранском остане, где находится гробница Фатимы (дочери пророка Мухаммада, жены имама Али и матери шиитских святых Хасана и Хусейна). Кум считается вторым после Мешхеда святым городом мусульман-шиитов в Иране, центром их паломничества.

ную дорогу Джульфа — Тебриз. Проехали Казвин, Зенджан, Мианэ. Уже вечером мы увидели на горизонте столбы черного дыма. Это, как оказалось впоследствии, горели тебризские здания. При въезде в город мы увидели, что Тебризский университет, находящийся на окраине, оцеплен полицейскими, улицы усеяны мусором и битым стеклом. В центре на перекрестках стоят танки. Людей не видно. В воздухе висит запах гари. Впечатление такое, будто город захвачен противником. По официальным данным, опубликованным в газетах, всего за время тебризских событий 100 человек было убито и 125 ранено. Сотни демонстрантов заключены в тюрьмы. По приказу шаха командир тебризской дивизии и генерал-губернатор Восточного Азербайджана, не применившие жестких мер по пресечению антиправительственных выступлений в Тебризе, были смещены со своих постов.

Чтобы преуменьшить впечатление, произведенное на всю страну событиями в Тебризе, через неделю правительство с помощью прошахски настроенных высокопоставленных особ и активистов партии «Раствахиз» инсценировало митинг жителей Тебриза в поддержку существующего режима. Этот митинг был показан по телевидению. Заранее подготовленные представители различных слоев населения бойко читали свои верноподданнические речи по бумажке. Однако содержание этих речей уже явно не гармонировало с нарастающим революционным подъемом в стране.

Шах, зная об оппозиционных настроениях в отношении его особы со стороны значительной части духовенства, имел обыкновение во время религиозных праздников посещать святой город Мешхед, где находится гробница 8-го имама Резы¹⁰. Этим он демонстрировал свою приверженность исламу. 26 мая 1978 года шах со своей женой Фаррах торжественно проехал по украшенным улицам Мешхеда. На этот раз он был одет

¹⁰ Имам-Реза — 8-й по счету духовный глава мусульман-шиитов похоронен в Мешхеде в IX веке. Его гробница, расположенная в центре города, является местом паломничества.

в авиационную синюю форму. Грудь украшали многочислен-ные орденские планки. Мы и наши семьи тоже вышли на улицу, чтобы принять участие в этой встрече. Воздух содрогался от приветственных криков в честь шаха. Его величество, подняв вверх правую руку, улыбаясь, приветствовал жителей.

На следующий день после посещения гробницы имама Резы в здании мемориального комплекса шах произнес длинную речь, транслировавшуюся по телевидению. Я переводил ее нашим сотрудникам. Вначале шах сделал несколько традиционных высказываний против коммунизма. Затем долго говорил о том, как лично сам соблюдает все догмы истинной религии, предписанные Кораном. Между прочим, упомянул, что как правоверный мусульманин он чтит мешхедскую святыню, часто приезжая туда, чтобы поклониться имаму Реза. Затем выступил настоятель соборной мечети¹¹. Его выступление было чрезвычайно оригинальным и смелым. Мне кажется, что это был первый случай, когда представитель высокопоставленного духовенства в присутствии шаха рискнул высказать взгляды, идущие вразрез с установками монарха. А если учесть, что церемония посещения гробницы шаха транслировалась на всю страну, то выступление настоятеля имело значение как откровенная оппозиция его величеству.

Настоятель соборной мечети, обращаясь к шаху, можно сказать, рубил сплеча, не стесняясь в выражениях. Он прямо и резко говорил о том, что шиитское духовенство очень обеспокоено падением нравов среди мусульман-шиитов Ирана, что духовенство возмущено распространением в Иране атрибутов западной культуры, которая, как он выразился, разлагающе действует на все слои населения, особенно на молодежь, отметив при этом пагубное воздействие западной музыки и иностранных кинофильмов. И шаху, гостю святого города, ничего не оставалось кроме как выслушивать до конца колкости высо-

¹¹ Соборная мечеть — большая мечеть, которая кроме купольного здания имеет прямоугольный двор, окруженный галереями, где размещаются молящиеся.

копоставленного духовного лица. Позднее наши иранские коллеги мне сказали, что отцами города речь настоятеля соборной мечети была воспринята как неслышанная дерзость.

В тот же день шах и шахиня покидали Мешхед. И опять их провожали тысячи людей. От резиденции до аэропорта расстояние 10–12 километров шах проехал через десятки триумфальных арок, увешанных живыми цветами в горшочках. По маршруту движения автомобиля улицы города были украшены портретами шаха, шахини и наследника. В руках у провожающих были лозунги, прославляющие монарха. Казалось, волна восхвалений достигла своего предела. Но вот на стенах домов вижу расклеенный цветной портрет его величества с надписью: «Шах — тень Бога на земле».

Резкое обострение политической обстановки в стране стало ощущаться в начале августа 1978 года. Все началось с того, что по всей стране стали поджигать банки и кинотеатры. Это делали чаще всего мотоциклисты: едущий впереди мотоциклист на ходу бросал увесистый камень в витрину и разбивал ее, а второй, едущий за ним, метал бутылку с зажигательной смесью в пролом. Даже в этот период, когда повсеместные поджоги банков и кинотеатров начали вызывать беспокойство средств массовой информации, шах тем не менее, как всегда, пытался казаться оптимистом.

В то же время по Тегерану прошел слух, будто шах тяжело болен: у него рак желудка. 11 августа его величество выступил по телевидению перед членами кабинета министров и корреспондентами тегеранских газет. В краткой речи он успокоил подданных, заявив, что летом чувствовал легкое недомогание, но на своей приморской даче в Ромсаре полностью восстановил здоровье. Корреспондент газеты «Кейхан» спросил шаха, как он расценивает массовый поджог банков в стране. На этот вопрос шах ответил очень пространно. Смысл его ответа сводился к следующему, что хотя в стране имеется некоторое количество безответственных элементов, однако ущерб, наносимый в результате поджога банков, незначителен. При этом шах обра-

тился к министру экономики и спросил его: «Сколько у нас имеется в обращении риалов?» Министр ответил, что примерно три тысячи миллиардов. Шах закончил свое высказывание словами: «Вот видите, при такой огромной массе денежных знаков трудно дезорганизовать нашу финансовую систему поджогом нескольких банков».

На следующий день после пресс-конференции шаха страну потрясло еще одно антиправительственное выступление. На этот раз в Исфахане. Оно продолжалось двое суток и проходило под теми же лозунгами, что и в Тебризе. Однако противоборствующие стороны действовали еще более жестоко. Демонстранты, сдерживаемые полицией и армейскими подразделениями, громили банки, кинотеатры, магазины, забрасывали военные грузовики бутылками с горючей смесью. Власти ввели в Исфахане военное положение. Число убитых и раненых намеренно скрывалось. Военный комендант Исфахана генерал Реза Наджи заявил корреспондентам газет, радио и телевидения, что организация демонстраций в Исфахане дело рук исламских марксистов.

Поздно вечером 19 августа 1978 года во время последнего сеанса кинотеатр «Рекс» в Абадане был подожжен. Заживо сгорели 377 человек. Среди погибших находились старики, женщины и дети. При расследовании этого варварского акта выяснилось, что все двери кинотеатра снаружи были наглухо подперты металлическими клиньями. Здание кинотеатра подожгли с четырех сторон. На какое-то время вся страна была парализована этой трагедией. Правительство объявило четырехдневный траур. Радио и телевидение прекратили передачу обычных программ. Звучала только траурная музыка. Газеты страны заполнялись корреспонденциями с места трагедии, фотографиями погибших. Общественная жизнь была буквально парализована.

Официальная пропаганда не осмелилась приписать это преступление исламским марксистам. Однако в печати, радио и телевидении содержались намеки на то, что в поджоге заме-

шаны якобы «коммунистические элементы, направляемые из-за рубежа». В Мешхеде в наши дома неизвестные лица стали подбрасывать записки, составленные из вырезанных газетных букв. В них содержались грубые угрозы, что, мол, если поджоги кинотеатров повторятся, то нам, советским специалистам, несдобровать, нам будут мстить. Подпись гласила: «Патриоты Ирана». Видимо, для большей убедительности ниже текста был нарисован советский флаг с серпом и молотом, а под ним изображено пламя, исходящее от спички.

С этими анонимками мы пошли в соседний полицейский участок. Однако начальник участка никак не отреагировал на них. Наши иранские коллеги проявили большее участие, успокаивая нас. По их единодушному мнению, подбрасывание такого рода записок с угрозами — грязная работа САВАК. Саваковцы, похоже, делают все возможное, чтобы увести иранский народ в сторону от революционной борьбы. Наши коллеги оказались правы. После февральской революции преступники нашлись. Ими, действительно, оказались агенты САВАК. Это они, выполняя приказ своего начальства из Тегерана, безжалостно сожгли заживо 377 человек своих соотечественников, чтобы затем свалить это преступление на «коммунистические элементы, управляемые из-за рубежа». Руководитель этой акции капитан САВАК Монир Тахери 23 марта 1979 года был казнен по приговору исламского революционного суда.

Резкое обострение политической обстановки в стране привело к тому, что правительство Джамшида Амузгара 27 августа 1978 года ушло в отставку.

Глава 2

ПЕРЕД БУРЕЙ

*Первые шаги правительства Шарифа Имами.
Введение военного положения в 12 городах. «Кровавая пятница».
Землетрясение в Хорасане. Всеобщая забастовка.
Активная деятельность духовенства в Мешхеде.
Тегеран горит. Приход к власти военного
правительства генерала Азхари.*

27 августа 1978 года. Вместо ушедшего в отставку правительства Джамшида Амузгара шах поручил председателю сената Шарифу Имами сформировать новое правительство. Судя по биографии нового премьера, переданной по радио и телевидению, можно полагать, что выбор шаха пал на Шарифа Имами неслучайно. Его отец и дед принадлежали к высшему духовенству. В свое время отец Шарифа Имами был весьма популярен среди шиитов Ирана. Похоже, что шах все еще старается найти пути примирения с духовенством, хотя противоречия запли слишком далеко.

Первым актом нового премьера стала отмена так называемого шахиншахского календаря¹ и восстановление мусульманского летосчисления, согласно которому сегодня 5 шахривара 1357 года вместо 2537 года по шахиншахскому календарю. По городам распространяются отпечатанные на машинке и размноженные на ксероксе тексты фетвы² находящегося в эмигра-

¹ По инициативе шаха иранский парламент в марте 1976 г. принял решение ввести в стране новую систему летосчисления, отсчет которой начинается с 558 г. до н. э. — года коронации древнеперсидского царя Кира. Против введения шахиншахского календаря резко выступило духовенство.

² Фетва — решение по какому-либо юридическому вопросу, вынесенное высшим мусульманским духовным лицом на основе шариата.

ции аятоллы Хомейни. В фетве содержится призыв к свержению монархии.

28 августа. Утром мы с Г. Я. Нуцубидзе прибыли из Мешхеда в Тегеран и поселились в гостинице «Нью-Надери». В 10 часов на машине Техностройэкспорта поехали на переговоры в министерство дорог и перевозок. Проезжая по улице Пехлеви, я обратил внимание на закопченные стены универсального магазина «Курош». Через разбитые витрины тянулись струйки дыма и пара. Наш водитель рассказал, что магазин подожгли ночью и только под утро пожарники потушили огонь. По его словам, уже утром был также подожжен магазин «Супер Першен» и ресторан «Тегеран» на улице Шахре Зиба.

2 сентября. Сегодня днем представитель Техностройэкспорта Г. Ф. Захаров вместе со мной поехал на назначенную встречу с представителями министерства труда. По дороге нам удалось обогнать многотысячную колонну студентов, двигавшуюся от Тегеранского университета в направлении улицы Эйзенхауэра. Студенты несли лозунги: «Долой Шарифа Имами! Долой американских марионеток!» Через два часа, возвращаясь обратно, мы уже не смогли проехать по этой же улице, так как она вся была запружена народом. Пришлось ехать в объезд через улицы Кеннеди, Ашраф Пехлеви, Амирабад и бульвар Елизаветы II. Вечером в теленовостях сообщалось, что в Куме в демонстрациях участвовало 20 тыс. человек, в Зенджане — 3 тыс.

3 сентября. В Куме, в 7:30 по призыву аятоллы Садека Рухани население города провело общий намаз по случаю разговения после месячного поста Рамазана. При сборе на молитву верующие несли портреты Хомейни и транспаранты с надписями: «Только вооруженное восстание может установить исламскую республику! Освободить политических заключенных! Мы требуем свободы для аятоллы Монтазери и аятоллы Талегани!» В местечке Саларие аятолла Рухани произнес речь, в которой критиковал новое правительство. Возвращаясь в город, участ-

ники молитвы подожгли банк, затем напали на полицейский участок и сожгли принадлежавший полиции автобус. Во время столкновений один человек был убит и 33 стража порядка ранены. Эти события подробно описаны в вечерних тегеранских газетах.

4 СЕНТЯБРЯ. Сегодня праздник фетр — разговение после месячного поста Рамазан. Судя по передачам радио и телевидения, накал страстей в стране до некоторой степени спал. И хотя в разных городах прошли политические демонстрации, в большинстве случаев это были мирные шествия. Исключением был Кередж. Там молодежь, составляющая большую часть демонстрантов, проходя по центральной улице, бросала в витрины банков камни, разбивала стекла кинотеатров, поджигала магазины. Полиция стреляла в воздух и применяла гранаты со слезоточивым газом. В результате столкновений 2 человека были убиты, многие арестованы. В Йезде бросили бомбы в два банка, в Хамадане неизвестные взорвали памятник царю Дарию.

5 СЕНТЯБРЯ. Правительство Шарифа Имами предпринимает меры по охране правительственных учреждений. Сегодня с Г. Ф. Захаровым ехали в Плановую организацию и видели, как два танка «М-48», проследовав по улице Амире Кябир, расположились у входа в Центральный телеграф и международный переговорный пункт. Далее, ближе к Тегеранскому базару, на улице Хайяма у квартала министерских зданий, разместились четыре бронетранспортера. Служащие Плановой организации работают в обычном режиме. Похоже, что уличные волнения их совершенно не касаются.

7 СЕНТЯБРЯ. Вчера поздно вечером по радио и телевидению было зачитано постановление правительства о запрете проведения демонстраций. Но уже сегодня из вечерних газет стало известно, что демонстрации прошли почти во всех крупных городах страны. Закрылись базары, магазины, банки. На улицы вышли тысячи людей. Они несли плакаты с требованиями

соблюдать конституцию и освободить политических заключенных. Вместе со всеми вышли руководители Национального фронта³ и других политических организаций.

Такого многолюдья в Тегеране мне до сих пор видеть не приходилось. Народ от окраин стекался к центру по параллельным улицам Пехлеви и Хафиза. В управление государственных железных дорог мы просто решили не идти. Да и пройти туда даже пешком было очень трудно. Необычным было наблюдать, как впереди колонны по улице Хафиза солдаты ехали на мотоциклах. Демонстранты бросали им цветы и кричали: «Солдаты — наши братья!» Сзади шли женщины в черных чадрах. Они несли плакаты: «Солдаты! Не убивайте наших братьев!» В течение дня, как пишут газеты, в разных районах Тегерана в демонстрациях участвовало около одного миллиона человек.

8 СЕНТЯБРЯ. Утром тегеранское радио сообщило, что вчера поздно ночью состоялось чрезвычайное заседание правительства, на котором было принято решение ввести военное положение на 6 месяцев в 12 городах страны: Тегеране, Кередже, Казвине, Куме, Мешхеде, Ширазе, Тебризе, Ахвазе, Абадане, Исфахане, Казеруне, Джахроме. В заявлении правительства говорилось, что эта мера направлена на прекращение беспорядков в стране, для восстановления спокойствия, ускорения проведения административных реформ, обеспечения социальной справедливости, борьбы со злоупотреблениями и искоренения причин недовольства населения.

Согласно приказу военного губернатора генерала Овейси, военное положение означало, что хождение по городу с 21 часа

³ Национальный фронт — буржуазно-националистическая организация, созданная в 1949 г. влиятельным представителем национальной буржуазии Мосаддыком. Это блок нескольких буржуазных партий и организаций, таких как партия «Иран», Партия трудящихся Ирана, «Паниранист», общество «Поборники ислама». После реакционного переворота в августе 1953 г. Национальный фронт был запрещен, а его лидеры арестованы. В 1960 г. Национальный фронт возобновил свою деятельность в легальных условиях.

до 5 часов утра запрещается. Не допускалось проведение собраний и демонстраций, разрешалось ходить группами не более трех человек, строго запрещалось ношение всякого рода холодного и огнестрельного оружия. Закон о военном положении вступил в силу 8 сентября, но в тот же день утром в столице население снова вышло на улицы. Когда я в 10 часов выходил из гостиницы «Нью-Надери», то народу на проезжей части улицы Пехлеви было столько, что машины свободно проехать уже не могли. На перекрестке улиц Надери и Пехлеви стояли два танка и три грузовика с солдатами. Но что они могли сделать с морем людей? По улицам Истамбули и Шахабад люди шли на Бехарестанскую площадь перед меджлисом. Около полудня со стороны меджлиса слышались частые выстрелы. Вечером тегеранское радио сообщило, что в результате сегодняшних беспорядков имеются убитые и большое число раненых и что городу нанесен значительный ущерб.

9 СЕНТЯБРЯ. В утренних известиях по телевидению передали официальное сообщение правительства о жертвах в результате вчерашних стычек демонстрантов с армией и полицией в Тегеране. Вначале сообщалось, что убито 58 человек и 205 ранено. В течение дня внесли две поправки, и окончательным числом стало 87 убитых. Население Тегерана этим цифрам не верило, так как войска впервые массированно применили автоматическое оружие. Огонь по скоплению людей открывался даже с вертолетов, чего до сих пор никогда не наблюдалось. Настоящее побоище войска и полиция устроили восточнее меджлиса в районе площади Жале. На востоке и юге столицы вспыхнуло более 100 пожаров. Горели в основном банки, кинотеатры, магазины. К началу действия комендантского часа в городе был слышен шум двигавшейся военной техники. Танки, бронетранспортеры и грузовики с солдатами располагались у правительственных зданий, на перекрестках и площадях.

10 СЕНТЯБРЯ. Военный губернатор Тегерана Голям Реза Овейси заявил корреспондентам столичных газет, что потери

в кровавых столкновениях, происшедших в пятницу 8 сентября, с учетом умерших от ран, составляют 95 человек.

Все газеты опубликовали программу правительства Шарифа Имами. Вот ее основные пункты:

1. Установить порядок и обеспечить безопасность.
2. Провести выборы с участием законных партий, всех слоев населения и классов.
3. Обеспечить права человека.
4. Предоставить государственным служащим равные права в выдвижении по службе и увеличить их жалование.
5. Изменить закон о налогообложении в пользу неимущих классов.
6. Провести чистку административного аппарата и усилить борьбу с коррупцией.
7. Соблюдать политику невмешательства в дела судебной власти и обеспечить независимость судов.
8. Ликвидировать пошлины на продукцию сельского хозяйства.
9. Создать привилегии для поездки паломников в святые места.

Совет министров объявил, что правительство возместит из казны государства ущерб, нанесенный государственным и частным владениям за последние дни в результате беспорядков, происходивших в стране. Министр без портфеля Азмун сообщил через средства массовой информации, что для определения ущерба генерал-губернаторам провинций дано указание создать комиссии из трех человек.

Кроме того, отменяются все протокольные визиты из страны и в страну, аннулируется проект строительства нового концертного зала, стоимость которого определялась в 500 млн туманов. Отменяется также проведение в Тегеране международного кинофестиваля.

11 СЕНТЯБРЯ. В 8 утра в своем номере включаю радиоприемник. Диктор взволнованным голосом читает последние

известия, сообщая, что вчера в Куме состоялась многолюдная антиправительственная демонстрация и впервые был выдвигнут лозунг: «Долой шаха!». Демонстрацию разогнали воинскими подразделениями. В 8:30, как всегда, иду покупать свежие утренние газеты на углу улиц Надери и Фирдоуси. Раньше хорошо знакомый мне продавец обычно стоял в одиночестве. Никаких очередей за газетами я в Тегеране вообще не наблюдал. А сегодня вижу — несколько человек стоят в очереди. Все с интересом рассматривают заголовки первой страницы газеты «Кейхан». На улице группы людей обсуждают последние известия в стране. Часто слышится выражение «Джомее хуни», означающее «кровавая пятница». Так окрестили тегеранцы массовый расстрел демонстрантов на площади Жале 8 сентября. Мало кто верит официальным сообщениям, будто в тот день было убито 95 человек. Судя по сообщениям иностранных газет, число убитых примерно около 1450 человек. Думаю, что такая цифра — явное преувеличение. Однако эмоциональные тегеранцы склонны верить этой гиперболизированной информации. Сегодняшняя «Кейхан» помещает сообщение министра двора о том, что шах отменил свои визиты в Румынию и ГДР, так как высшие интересы государства требуют, чтобы он не выезжал за пределы страны.

12 СЕНТЯБРЯ. В вечерних известиях тегеранское телевидение транслировало пресс-конференцию военного губернатора Тегерана генерала Овейси. Обрисовав положение в Тегеране как сложное, он сообщил корреспондентам, что арестован и заключен в тюрьму шейх Яхья Насири, известный под именем Аламе Нури. Ему предъявлено обвинение в подготовке восстания против правительства и подстрекательстве народа к поджогу банков, общественных учреждений, магазинов и кинотеатров. По приказу Аламе Нури будто бы пропитанные бензином опилки разбрасывались в местах скопления людей, а затем поджигались.

15 СЕНТЯБРЯ. В течение последних двух дней иранское телевидение передавало на всю страну чрезвычайное заседа-

ние меджлиса, на котором обсуждалась правительственная программа нового кабинета Шарифа Имами. Это заседание не было похоже на все предыдущие. К тому же ранее заседания меджлиса и сената транслировали по телевидению очень редко. Плюрализм мнений депутатов был необычаен. Некоторые из них весьма резко критиковали программу нового премьера. Особенно эмоционально и непримиримо выступал депутат от Хорремабада, бывший председатель бывшей партии «Паниранист»⁴ Мохсен Пезешкпур. Он подверг уничтожающей критике положение в стране, сложившееся за последние 20 лет, выразил крайнее неудовлетворение введением военного положения в Тегеране и высказал полное несогласие с введением военного положения в 11 других городах Ирана, отметив, что страна превратилась в какой-то военный лагерь. Сегодня он еле-еле смог добраться до меджлиса, кругом солдаты с винтовками, на перекрестках танки, когда же все это прекратится? Но было немало депутатов, которые в своих выступлениях одобряли меры, предпринятые правительством, хвалили Шарифа Имами за проявленную им твердость по отношению к бунтовщикам.

После бурных дебатов за программу Шарифа Имами проголосовали 176 депутатов, против было 16 и двое воздержались. 74 депутата не приняли участия в голосовании.

Между тем тегеранское радио как официальное правительственное средство массовой информации в течение дня неоднократно напоминало радиослушателям, что завтра исполняется 37-я годовщина восхождения на престол Мохаммеда Реза Пехлеви. В последних известиях радио и телевидения сообщались выводы комиссии по борьбе с коррупцией, в которых, в частности, отмечалось, что члены иранского правительства за последние 5 лет незаконно потратили из государствен-

⁴ «Паниранист» — буржуазно-националистическая партия, созданная в 1947 г. Она объединяла в своих рядах шовинистически настроенную молодежь из числа студентов и военных. Партия вела пропаганду за «Великий Иран», выступала против национальных меньшинств. Паниранисты ратуют за восстановление территории Ирана в границах Ахеменидской империи VI–IV вв. до н. э.

ной казны 8 млрд долл. При обсуждении программы в сенате премьер-министр Шариф Имами заявил, что его правительство ликвидирует причины недовольства народа, сделает все, чтобы «народ мог свободно дышать». Шариф Имами утверждал, будто военное положение, которое правительство вынуждено ввести, создает спокойную обстановку для жителей страны. Он обещал назначить совет из представителей правительства, который рассмотрит жалобы населения. Для паломников, совершающих поездки в святые места, снимаются всякие ограничения: каждый может получить визу в посольстве Саудовской Аравии для поездки в Мекку. В заключение Шариф Имами заявил, что его правительство находится в контакте с духовенством и может полностью устранить все недоразумения.

Несмотря на взрыв политической активности жителей Тегерана, правительственные учреждения работали в обычном ритме. Естественно, наши коллеги из министерства дорог и перевозок в митингах и демонстрациях не участвовали и от разговоров на политические темы уклонялись. За последние дни мы провели в министерстве переговоры с лабораторией, занимающейся исследованием грунтов, побывали в консультирующей нас фирме «Сайрус» и уточнили вопросы, интересующие нашу экспедицию. Затем приняли участие в заключении контракта с представителями топографического управления военного министерства полковником Аббасом Джафари и майором Ахмедом Набили на проведение аэрофотосъемки трассы будущей железной дороги.

Закончив наши первоочередные дела в Тегеране, мы с начальником экспедиции Г. Я. Нуцубидзе и его заместителем Г. М. Кварцхава вечерним экспрессом из Тегерана выехали в Мешхед, где находилась наша экспедиция.

17 СЕНТЯБРЯ. Мешхед. Дома мы застали наши семьи, взволнованными землетрясением, происшедшим вчера вечером в Мешхеде. Радио и телевидение сообщили, что в 400 км юго-западнее Мешхеда в городе Табасе и его окрестностях произошло сильнейшее в истории Ирана землетрясение. В эпицентре сила

толчков достигала 7,8 балла по шкале Рихтера. Табас полностью разрушен. Из 20 тыс. жителей города 18 тыс. погибли. Вокруг Табаса разрушено 40 деревень. В район катастрофы направлены войска. В стране объявлен трехдневный траур. Все программы радио и телевидения в связи с этим изменены. Звучит только грустная музыка.

19 СЕНТЯБРЯ. В провинциальной мешхедской газете «Хорасан» на первой странице крупным шрифтом помещено сенсационное сообщение о том, что разрушительное землетрясение в Табасе произошло в результате испытаний ядерного оружия Советским Союзом в Казахстане. В городе только и говорят об этом сообщении без ссылки на источник. Население, не искушенное в таких делах, верит этому, ибо трагедия всех потрясла. Она коснулась также части жителей Мешхеда, у которых многие родственники погибли в Табасе. Водитель нашей экспедиционной «Волги» Аббас Воджцани получил сообщение из Табаса, что его тетка и двоюродная сестра погибли в развалинах города. Начальник экспедиции разрешил Аббасу привезти их тела из Табаса в Мешхед на нашей машине. Иранские коллеги, побывавшие в Табасе, рассказывают, что из всех домов этого экзотического туристического города, окруженного пальмовыми деревьями, уцелел лишь один дом с рекламной вывеской: «Добро пожаловать в живописный Табас!». Во время передачи телевизионных последних известий показывают зловещую панораму города, заснятую с вертолета.

21 СЕНТЯБРЯ. Создается впечатление, что землетрясение в Табасе помогло правительству Шарифа Имами сбить напряженность в стране и на какое-то время отвлечь внимание народа от сложного внутривластного положения. Все газеты полны сообщений о сборе населением Ирана продовольствия, медикаментов, одежды, посуды для оставшихся в живых жителей Табаса и его окрестностей. Пока правительство собиралось предпринимать срочные меры для оказания помощи, по инициативе высшего духовенства одна тысяча добровольцев

отправилась на автомобилях в Табас, взяв все необходимое для пострадавших.

22 СЕНТЯБРЯ. Сегодня в дома советских специалистов нашей экспедиции неизвестные подбросили несколько записок. В них утверждалось, будто Советский Союз виновен в гибели многих тысяч иранцев в районе Табаса. Некие «патриоты Ирана» выражали свою готовность мстить нам «за пагубные последствия испытания ядерного оружия в СССР и гибель 40 тысяч иранцев». Содержались угрозы нашим женам и детям. Записки сопровождалась крепкими нецензурными ругательствами в наш адрес. Все записки подписаны одинаково «Ночной мститель».

24 СЕНТЯБРЯ. Газета «Кейхан» на 18-й странице мелким шрифтом напечатала подборку высказываний крупных ученых-геофизиков США, Англии и ФРГ. В них подробно объяснялось, что испытания ядерного оружия ни в коей мере не могут стать причиной возникновения землетрясения в каком-либо районе земного шара.

25 СЕНТЯБРЯ. Сегодня в Мешхед приехал консул СССР в Реште П.К. Романчук. Цель прибытия — выразить соболезнование генерал-губернатору (*остандару*) Хорасана в связи с гибелью тысяч людей. Поскольку консул прибыл без переводчика, то он попросил меня сопровождать его. По существующему протоколу мы около 20 минут находились в приемной генерал-губернатора, ожидая аудиенции. Наконец консула пригласили к его превосходительству. Беседа П.К. Романчука с генерал-губернатором длилась 30 минут. Остандар только что прибыл из Табаса, чувствовалось его волнение от увиденного там. Он откровенно рассказал о том, что видел своими глазами в Табасе и окрестностях. В частности, его особенно потрясла необычайная сила подземного толчка. Она была настолько велика, что невредимыми остались только те, кто шел или ехал по середине проезжей части улиц. Те же, кто двигался по тротуару, были погребены под развалившимися зданиями.

Генерал-губернатор подробно изложил, как работают специальные команды по извлечению раненых из-под обломков и о принятых срочных мерах по предотвращению эпидемий в районе бедствия. В конце беседы П. К. Романчук вежливо заметил, что некомпетентные публикации в местных газетах о причине землетрясения дезориентируют общественное мнение и бросают тень на Советский Союз. Такие материалы прессы становятся причиной провокаций в отношении советских специалистов, работающих в Мешхеде. Консул просил его превосходительство принять необходимые меры, чтобы предотвратить подобные эксцессы. Генерал-губернатор уклонился от прямого ответа на заявление консула, но пообещал обеспечить безопасность советских граждан на вверенной ему территории. После окончания встречи П. К. Романчук вручил генерал-губернатору традиционные подарки.

27 СЕНТЯБРЯ. Местная газета «Хорасан» сообщила, что вчера утром был убит начальник 6-го полицейского участка полковник Сеид Мортеза Заманпур. Его шофер был тяжело ранен и вскоре умер. Иранские коллеги рассказали мне, что полковник Заманпур был хорошо известен в городе своей жестокостью. Он получил несколько анонимных письменных предупреждений от патриотов, в которых сообщалось, что если он не прекратит пытки и издевательства над арестованными, то будет убит. Однако, видимо, полковник не придавал значения этим угрозам и, как говорят, наоборот, пытки ужесточил. Несколько дней тому назад он приказал посадить одного арестованного на кол. За свои зверства Заманпур поплатился жизнью.

«Ночные мстители» прекратили подбрасывать в наши дома записки с угрозами. Жизнь в Мешхеде после табасского землетрясения стала входить в нормальную колею. Изыскатели экспедиции возобновили работу на трассе будущей железной дороги. Сегодня вечером на имя начальника нашей экспедиции пришла телеграмма от президента государственных железных дорог Ирана господина Дибба, в которой предлагалось прибыть

1 октября в Тегеран для ведения переговоров по вопросу аэрофотосъемки трассы.

1 октября. Тегеран. Хотя перед отъездом из Мешхеда в Тегеран столичное радио сообщило о нормализации положения в городе, тем не менее, когда мы вышли на привокзальную площадь Тегерана, то первое, что бросилось в глаза — безлюдье на площади. А это уже непривычно. Раньше вся площадь была забита пассажирами. Ехали семьями, тут же женщины на портативных газовых плитках готовили пищу, дети разных возрастов резвились среди чемоданов и узлов. Сейчас здесь никого нет.

Проезжая по улице Шахпура, слышим отдельные выстрелы со стороны большого базара. По дороге купил вечернюю газету «Эттелаат», из которой узнал, что единственная официально существовавшая партия «Растахиз» объявила о самороспуске. Эта партия просуществовала около трех лет. Наконец, мы прибыли в гостиницу «Нью-Надери», чтобы сразу же выехать на переговоры с президентом железных дорог.

2 октября. Вчера целый день провели с иранскими железнодорожниками. Нерешенных вопросов накопилось немало. Придется задержаться в Тегеране, видимо, надолго. На завтра назначены переговоры с полковником Аббасом Джафари из топографического управления иранской армии. Слушаю, что передает тегеранское радио. Сообщается о положении в городах, в которых объявлено военное положение, но население фактически игнорирует его. Массовые антиправительственные выступления продолжаются. Они прошли в Зенджане, Мехабде, Доруде, Резайе, Хамадане, Дизфуле. В Керманшахе при столкновениях полицейские убили 6 и ранили 30 участников демонстраций. Вечером мы с Нуцубидзе пытались позвонить из гостиницы в Тбилиси, так как знали, что там очень беспокоятся о нас. Однако моя знакомая, старшая смены международной телефонной станции госпожа Селим Заде ответила: «Прошу вас меня простить, но это невозможно, наши девочки бастуют».

3 октября. Сегодня был трудный день. В министерстве дорог и перевозок с полковником Аббасом Джафари, майором Ахмедом Набили и майором Рахимом Хамдарси решали многие детали с обеспечением аэрофотосъемки трассы. Необходимо отметить, что, несмотря на митинги и забастовки в Тегеране трех тысяч водителей такси, работников почты, телеграфа, служащие министерств пока работают. Они, видимо, выжидают, проявляя лояльность правительству.

11 октября. В течение прошедших дней политическая обстановка в стране продолжала обостряться. Забастовки фактически охватили уже всю страну. Требования бастующих — повышение зарплаты, улучшение медицинского обслуживания и социального обеспечения. Растет неприязнь к американским советникам и сотрудникам американских компаний. Только в Исфахане находится 12 тысяч американских сотрудников. Большая часть их работает в компании «Белл Хеликоптер», обучающей личный состав иранских военно-воздушных сил. Вчера под автобус, обслуживающий работников этой компании, кто-то из иранцев бросил самодельную бомбу. В результате взрыва из 12 пассажиров было ранено 8 человек. Американский консул в Исфахане заявил, что после этого случая 15 директоров американских компаний обсуждают вопрос о выезде американцев из Ирана.

14 октября. Сегодня утром в гостиницу прибыли советские специалисты из Исфахана. Они говорят, что построенный с нашей помощью исфаганский металлургический завод, за исключением некоторых горячих цехов, остановился. Радио сообщает, что прекратили работу таможни на всей территории Ирана. После завтрака решил купить свежую газету. Увы, газет нет, не выходят. В Тегеране закрыты все магазины, кроме продовольственных. Забастовку объявили почти все тегеранские больницы. Правда, наша советская больница Красного Креста и Красного Полумесяца работает.

Правительство сообщает, что генерала Нематолла Насири, который в течение 12 лет возглавлял САВАК, будет судить военный трибунал.

15 октября. После четырехдневной забастовки служащих и рабочих столичных газет «Кейхан» и «Эттелаат» правительство согласилось обеспечить свободу печати согласно конституции. Переговоры между правительством и представителями прессы продолжались 10 часов. Они закончились подписанием соглашения, по которому правительство гарантирует свободу печати и обещает не вмешиваться в работу изданий. По телевидению выступил заместитель главного редактора газеты «Кейхан», который сказал: «Мы добились отмены цензуры и получили свободу, и должны беречь эту свободу, как цветок, который требует ухода. С другой стороны, это обстоятельство требует от нас определенной ответственности перед народом, который ожидает от нас многого».

16 октября. Тегеранские газеты сегодня в полной мере воспользовались отсутствием цензуры. Многие из них опубликовали призыв оппозиционного Национального фронта провести День памяти жертв «кровавой пятницы», когда правительство 8 сентября отдало приказ применить огнестрельное оружие против мирных демонстрантов. В 14 часов, когда мы с Г.Я. Нуцубидзе возвращались по улице Тахте Джамшид из управления железных дорог в гостиницу, наша машина была вынуждена остановиться на перекрестке, чтобы пропустить колонну грузовиков с солдатами в сопровождении танков, двигавшихся с севера на юг. Похоже, что правительство ожидает каких-то событий.

Вечерние газеты дали репортаж о том, что происходило на кладбище Бехеште Захра. Там днем собрались тысячи людей, чтобы отметить 40-й день кровавых событий 8 сентября, расстрела демонстрантов на площади Жале в Тегеране. Сообщалось, что вооруженные солдаты окружили кладбище, но не препятствовали движению людей. Юноши и девушки, одетые

в черное, приносили цветы и возлагали их на могилы, мыли могильные плиты, слушали выступавших. Отовсюду раздавались лозунги в поддержку Хомейни.

Газета «Эттелаат» поместила любопытное сообщение из Бехбехана. Там 15 октября учащиеся школ после занятий вышли на улицу и стали разбивать окна своих школ. Полиция пыталась разогнать их, но школьники забросали полицейских камнями. Вечером по телевидению в программе последних известий показали Главпочтамт Тегерана. Что там творилось! Из-за двухнедельной забастовки почтовых работников письма, бандероли и посылки не разбирались; они заполнили все склады почтамта и близлежащие улицы. Сегодня, сказал диктор, почтовые работники обещали прекратить забастовку и в течение двух суток разобрать скопившиеся почтовые отправления.

17 октября. Сегодня мы закончили свои дела в Тегеране и вечером выезжаем поездом в Мешхед. Днем мне пришлось съездить с представителем Техностройэкспорта Г.Ф. Захаровым в ирано-американскую консультирующую фирму «Сайрус», которая расположена на северной окраине Тегерана. Фирма частная, консультирует электрификацию железной дороги Джульфа — Тебриз. Во время беседы с ее владельцем Хабибом Моаллемом я полушутя спросил его, не намерены ли его сотрудники объявить забастовку. Моаллем засмеялся и сказал: «Пусть только попробуют! У них сейчас много работы. Им не до забастовок». Конечно, боясь потерять работу, сотрудники частных фирм в забастовках не участвуют. Кстати, его ведущий инженер-консультант, американец мистер Памбертон из-за сложившейся ситуации в стране временно вылетел в США. Вечерним экспрессом мы с Нуцубидзе выехали в Мешхед.

18 октября. В 8 утра наш поезд прибыл в Мешхед. Днем, когда я ехал в гараж нашей экспедиции, понял, что провинция не хочет отставать от центра. На улице Асади затор. Тысячи юношей и девушек — учащиеся школ — вышли на демонстрацию. Судя по плакатам, демонстрация проходила под религиозными лозун-

гами в поддержку Хомейни. Наша «Волга» простояла в заторе около часа. Полиция стреляла в воздух. Но это не помогло. Тогда стражи порядка стали бросать гранаты со слезоточивым газом. Чтобы защититься, демонстранты начали жечь картонные коробки, бумагу, мусор. Тем не менее полиции удалось рассеять колонны. И мы благополучно добрались до гаража.

Медицинский персонал мешхедской больницы, которая расположена недалеко от офиса нашей экспедиции, забастовал. Забастовка длится уже неделю. Врачи и медсестры протестуют против несправедливостей со стороны министерства здравоохранения. Например, зарплата медсестры-филиппинки в два раза выше, чем у иранской медсестры. Кроме того, медсестрам-иностранкам, работающим в инфекционных отделениях, выплачивается ежемесячно по 2 тыс. туманов на жилье.

19 октября. В городе опять состоялась демонстрация, в которой приняли участие более 5 тыс. человек. Собравшись на площади Шаха, демонстранты направились в сторону улицы Надери, выкрикивая лозунги в поддержку аятоллы Хомейни. Затем демонстранты остановились у резиденции генерал-губернатора. На состоявшемся митинге приняли решение заменить названия трех самых крупных мешхедских больниц. Университетскую больницу им. Шахназ⁵ переименовали в больницу им. доктора Мохаммеда Мосаддыка⁶, больницу им. 6-го бахмана⁷ — в больницу им. 17 шахривара⁸, больницу, носившую имя Шаха Реза — в больницу имама Реза. Демонстранты тут же сорвали старые вывески и повесили временные с новыми названиями.

⁵ Шахназ — имя старшей дочери шаха Мохаммеда Реза Пехлеви.

⁶ Мохаммед Мосаддык — премьер-министр Ирана в 1951–1953 гг., провозгласивший национализацию Англо-иранской нефтяной компании. Был свергнут в результате заговора, организованного США.

⁷ 6-го бахмана, т.е. 26 января 1962 г. — день проведения референдума о социально-экономических реформах. Впоследствии этот день праздновался как День единства шаха и народа.

⁸ 17 шахривара, т.е. 8 сентября 1978 г. — день расстрела мирной демонстрации в Тегеране («кровавая пятница»).

21 октября. В течение последних двух дней в Мешхеде, как и по всей стране, началось массовое уничтожение монархических символов и эмблем, вывешенных почти во всех государственных и частных предприятиях, магазинах, учебных заведениях. В свое время они были изготовлены в честь 50-летия династии Пехлеви и 100-летия со дня рождения Реза-шаха. Первая эмблема представляет собой голубой круг, по краям которого в два ряда расположены пятьдесят золотых полушарий. В центре круга — шахская корона, обрамленная надписью: «50 лет династии Пехлеви». Вторая эмблема аналогичной формы с профилем Реза-шаха. Круг окаймляют 100 золотых полушарий. Вместо разбитых и выброшенных на тротуары эмблем вывешиваются портреты Хомейни.

Вечером, когда мы с группой инженеров экспедиции возвращались в город с полевых изысканий, нашу машину остановили молодые люди и приклеили на ветровое стекло портрет Хомейни. На улицах царило радостное возбуждение. Близ площади Шаха у городского муниципалитета колонна демонстрантов двигалась к месту митинга. На проезжей части улицы стояли молодые ребята с увесистыми палками. Они требовали от водителя каждой проезжающей машины включить фары и дать продолжительный сигнал в знак солидарности с аятоллой Хомейни. Мне не пришлось видеть как поступали с теми, кто не выполнял их требования. Свидетели утверждают, что сторонники Хомейни безжалостно разбивали палками ветровые стекла автомобилей тех, кто этого не делал. Тем не менее наша гудящая «Волга» с включенными фарами с трудом обогнала колонну демонстрантов. Уже приближаясь к своему дому, видим как на улице Асади сошедшие с бронетранспортера солдаты взбирались на крышу больницы с новым названием им. 17 шахривара, чтобы сорвать вывеску. Толпа стала оказывать сопротивление. На дороге образовался затор. В солдат полетели камни. Они, надев противогазы, бросали в кюветы гранаты со слезоточивым газом. Люди стали разбегаться, не выдерживая раздражающего действия газа.

И хотя мы плотно закрыли окно машины, пришлось проследить за нами.

23 октября. Сегодня шли на работу пешком. Проехать на автомашине по улицам города почти невозможно. Повсюду собираются толпы людей. С улиц и переулков на проспект Фаррах стекаются колонны, состоящие из рабочих, служащих, студентов и школьников. У многих в руках самодельные плакаты, всюду виднеются портреты Хомейни. На главных перекрестках и площадях разместились войска. На центральных площадях стоят по два танка и рядом грузовики с солдатами. Охраняются памятники Реза-шаху и монументы Мохаммеду Реза Пехлеви, которые опоясаны рядами колючей проволоки на крестовинах. Один грузовик располагается прямо на газоне непосредственно у памятника. В передней части грузовика установлен крупнокалиберный пулемет. На башнях танков зенитные пулеметы опущены в горизонтальное положение. У главного входа железнодорожного вокзала стоят три танка и три грузовика с солдатами. По периметру огромной площади в центре Мешхеда, на которой находится гробница имама Резы, соборная мечеть и комплекс прилегающих к ней зданий, перед четырьмя главными воротами святыни установлено по два бронетранспортера. Непрерывное патрулирование по городу ведут легкие танки в сопровождении солдат на автомобилях.

При интенсивном движении в городе патрульные танки и бронетранспортеры двигаются умышленно небрежно, нередко нанося повреждения встречному транспорту. Вчера вечером на проспекте Фаррах патрульный бронетранспортер серьезно повредил левый борт минибуса, обслуживающего нашу экспедицию. Все попытки водителя минибуса остановить бронетранспортер не увенчались успехом. По иранским правилам страхования автотранспорта виновный в аварии обязан возместить ущерб пострадавшему. Находящиеся на бронетранспортере солдаты лишь хохотали и кричали: «Пусть за ремонт тебе платит Хомейни!»

Между тем в городе повсеместно распространяются бесчисленные послания и инструкции аятоллы Хомейни. Их подбирают в почтовые ящики, через щели входных дверей домов. Во вступительной части посланий обычно дается оценка складывающегося политического положения, прогнозы возможных действий иностранных держав в отношении Ирана после обострения ситуации в стране. В одной из инструкций о методе проведения забастовок Хомейни дал распоряжение, касающееся использования специальных денежных фондов мечетей для выплаты пособий семьям, не получающим зарплату в ходе забастовки.

25 октября. После того как в Мешхеде стало беспокойно, мы до минимума сократили хождение по городу, посещения кино, магазинов. Поскольку без еды не обойтись, то в основном покупали продукты лишь в ближайших магазинах. Продуктов много, самых разнообразных, но цены стали постепенно расти. На мои замечания о ползущих вверх ценах продавцы, отшучиваясь, говорили, что это дополнительная плата за риск. В витринах магазинов вывешены портреты Хомейни. Захожу как постоянный клиент в овощную лавку. Стараюсь выполнять наказ нашего начальства, которое строго советует не вступать с местным населением в разговоры на политические темы. Однако без таких разговоров, откровенно говоря, жить стало просто невозможно, да еще когда встречаешься со знакомыми.

— Вы за революцию? — спрашивает меня лавочник.

— Я за все то, что желает иранский народ, — уклончиво отвечаю, сосредоточивая свое внимание на отборе картошки.

— Нет, вы мне точно ответьте: «за» или «против», — настаивает на меня хозяин.

— За! — делаю вынужденное признание, полагая, что попал в точку, поскольку перед собой вижу на стене портрет Хомейни.

— А я против, — запальчиво шепчет лавочник, озираясь на входную дверь. — Зачем мне нужна такая революция,

если раньше за прием к врачу я платил 30 туманов, а теперь он с меня просит 60? Если раньше я платил за пачку сигарет «Кент» 5 туманов, а сегодня 10?!

Расплатившись за покупки, я попрощался со своим знакомым и вышел на улицу. Так впервые я повстречал вынужденного попутчика революции. А таких, видимо, немало.

26 октября. День рождения шаха. До 26 октября 1978 года это был национальный праздник Ирана. Город пышно украшался, повсюду вечером горели лампочки праздничной иллюминации. Радио и телевидение славил шахиншаха, в мечетях устраивались молебны за здоровье монарха и его семьи. Сегодня все наоборот. Мешед бурлит, но по другой причине. Население различными способами выражает ненависть к его величеству. Стены домов и магазинов испещрены надписями: «Смерть кровавому шаху! Долой династию Пехлеви! Слава Хомейни — низвергателю идолов!» На стене дома, где я живу, черной краской выведено: «Теперь нам не страшны ни пушки, ни танки! Да здравствует Хомейни!» На соседних домах еще более дерзкие надписи: «Солдаты! Убегайте с оружием из гарнизонов, присоединяйтесь к народу! Долой американский империализм! Смерть САВАК! Смерть Картеру! Смерть сионизму!» Даже в этой ситуации проявляется поэтическая натура иранца. Некоторые лозунги пишутся в стихах. Например: «Чин, Шоурави ва Эмрика — дошманане хальке ма!» В переводе это означает: «Китай, Советский Союз и Америка — враги нашего народа!» А на стене соседней автомастерской красуется надпись: «Смерть наследнику — желтой собаке!»

С этого дня, можно сказать, началась война лозунгов. По ночам солдаты окрашивали антишахские, антиправительственные лозунги и надписи и писали другие, в защиту шаха. Наутро революционных лозунгов появлялось еще больше. Это настенное противоборство продолжалось до самого февральского вооруженного восстания в Тегеране. Шах, как известно, написал несколько книг во славу своего правления. Одна из них вышла

под названием «На пути к великой цивилизации». Какой-то шутник на стене рядом с общественным туалетом крупными буквами написал заглавие этой книги и от него вывел большую стрелу в сторону туалета.

Нельзя сказать, что среди простых иранцев осуждение шаха и его деяний было единодушным, всеобщим. Многолетняя пропаганда, восхвалявшая шаха, не прошла бесследно для многих неграмотных людей огромного государства. Эти люди слепо верили шаху, преклонялись перед ним. Примером может служить Абдулла — сторож нашего офиса в Мешхеде. Этот обездоленный крестьянин пришел из деревни в Мешхед со всей семьей в поисках работы. Его имущество состояло из узла старого тряпья, ветхой одежды, глиняного кувшина и нескольких пластмассовых тарелок. У Абдуллы симпатичная молодая жена и трое маленьких детей. Жилья нет. Он с семьей ютится в сторожевой будке. Каждый раз, возвращаясь из города, где постоянно происходят антишахские демонстрации, Абдулла, исповедующий ислам суннитского толка, тихим голосом испуганно говорит мне: «Что такое творится? Зачем ругают хорошего человека? Что плохого он сделал? Если бы не он, разве бы мы так хорошо жили?!»

Абдуллу трудно переубедить. И таких как он в Иране превеликое множество.

27 октября. Днем на улице Симетри, где стоял наш дом, произошел трагический инцидент. На пересечении улицы с проспектом Фаррах находилось педагогическое училище, его студенты, вопреки приказу военного коменданта Мешхеда, организовали антиправительственный митинг, причем у перекрестка, который охранялся танком и солдатами. Офицер приказал студентам разойтись. Но никто не тронулся с места. По приказу офицера солдаты стали стрелять. Убито было три человека. После этого студенты разбежались. Санитарная машина увезла нескольких раненых.

30 октября. В связи с продолжающимися волнениями в городе военный комендант Мешхеда дивизионный генерал Мир

Шапур Мир Хади увеличил время комендантского часа в Мешхеде и его окрестностях. Теперь это время длится с 20 часов до 7 утра. Тегеранское радио сообщило, что поскольку студенты тегеранских высших учебных заведений продолжают участвовать в беспорядках, правительство распорядилось закрыть Тегеранский университет и ряд других учебных заведений.

Пожалуй, лишь наша экспедиция не участвует «в беспорядках». Мы пунктуально выполняем условия заключенного контракта по проектированию железной дороги Мешхед — Серахс. Сегодня вечером главный геолог экспедиции З. Бочоришвили и я экспрессом Мешхед — Тегеран выехали в столицу, чтобы договориться о дальнейшем сотрудничестве с лабораторией министерства дорог и перевозок по испытанию образцов грунта на трассе.

31 октября. Утром через перрон тегеранского железнодорожного вокзала выходим на площадь. Тут расположены службы железной дороги, с которыми мы часто вступаем в деловые контакты. Прежде нас всегда сопровождал постоянный гул самолетов, пролетавших над этой площадью. Авиалайнеры международных компаний беспрерывно взлетали и приземлялись в Мехрабадском аэропорту, находящемся чуть западнее вокзала. А сегодня — тишина. Садимся в такси. Из разговора с таксистом выясняется, что пилоты и авиадиспетчеры иранской авиакомпании «Хома» забастовали. Мехрабадский международный аэропорт закрыт.

Прибыли в гостиницу. Бегу к своему постоянному продавцу газет. Столичные газеты содержат пространные речи депутатов меджлиса. Большинство депутатов пытается оправдать карательные действия правительства в отношении революционно настроенных масс. Лишь некоторые из них критикуют положение в стране. Например, депутат от Кереджа Ахбари заявил, что история Ирана еще не знает такого примера, когда в невинных людей стреляют из пулеметов. Далее Ахбари подчеркнул, что 65 тыс. иранских деревень буквально разорены, и Иран вынуж-

ден импортировать пшеницу, рис, мясо и другие продукты сельского хозяйства.

4 НОЯБРЯ. Политическая обстановка в стране еще более осложнилась. Забастовочное движение приняло настолько широкий размах, что трудно предположить насколько долго продержится у власти правительство Шарифа Имами. Наша поездка в лабораторию окончилась неудачей. Ее сотрудники присоединились к всеобщей забастовке.

Сегодня газета «Донья» откровенно пишет: «Кто может сформировать новый кабинет? Несмотря на то что господин Шариф Имами постоянно повторяет, что он останется у власти, однако... трудно в это поверить».

5 НОЯБРЯ. Вчера ночью в одно из зданий английского посольства была брошена зажигательная бомба. Услышав об этом по радио в последних известиях, я поспешил к английскому посольству, которое находилось рядом с нашей гостиницей. Эти сведения подтвердились. Действительно, со стороны улицы Фирдоуси было видно, что часть трехэтажного здания посольства выгорела. С крыши дома свисало закопченное железо.

Днем в Тегеране начались массовые поджоги, с которыми едва справлялись пожарные команды города. На углу улиц Хафиза и Шах Реза разгромили два банка. Из зданий банков вначале выбросили через окна конторское оборудование и подожгли его, а затем подожгли и сами здания. Стемнело. Я вместе с сотрудниками аппарата экономсоветника поднялся на плоскую крышу шестиэтажного жилого дома нашего посольства. Там уже собралось много сотрудников. Мы с беспокойством и волнением смотрели на пылающий Тегеран. На улице Керим Хан Занд горел небоскреб, в котором находилась национальная газовая компания. На улице Рузвельта, вблизи американского посольства, горел голландский банк. Куда ни взглянешь — пожары, пожары, пожары...

6 НОЯБРЯ. Утром, воспользовавшись поездкой сотрудников ГКЭС (Государственный совет экономических связей)

в советскую больницу, я получил возможность осмотреть горевший всю ночь Тегеран. Эта больница находилась далеко от центра, в северной части Тегерана, поэтому наш «РАФ» проследовал по самым «горячим» районам. Улица Захеди усыпана битым стеклом, воздух наполнен запахом гари, около стадиона Амджадие проезжая часть улицы Рузвельта покрыта искореженным обгоревшим железом. Уставшие, закопченные пожарники заканчивают работу с постепенно затухающими пожарами. Непривычно наблюдать полупустые центральные улицы огромного города, которые в обычные дни всегда до отказа забиты автомобилями и прохожими. Город замер. Лишь у булочных толпится народ. Над городом барражируют военные вертолеты.

Предсказания тегеранских газет сбылись. В 11 часов утра по радио передали экстренное сообщение об отставке правительства Шарифа Имами. Шах поручил начальнику штаба Верховного главнокомандующего генералу Голяму Реза Азхари сформировать военное правительство. Через полчаса радио сообщило, что в полдень шах обратится к народу.

Непривычно слушать короткое обращение монарха. Я прослушал его дважды: в 12 часов дня по радио и в 20:30 по телевидению. С экрана телевизора на нас смотрел как будто другой человек. Отсутствовал былой блеск, исчезла отрепетированная поза, шах выглядел подавленным. Без пафоса, тихим, хриплым голосом он сказал, что всё виденное им 5 ноября вечером и ночью в Тегеране более переносить невозможно. И поэтому он принял решение поручить генералу Азхари сформировать военное правительство. Далее шах заявил, что правительство Азхари временное и после установления в стране спокойствия и порядка будут проведены свободные выборы, а затем создано народное правительство. Шах также сказал, что народное правительство не повторит ошибок прежних правительств и конституция будет соблюдаться в полном объеме. В заключение шах просил иранский народ серьезно подумать о положении, создавшемся в Иране, и о будущем своей древней страны. Он

особо обратился к молодежи и выразил надежду, что Иран не будет потоплен в крови и ввергнут в хаос.

Вечером город затих. В 18:30 в клубе посольства СССР состоялось торжественное заседание, посвященное 61-й годовщине Октября. Оно закончилось в 20:30. В приподнятом настроении мы возвращались в гостиницу. Однако нетрудно себе представить, как в эти тревожные дни наши родные и близкие волновались за нас.

7 ноября. Первое выступление нового премьер-министра по тегеранскому радио. Азхари сказал, что в его правительстве лишь два гражданских лица, и повторил слова шаха, что это правительство временное. «Забастовочное движение привело к тому, — продолжал новый премьер, — что университеты и школы не функционируют, экономика полностью дезорганизована, не хватает топлива для нужд промышленности. События 5 ноября нанесли стране огромный материальный и моральный ущерб». На этом основании генерал сделал вывод, что в Иране можно навести порядок только с помощью военной диктатуры. В заключение своего выступления Азхари просил все население страны оказывать правительству содействие в установлении порядка и спокойствия, так как, по его выражению, «под влиянием иностранцев выступления народа пошли по неправильному пути».

В 20:30 в теленовостях показали горящий Тегеран и церемонию представления шаху правительства Азхари в Ниаваранском дворце. В конце новостей перед иранскими телезрителями выступил посол СССР в Иране В.М. Виноградов, однако по неизвестным причинам его выступление передали не полностью.

Глава 3

КРОВАВАЯ ПРЕЛЮДИЯ

Крутые меры военного правительства.

Начало новой всеобщей забастовки. Расстрелы демонстрантов.

Кровавое побоище в Мешхеде. Падение правительства Азхари.

Приход к власти Бахтияра.

10 ноября. Как всегда, утром в 8 часов слушаю у себя в номере вмонтированный в тумбочку радиоприемник. На этот раз уже нет информации о митингах, демонстрациях в Тегеране и провинциях. Диктор передает постановление военного правительства Азхари о том, что с сего дня вводится цензура на средства массовой информации, включая газеты, радио и телевидение. Далее сообщалось, что ректор Тегеранского университета доктор Шейбани ушел в отставку. Занятия в высших и средних учебных заведениях, а также школах прерваны на неопределенное время. Я вышел в город купить свежую утреннюю газету «Кейхан». В ней много сообщений о волнениях, происходящих в стране. Похоже, что цензура ее пока не коснулась.

11 ноября. Сегодня мусульманский праздник Корбан¹ — день жертвоприношений. Купить ничего из прессы не смог. Мой знакомый продавец газет, как всегда, сидит на складном стуле на своем месте. Он сказал, что в знак протеста против введения правительством цензуры все газеты объявили забастовку. Однако радио и телевидение работают. Вечером показали цере-

¹ Корбан — ежегодный праздник жертвоприношений у мусульман. Отмечается 10-го числа 12-го месяца мусульманского лунного календаря. Главный ритуальный обряд — приношение кровавой жертвы (обычно барана).

монию поздравления шаха с праздником Корбан. Шах принимал поздравления в Ниаваранском дворце. На приеме присутствовали сенаторы, депутаты меджлиса, члены правительства Азхари и послы всех мусульманских стран. Остальное время телевидение показывало, как иранские мусульмане совершают паломничество в Мекку.

Вечером на своей машине из Мешхеда в Тегеран прибыл начальник нашей экспедиции Г.Я. Нуцубидзе. Ему предстоит вести переговоры с иранской стороной об устранении препятствий в продолжении изыскательских работ на трассе.

17 НОЯБРЯ. В 11 часов по случаю Дня армии в городе состоялся своеобразный военный парад. Если раньше парады проходили на окраине Тегерана, то в этот день моторизованные войска проследовали по главным магистралям города: широким улицам Пехлеви Шах Реза, Хафиза, Шуш и Эйзенхауэра. В сущности, это был даже не парад, поскольку его никто не принимал. Шли отдельные колонны по разным направлениям. Например, мимо нашего посольства по улице Хафиза проехала колонна мотопехоты на автомобилях. Пожалуй, правильнее назвать такие передвижения демонстрацией военной силы. Видимо, по заранее составленному сценарию на пустынной площади 24 эсфанда² к выстроившимся подразделениям армии подходили какие-то люди, одаривали солдат сладостями, преподносили цветы, надевали им на шеи цветочные гирлянды. Вблизи, на виду у войск, состоялись малочисленные демонстрации в поддержку шаха, их участники несли портреты монарха и скандировали: «Да здравствует шах!» И прохождение войск, и верноподданнические демонстрации показывали по телевидению. К вечеру над городом в нескольких направлениях строем промчались истребители, позже пролетели вертолеты.

21 НОЯБРЯ. Сегодня мы с Г.Я. Нуцубидзе пытались из гостиницы позвонить в Тбилиси. На этот раз старшая смены госпожа

² 24 эсфанда — так называется последний день перед новогодним праздником Навруз.

Селим Заде ответила, что уже два дня отсутствует телефонная и телексная связь Тегерана с внешним миром. Вечером телевизор смотреть не смогли. Нет электричества. Хозяин гостиницы объяснил, что рабочие электростанций объявили забастовку, требуя отмены в Тегеране военного положения.

22 ноября. Утром электроэнергию дали. В последних известиях передали сообщение представителя военных властей о том, что вчера в северной части города войска были вынуждены открыть огонь по демонстрантам. Один человек убит, 20 ранено. Армейские подразделения заняли электростанцию в Шахрияре, которая вырабатывает 50 процентов потребляемой Тегераном электроэнергии. В 10 часов в меджлисе начались дебаты по программе военного правительства. В течение одного часа из зала заседания шел телерепортаж. Депутат от города Лахиджана Чехзари сказал, что основная причина происходящих волнений и забастовок — всеобъемлющая коррупция и злоупотребления, которые в течение 15 лет процветали в государственном аппарате. Соглашаясь с Чехзари, депутат от Тегерана Ширвани предложил создать коалиционное национальное правительство для того, чтобы решить сложные проблемы, стоящие перед страной. Некоторые депутаты оппозиции в знак протеста против действий властей отказались участвовать в обсуждении программы правительства Азхари.

23 ноября. Утром по телевидению показали заключительную часть дебатов в меджлисе по программе правительства Азхари. После окончания дебатов выступил генерал Азхари. В своей полуторачасовой речи генерал возложил ответственность за положение в Иране на колониалистские круги, которые, по его словам, «в соответствии со своими стратегическими планами посадили на важнейшие государственные посты связанных круговой порукой продажных и лживых людей». Поэтому, как он выразился, нация оказалась на грани революции. Азхари обещал предать суду тех, по вине которых в стране сложилась

столь опасная обстановка. Генерал заявил, что военные власти намерены и впредь подавлять силой антиправительственные выступления. Затем Азхари, сделав отступление от основной темы своей речи, долго и нудно рассказывал депутатам о своей скромной личной жизни истинного мусульманина. «Я давал присягу его величеству и буду защищать шаха до последнего вздоха», — сказал в заключение Азхари.

Большинством голосов программа военного правительства была утверждена. «За» — 197, «против» — 21, воздержались 6 депутатов.

24 ноября. На переговорах в министерстве дорог и перевозок с Техностройэкспортом была достигнута договоренность о проектировании нашими специалистами железнодорожного перехода от Астары Советской до Астары Иранской длиной 7 км. Подписан соответствующий дополнительный протокол к контракту «Мешхед — Серахс». Часть специалистов нашей экспедиции перебазируется в Астару.

Сегодня созвонились с Мешхедом. Полевые изыскательские работы идут нормально. Однако заместитель начальника экспедиции Р. М. Квархава в плохом настроении. Мешхед тоже бурлит. Утром из города в направлении Серахса выехать еще можно, а вот после работы въехать — с большим трудом. Вечером там состоялась многотысячная антиправительственная демонстрация. Войска стреляли в демонстрантов. Много убитых и раненых. В городе объявлен траур.

Вечером в Тегеране распространялись листовки с обращениями религиозных лидеров Ирана — Шариатмадари, Ширази и Талегани — к населению страны с призывами не повиноваться правительству в знак протеста против расстрела демонстраций в Мешхеде. В листовке Шариатмадари, например, говорилось: «Народ не потерпит насилия. Репрессии лишь укрепят его решимость продолжать борьбу. Основы гнета, в конце концов, будут уничтожены». Такие же призывы распространяются и от имени Национального фронта.

В вечерних известиях по телевидению был показан короткий репортаж из сената об утверждении правительственной программы генерала Азхари. После дебатов выступил Азхари. Он признал серьезность обстановки в стране, сказав, что тот, кто в последние годы не был в Иране и прибыл сюда сейчас, может подумать — страна находится в состоянии войны.

Правительственная программа была утверждена в сенате гораздо большим числом голосов, чем в меджлисе.

26 ноября. Сегодня в вестибюле гостиницы перед завтраком я обнаружил на телевизионной тумбочке ксерокопию машинописного текста обращения Хомейни к иранскому народу. В нем говорилось, что все честные иранцы должны начать кампанию массового неповиновения, чтобы добиться отставки нынешнего военного правительства. Хомейни призывал рабочих нефтяной промышленности начать всеобщую забастовку 2 декабря. В обращении говорилось о необходимости помнить, что прибыли правительства от продажи нефти расходуются на покупку за рубежом того самого оружия, которым власти убивают мирных жителей, а часть иранской нефти предоставляется Израилю — врагу мусульман.

Правительство Азхари, чтобы сбить накал антиправительственных выступлений и пойти на уступки оппозиционному духовенству, сегодня объявило по радио и телевидению свое решение пересмотреть все действующие в стране законы, которые противоречат исламу. Затем по телевидению было передано интервью члена оппозиции, бывшего премьер-министра Али Амини корреспонденту национального телевидения. Амини, в частности, сказал, что ответственность за события последних месяцев в стране ложится на САВАК. Вину за экономический кризис и недовольство народа он возложил на шаха.

Мы с Нуцубидзе уже привыкли к тому, что почти каждый день в целях экономии, а возможно и в знак протеста против политики правительства вечером с 19 до 21 часа отключают электричество. Иногда это бывает и днем. Пришлось запа-

стись свечами. Предприимчивые дельцы стали изготавливать и продавать керосиновые лампы. Цена маленькой — 6 туманов, большой — 10.

30 НОЯБРЯ. Многие постояльцы нашей гостиницы, завсегда-таи просмотра телевизионных передач, обратили внимание на то, что с экрана исчезли привычные лица симпатичных дикторов. Оказалось, что сотрудники тегеранского радио и телевидения объявили забастовку. Армейские подразделения заняли здание телецентра.

По случаю наступления 2 декабря, первого дня траурного месяца мохаррама³, в котором был убит третий имам шиитов — Хусейн, правительство опубликовало воззвание о соблюдении траурных дней. После 17 часов передача музыки по радио и телевидению прекращается. Ее не будут передавать в течение 15 дней. Далее в воззвании говорилось, что всякие шествия в связи с днем ашуры⁴ отменяются. Выражается надежда, что все мусульмане проведут траурные дни спокойно. Однако сегодня же в 21:30, то есть после начала действия комендантского часа, в городе послышалась сильная стрельба. Тысячи людей вышли на улицы с криками: «Долой военное правительство! Долой шаха! Да здравствует Хомейни!»

1 ДЕКАБРЯ. В утренних последних известиях по радио передали сообщение военного коменданта Тегерана о том, что вчера в результате уличных беспорядков было убито 7, ранено 15, арестовано 135 человек.

Между тем наша работа продолжалась в прежнем темпе. В 9:30 мы с Нуцубидзе поехали на улицу Мейкяде на встречу с инженерами французской консультирующей фирмы «Гайд» по вопросу о параметрах железнодорожного тоннеля через Моздуранский перевал. Было около 12 часов, когда мы возвращались с переговоров в экономическое представительство посольства СССР. По пути встретили колонну молодежи, дви-

³ Мохаррам — первый месяц мусульманского лунного календаря.

⁴ День ашуры — день убийства имама Хусейна.

гавшуюся по улице Хафиза на север. Юноши и девушки скандировали: «Смерть шаху! Наш единственный путь — вооруженная борьба!» Вдруг с бронетранспортера, стоящего на перекрестке улиц Хафиза и Шах Резы, солдаты стали стрелять в направлении колонны. Сначала они стреляли в воздух, а затем по колонне. Поднялась паника. Некоторые ложились на асфальт. На предельной скорости наш шофер преодолел оставшиеся 300–400 м до представительства, и уже в открытые вопрота мы стремительно влетели во двор.

2 ДЕКАБРЯ. По радио передали официальное сообщение правительства о том, что вчера в Тегеране было убито 8, ранено 20, арестовано 145 человек. Было также объявлено, что ввиду создавшегося положения занятия в школах до 13 декабря отменяются.

С раннего утра в городе опять слышны выстрелы. Движимый любопытством я пошел на место, где вчера солдаты стреляли в демонстрантов. На углу, рядом с виадуком через улицу Хафиза, толпятся люди. В двух-трех метрах от тротуара, на проезжей части улицы лежат цветы — красные розы и гвоздики. Люди стоят молча, опустив головы. Недавно появилась новая традиция: на месте гибели демонстрантов люди возлагают цветы.

Правительство Азхари, видимо, подозревая оппозицию в подстрекательстве населения к «уличным беспорядкам», арестовало двух его лидеров — Санджаби и Форухара. В городе распространяются листовки, в которых Хомейни называет события последних дней «кровавой расправой». В листовке содержится призыв к солдатам не подчиняться приказам командиров, не стрелять в безоружный народ. Вечером по радио официально объявили, что сегодня днем неизвестные лица бросили гранату в полицейский участок на улице Шах Реза. Один полицейский убит, двое ранены.

3 ДЕКАБРЯ. Сегодня воскресенье. И хотя по мусульманскому календарю воскресенье — рабочий день, встреч с иранскими

коллегами не назначено. Таким образом у меня появилась возможность пройтись пешком по улицам Тегерана. Кстати, такие прогулки, да еще в одиночку, нашими начальниками из ГКЭС, мягко говоря, не поощрялись. Но при сильном желании под благовидным предлогом сделать это можно было без особого труда. Первое, что бросилось в глаза при выходе из гостиницы — это исписанные различными лозунгами стены нашего посольства. Пришлось такой необычный вид здания сфотографировать на память. Вот эти лозунги: «Смерть шаху-палачу! Привет имаму Хомейни! Солдат, будь бдителен! Смерть шаху и его семье! Да здравствует Советский Союз!», на английском языке было крупно написано: «Шах — марионетка США!», в стихах по-персидски — «Китай, Советский Союз и Америка — враги нашего народа! Американцы, в Иране вы найдете себе могилу!» У центрального входа в посольство огромными белыми буквами написали: «Смерть шаху-предателю!»

По улице Черчилля я прошел мимо посольства Великобритании, стены которого испещрены аналогичными лозунгами и надписями, но более угрожающими и ядовитыми. Затем вышел на улицу Фирдоуси. Этот отрезок улицы представлял собой часть торгового центра, где сосредоточены главным образом магазины по продаже ковров, кожаной одежды и персидской чеканки. Магазины были закрыты и зашторены гофрированными металлическими жалюзи. Прохожих мало. Продовольственные магазины работают. Поворачиваю налево. Предомной площадь поэта Фирдоуси. В ее центре, посреди газона, стоит его прекрасный белокаменный памятник. На нем нет никаких надписей. Пожалуй, наиболее европейская улица Тегерана — улица корпусного генерала Захеда. Она почти свободна от настенных надписей. Улица кажется необитаемой. Наглухо закрыты солидные двери иностранных банков, зашторены окна Французского клуба. Заметно некоторое оживление у трехзвездной гостиницы «Наполеон» и четырехзвездной — «Мармар». Там в основном проживают менее состоятельные иностранные туристы из европейских стран.

А вот и наиболее посещаемая членами нашей экспедиции улица Тахте Джамшид, на которой расположено управление государственных железных дорог Ирана. Здесь народу больше. Видно, как навстречу мне двигается колонна демонстрантов, слышатся выкрикиваемые ими лозунги, смысл которых еще трудно уловить. Но я благоразумно решил не идти на сближение и повернул направо в сторону посольства США, расположенного в огромном саду. Наискосок, напротив этого сада, находится русская православная церковь. И тут мне пришла мысль: «А не зайти ли в церковь? Сегодня служба, воскресный день». И я зашел. При входе на меня сразу же обратили внимание прихожане. Для них я был подозрительной личностью. Когда я представился, священник пригласил меня пройти вглубь.

Кругом горело много свечей, отражавшихся золотом на стеклах икон. Поскольку в действующую церковь я попал первый раз в жизни, то не знал, что мне в этом случае делать, и предусмотрительно решил держаться ближе к выходу. Я понял, что, видимо, все верующие были знакомы между собой. И их внимание было обращено ко мне. Они сами помогли мне несколько освоиться. Моим главным собеседником, естественно, был священник. Его звали отец Николай. Он рассказал мне, что эта церковь построена в 1943 году на средства русских эмигрантов. Сам он одиннадцатилетним ребенком с родителями в 1918-м выехал из Москвы в Париж. И о Москве, и о России у него, как он сказал, мало что осталось в памяти. Летом, когда в Тегеране наступает жара, отец Николай переселяется в Париж (он французский подданный). А в октябре возвращается в Тегеран. Я спросил его, не хочет ли он посетить свою родину? Отец Николай, немного подумав, ответил: «А кому я сейчас там нужен? Родственников у меня в России не осталось. Да и вряд ли мне разрешат приехать в Москву».

Я долго говорил с прихожанами. Они сразу же спросили меня, крещеный ли я. Когда я на их вопрос ответил утвердительно, они с некоторым недоумением и обидой сказали, что

из советских людей я первый, кто переступил порог их храма. Между прочим, прихожане меня тоже удивили: оказывается, они постоянно слушают московское радио, читают советскую литературу на родном языке, в курсе всех событий, происходящих в России. Большинство они мастеровые люди, владельцы мастерских, главным образом авторемонтных. Живут в достатке. В летнее время путешествуют по миру с помощью многочисленных туристических компаний. Одна молодая женщина рассказала мне курьезный случай. Когда она с мужем путешествовала по Индии, то в Калькутте советский специалист, услышав их русскую речь, спросил: «А вы с какого контракта?» Прощаясь с отцом Николаем, я заметил, как из-за угла церкви выходят очень старые женщины. Отец Николай пояснил, что рядом находится богадельня для престарелых прихожан, которую финансирует иранское правительство.

Обратно в гостиницу я буквально пробирався сквозь возбужденную толпу, окружавшую американское посольство.

5 декабря. Вечером по телевидению показали встречу учителей и директоров тегеранских школ с комментатором иранского телевидения. Обсуждался вопрос о нормализации работы в школах. Их то закрывали, то открывали. Последнее время они функционировали несколько дней, а затем снова были закрыты. Среди причин, приведших к закрытию школ, указывалось две. Первая — наличие угрозы для жизни детей. Вторая — в данной ситуации нельзя оградить детей от вопросов, на которые сейчас невозможно дать вразумительный ответ. В телевизионных новостях сообщили, что генерал Азхари в своем интервью иностранным корреспондентам заявил, что ведущаяся в Тегеране психологическая война ничем не грозит находящимся в стране иностранцам.

6 декабря. Минувшая ночь была очень тревожной. Тысячи людей, игнорирующих комендантский час, вышли на улицы города. Невзирая на предупреждения военных и полиции, несмотря на выстрелы в воздух, они двигались по улицам,

выкрикивая антиправительственные и антишахские лозунги. Тысячеустое эхо скандирований отчетливо прослушивалось через окна гостиницы. В некоторых районах Тегерана полиция и войска стреляли в народ. Наиболее кровопролитное столкновение между войсками и демонстрантами произошло в Фаррахабде (восточная часть Тегерана).

7 ДЕКАБРЯ. Сегодня, как обычно, едем на работу в министерство дорог и перевозок. Встречаемся с начальником строительного управления господином Али Касеми. Среди ответственных руководителей иранских железных дорог он наиболее правоверный мусульманин. Об этом сам Касеми не раз нам напоминал за годы сотрудничества. В праздники он категорически воздерживался от употребления спиртного, в любой ситуации в определенное время всегда совершал молитву. Меня удивляло, что Касеми по малейшей причине стремился приехать к нам в Мешхед якобы по срочным делам. Однако, как выяснилось, он просто старался лишний раз посетить шиитскую святыню — гробницу имама Резы. Обычно, когда мы вместе ехали поездом из Тегерана в Мешхед, то по прибытии в Мешхед Касеми отправлялся не в гостиницу и не в наш офис, а с вокзала прямехонько к святой гробнице.

Сегодня на многих зданиях Тегерана вывешены черные флаги. Это знак траура по убитым демонстрантам, которых хоронят на тегеранском кладбище Бехеште Захра. Там тоже проходят митинги.

В управлении железных дорог Нуцубидзе вручили предписание о предстоящем выезде в Астару для решения вопросов по проектированию 7-километровой железнодорожной ветки. Вечером по телевидению дали репортаж о чрезвычайном заседании сената. Некоторые сенаторы в резких выражениях критиковали действия военного правительства. В частности, сенатор Наини заявил, что нынешние трудности Ирана носят исключительно политический характер и в них повинны власти. По его мнению, за последние годы ни один

премьер по-настоящему не интересовался, в чем заключаются проблемы Ирана. Он также потребовал, чтобы правительство отказалось от репрессий: «Если правительство не в состоянии этого сделать, то пусть уйдет в отставку и создаст условия для формирования народного правительства, и тогда на смену власти одной личности придет подлинно законная власть». Другие сенаторы предлагали восстановить гражданскую форму правления. Генерал Азхари в ответном выступлении по-прежнему объяснял обострение положения в стране действиями незначительного числа подстрекателей и подтвердил свой курс на подавление силой всякого рода антиправительственных выступлений.

В ночных теленовостях сообщили, что лидеры оппозиции Санджаби и Форухар освобождены из тюрьмы. Передали также два правительственных сообщения. В первом говорилось, что правительство пересмотрело свое прежнее решение о запрещении демонстраций. Теперь разрешено проводить траурные шествия 10 и 11 декабря при условии, если они будут носить лишь религиозный характер. Во втором сообщалось, что в результате забастовки нефтяников добыча нефти в стране сократилась на 40 процентов, а подача газа прекращена не только внутри страны, но и на экспорт.

8 декабря. Пятница. Нерабочий день. Улицы пустыньны. По соседним с нашей гостиницей проспектам Хафиза и Фирдуси с севера на юг с грохотом проходят танки. Над городом в разных направлениях пролетают вертолеты, на крышах высоких зданий солдаты устанавливают пулеметы. Шахские войска демонстрируют свою мощь. Но оппозиция тоже не дремлет. В городе распространяются листовки за подписью известного религиозного деятеля аятоллы Шариатмадари. Он обращается к солдатам шахской армии с призывом не подчиняться приказам командиров и не стрелять в беззащитных демонстрантов. В листовке, например, есть такая фраза: «Оружие вам дано не для того, чтобы убивать своих братьев».

Тегеранское радио сообщило, что начался массовый отъезд из Ирана членов семей сотрудников дипломатических, торговых представительств и частных компаний иностранных государств. Учитывая чрезвычайные обстоятельства, президент США Картер распорядился провести эвакуацию американцев из Ирана за государственный счет.

10 ДЕКАБРЯ. Утром начальнику экспедиции Нуцубидзе позвонил господин Касеми и сообщил, что наша поездка в Астару откладывается на неопределенное время. Причину не указал. Но мы поняли, что революционные события в стране начали, наконец, непосредственно сказываться и на нашей работе. Чтобы не тратить попусту время, мы, три человека, 12 декабря убываем поездом в Мешед.

Сегодня 9-й день мохаррама — день траура по случаю поражения войск имама Хусейна и его ранения. В этот день мусульмане оплакивают его. Как заявил по радио военный губернатор Тегерана, чтобы избежать беспорядков, войска блокировали все главные дороги, ведущие в Тегеран. Правительство, видимо, опасается, что жители близлежащих деревень примкнут к антиправительственным демонстрациям, намеченным на 10 и 11 декабря. Чтобы запугать оппозицию, военный губернатор заявил, что войска по-прежнему остаются на улицах Тегерана.

Утром в 10 часов мы увидели первые колонны, движущиеся мимо советского посольства в направлении площади Шахъяд. В колонне много портретов Хомейни. На белых плакатах написаны изречения из Корана. Слышатся крики: «Аллах велик! Аллах велик!» Большинство женщин в чадре. Как и предполагалось, шествие приняло ярко выраженный политический характер. Религиозные изречения перемежались с плакатами: «Смерть шаху! Долой тиранию! Не забудем павших за народное дело!» Примерно в 14 часов на площади Шахъяд собрались сотни тысяч людей. Начался митинг, который продолжался более 3 часов. Хотя на всем пути следования колонн и на самой

площади находились войска, они не вмешивались и не противодействовали участникам шествия и митинга.

11 декабря. В 9 часов утра я еле успел на машине проскочить на железнодорожный вокзал за билетами до Мешхеда. На обратном пути пришлось обгонять демонстрантов, медленно двигавшихся на север к центру города. И сегодня демонстранты несли яркие антиправительственные лозунги. Однако было много плакатов и религиозного содержания, связанных с днем ашур. Шествие проходило организовано и корректно. У войск и полиции не было повода для вмешательства.

12 декабря. От очевидцев мне стали известны некоторые подробности вчерашнего шествия. Войска и полиция были сосредоточены главным образом в северной части города для перекрытия всех улиц, ведущих к Ниаваранскому дворцу шаха. Около Тегеранского университета демонстранты приняли резолюцию, в которой требовали положить конец шахскому режиму, освободить всех политических заключенных, возвратить в страну иранских граждан, эмигрировавших под страхом репрессий за границу. В резолюции также содержались требования предоставить трудящимся право на забастовки, ликвидировать иностранное влияние в иранской экономике, резко осуждались расстрелы войсками и полицией мирных демонстрантов.

По радио было объявлено, что в религиозных шествиях 11 декабря в Тегеране участвовали около 2 млн человек, в Тебризе 700 тыс., в Мешхеде примерно миллион, в Исфахане 300 тыс. Именно в Исфахане произошли самые яростные столкновения между силами безопасности и демонстрантами, которые пытались захватить местное отделение САВАК. Были убиты 5 человек, несколько участников ранено.

По радио и телевидению передали сообщение военного губернатора Тегерана о том, что с сегодняшнего дня вводится запрет на проведение любых митингов и шествий. В Тегеране продолжительность комендантского часа увеличили на два часа. Затем было передано довольно загадочное сообщение без ука-

зания источника, где утверждалось, что будто агенты международного коммунизма оказывают отдельным группировкам в Иране не только моральную поддержку, но и материальную помощь, главным образом оружием.

Вечерним поездом мы выехали из Тегерана в Мешхед.

13 декабря. В 8 утра прибыли в Мешхед. На привокзальной площади нас ожидала экспедиционная «Волга». Едем по городу. Стены домов и заборы испещрены революционными лозунгами. К ним мы уже привыкли. Удивляло другое. Куда исчезли монументы шаху и памятники его отцу? А ведь их в Мешхеде насчитывалось около десяти. Встречавший нас главный геолог З. Бочоришвили рассказал нам, что 11 декабря в день траурного шествия по городу войска были отведены в казармы, охрана всех важных городских объектов снята. Перестали охранять и шахские монументы. Воспользовавшись этим, группы революционеров при помощи стальных канатов и тягачей разрушили все памятники и монументы династии Пехлеви. По примеру Мешхеда и в других городах (правда, только через месяц) начали окончательно уничтожать следы монархического режима.

15 декабря. Обычно по утрам сотрудники экспедиции на нашем автобусе выезжают на полевые изыскания в район Серакса. В этот день автобус пересекал площадь Шаха, где 11 декабря население сбросило с высокого постамент монумент Мохаммеда Реза Пехлеви. Правда, постамент — массивное сооружение, украшенное барельефами на сюжеты из древней истории Ирана — противники режима разрушить никак не могли. Тогда железобетонный каркас приспособили для казни вылавливаемых саваковцев: перебрасывали через постамент веревку и вешали одновременно двух предателей.

Вечером члены нашей экспедиции провожали на тегеранский поезд очередную группу советских специалистов, закончивших работу по контракту. Когда наш экспедиционный автобус проезжал площадь Шаха, революционеры, обвязав цоколь

стальным тросом, искали подходящую машину, чтобы подцепить к ней этот трос. Видимо, не найдя ничего подходящего, остановили нашу машину, несмотря на энергичный протест сопровождавших нас иранских инженеров. Естественно, как ни урчал, ни тужился автобус, натягивая трос, ему не удалось справиться с такой непосильной задачей и выполнить «революционное поручение». Цоколь остался на прежнем месте. Автобус отпустили. Забегая вперед, скажу, что цоколь-постамент свалить так и не удалось. До самого дня вооруженного восстания он стал местом, где вершили самосуд над преступниками шахского режима.

16 ДЕКАБРЯ. Судя по передачам тегеранского радио и рассказам наших болгарских знакомых, возвратившихся со своего объекта из Исфахана, там происходят кровавые события. За последние три дня убито по меньшей мере 50 человек и ранено несколько сотен. Больницы переполнены. Солдаты поспешно увозят из больниц трупы умерших. Военный губернатор всячески старается скрыть реальное число убитых.

17 ДЕКАБРЯ. Правительство генерал-губернаторам и начальникам воинских гарнизонов направило циркуляр, в котором говорится, что они не должны (вплоть до применения силы) допускать скопления людей на улицах. В другом распоряжении правительства всем министерствам, государственным организациям предписано увольнять рабочих и служащих, участвующих в забастовках.

Можно предположить, что одновременно правящие круги были заняты поисками выхода из нынешнего политического кризиса. Обсуждается идея создания гражданского коалиционного правительства. Тегеранское радио сообщило, что шах встретился с лидером оппозиционного Национального фронта Керимом Санджаби. После встречи Санджаби заявил корреспондентам радио и телевидения, что в нынешних условиях члены Национального фронта не войдут ни в одну правительственную коалицию.

18 декабря. Управление воинской повинности штаба Верховного главнокомандующего постоянно передает по радио предупреждения призывникам, чтобы они срочно явились на призывные пункты. Управление установило уже третий по счету «окончательный» срок их явки. Усилия военных небезосновательны. За последнее время участились случаи дезертирства из иранской армии. Например, из гарнизона Джей дезертировало 150 солдат. В Тебризе несколько сот солдат во главе с заместителем начальника местного гарнизона отказались стрелять по участникам антиправительственных выступлений и вместе с ними прошли по улицам города, выкрикивая лозунги против военного правительства. Вzbунтовавшиеся солдаты в казармы не вернулись.

21 декабря. Сегодня наш Мешхед опять «прославился» на всю страну. 18 декабря группа солдат мешхедского гарнизона по приказу военного губернатора генерала Джафари, несмотря на протесты врачей, ворвались в больницу имама Реза, где находились на излечении раненые революционеры, и открыли там стрельбу. Этот факт послужил причиной массовых волнений в самом Мешхеде. Участники городского митинга вынудили генерала Джафари публично дать обещание, что впредь никто из военнослужащих, кроме специально уполномоченных офицеров, не будет иметь право входить ни в одну больницу города. Весть об этих событиях быстро облетела всю страну и во многих городах Ирана прошли митинги, на которых осудили бесчинства военных в Мешхеде.

22 декабря. Вчера объявили забастовку сотрудники информационного агентства ПАРС. Они протестуют против преднамеренного искажения их сообщений в передачах радио и телевидения. Так, во время разгона антиправительственной демонстрации в Тебризе будто бы было ранено только два человека (со ссылкой на ПАРС), тогда как в действительности там убили 12 человек. Таким образом, из-за забастовки агентства ПАРС единственным официальным источником массовой информа-

ции в Иране остаются только радио и телевидение, находящиеся под контролем военного правительства. Теперь придется больше самому ходить по городу. А мое начальство этого не поощряет.

Сегодня вечером по радио сообщили, что согласно распоряжению правительства Тегеранский университет закрыт на неопределенное время. Преподаватели и студенты в знак протеста устроили сидячую забастовку на территории университета, требуя отмены этого решения. Войска блокировали вход в университет с четырех сторон, где находились университетские ворота.

24 ДЕКАБРЯ. Сегодня руководитель экспедиции Нуцубидзе получил телеграмму из Тегерана от вице-президента государственных железных дорог господина Хушанга Чубине. В телеграмме говорится, что 8 человек изыскателей экспедиции должны выехать из Мешхеда в Астару по маршруту Кучан, Горган, побережье Каспийского моря. Нуцубидзе должен прибыть на переговоры в управление железных дорог, а оттуда направиться в Астару. Дневным поездом выезжаем с Нуцубидзе в Тегеран. Поезд приближается к Нишапуру. Проводник обходит вагон и громким голосом объявляет: «На молитву! На молитву!» Заглядывает в наше купе: «Извините, вы иностранцы» — и проходит дальше. Поезд останавливается у перрона станции Нишапур. Время вечерней молитвы. Рядом с вокзалом расположен молельный дом — ваэзхане, разделенный на две половины с отдельными дверями. Справа — табличка «мужчины», слева — «женщины». Однако в поезде пассажиров много и всем места в здании не хватает. Поэтому на перроне установлена на металлической треноге красная стрелка, указывающая направление расположения святыни мусульман — Мекки. Пассажиры выносят из вагонов небольшие молельные коврики, снимают обувь, засучивают рукава одежды по локоть и совершают намаз. Через 30 минут поезд трогается.

25 ДЕКАБРЯ. Рано утром прибыли в Тегеран. Проходя через центральный зал ожидания, обращаем внимание на огромное

объявление. Оно гласит: «Служащие государственных железных дорог выражают солидарность с бастующими работниками таможенной службы, Мехрабадского международного аэропорта и персонала почтовых служб!» Но что это? Забастовка или солидарность? Нам непонятно. Похоже, что железные дороги еще функционируют: ведь наш экспресс прибыл в Тегеран.

Приехав в ГКЭС, мы услышали от сотрудников много столичных новостей. В частности, что иранское правительство, видимо, доживает последние дни, что известный политический деятель Ирана Садеги дал согласие возглавить новый кабинет министров и предложил некоторым представителям оппозиции войти в состав этого кабинета. Но доктор Санджаби официально заявил, что до тех пор, пока у власти находится шах, представители Национального фронта не войдут ни в какие правительства. Это мнение разделяют и религиозные лидеры.

Нам рассказали, что за последние дни в столице по ночам революционеры громко озвучивают записанные на магнитофонную пленку события дневных демонстраций. Там и скандирование антиправительственных лозунгов, и речи на митингах, и стрельба солдат. Все это мешает спать и держит население в постоянном напряжении. Военный губернатор Тегерана издал приказ прекратить эти передачи после наступления комендантского часа, но его приказ не выполняют. Поэтому солдаты с помощью пожарных лестниц срывают с крыш динамики.

В 10 часов были на встрече с господином Чубине. Получив задание по ряду аспектов проектирования железной дороги в Астаре, мы с Нуцубидзе поехали в консультирующую фирму «Сайрус» для согласования некоторых технических вопросов. Проезжая мимо американского посольства, мы не увидели там постоянной толпы. Но ограда посольства и близлежащие здания исписаны лозунгами по-персидски и по-английски: «Янки вон из Ирана! Нет американскому вмешательству в дела Ирана! Нефть принадлежит иранскому народу!»

Вечером по телевидению объявили о начале с завтрашнего дня занятий в школах.

26 декабря. Утром не смогли выехать в Астару на экспедиционной «Волге». Наш водитель Аббас сказал, что надо отрегулировать сцепление автомобиля. Он поехал в мастерскую. А я, спросив разрешение у Нуцубидзе, пошел посмотреть что творится в городе. Мне нравится наблюдать жизнь города с высоты второго этажа городского автобуса английской фирмы «Лейланд». Купив билет лишь за два риала, можешь ехать через весь Тегеран. Так я поступил и в этот раз. Решил поехать на юг, где проживает беднейшее население города. На севере, в кварталах аристократов, сегодня смотреть не на что. Там в основном царит спокойствие.

Очень долго ждал автобуса на углу улицы Надери. Водители, вероятно, тоже бастуют. Пассажиров — единицы и все сидят внизу. Я же, как всегда, на втором этаже уселся к окну. Сверху наблюдаю типичную картину: пестрая колонна демонстрантов движется навстречу нашему автобусу. Когда голова колонны поравнялась с автобусом, водитель принял вправо и остановился у тротуара. Структура колонны традиционная. Впереди идут молодые мужчины. Они протяжно произносят, почти поют, самую популярную сейчас фразу: «Смерть шаху!» Эта фраза троекратно ими повторяется. А затем идущие за мужчинами женщины в чадрах подхватывают ее и высокими голосами трижды скандируют. После этого выдвигается другой лозунг, который так же звучит над толпой. Пропустив демонстрантов, автобус движется дальше через площадь Хасан Абад, которую наши жены прозвали «мохеровой» из-за обилия на ней лавчонок с шерстью — мохер. Через улицу Шахпура автобус прибыл на конечную остановку к железнодорожному вокзалу. Площадь пуста. Пассажиров нет. Центральные входные двери на замке. Читаю транспарант: «Сотрудники государственных железных дорог Ирана в знак поддержки борьбы иранского народа с сегодняшнего дня, 5 дея 1337 года (26 декабря 1978 года) объ-

являют забастовку». «Вот и приехали», — подумал я, машинально снимая с пиджака пластмассовое удостоверение сотрудника государственных железных дорог Ирана.

На этом же автобусе я решил возвращаться назад. Не дай бог, еще водитель автобуса забастует и придется в гостиницу топать пешком. Но до гостиницы я так и не доехал. Опять демонстрация. Водитель объявил: «Дальше автобус не пойдет!» Пришлось продолжать путь пешком. Когда я пробирался к площади Сепас, которую наши специалисты называли «магнитофонной» (из-за обилия на ней магазинов, торгующих магнитофонами), то впервые увидел, как огромные красного цвета водометные машины разгоняли демонстрантов, собравшихся у Центрального телеграфа. Струи воды были настолько мощными, что сбивали с ног стоящих людей. Сам же водитель был хорошо защищен: стекла его кабины были затянuty двумя рядами металлической сетки от камней демонстрантов. Кто-то в толпе сказал, что эти машины доставлены в Тегеран из ФРГ на американских транспортных самолетах.

Измученный, я наконец добрался до гостиницы и сообщил Нуцубидзе неприятную новость о забастовке железнодорожников.

27 декабря. Только утром наша «Волга» была отремонтирована, и в 12 часов мы выехали в Астару. Путь от Тегерана до Астары составляет 513 км через города Кередж, Казвин, Менджиль, Рудбар, Решт, порт Пехлеви и Хаштпар. Попытались выехать из города на казвинскую дорогу по улице Эйзенхауэра. Но это не удалось. Толпы студентов в несколько тысяч человек заполнили прилегающие к университету сад и улицы. Двигаемся со скоростью пешехода. Через динамики слышна речь ораторов. Они с негодованием требуют наказания саваковцев, которые пять дней назад застрелили известного прогрессивного профессора политехнического института Неджатоллахи. Профессора убили на балконе министерства высшего образования, куда он пришел от имени национальной организации универ-

ситетов Ирана, чтобы потребовать от правительства открыть учебные заведения.

В течение часа пробираемся через закоулки, прилегающие к главной улице, чтобы выехать наконец на загородное шоссе. Включаю автомобильный радиоприемник. В дневных новостях столичное радио сообщает о дальнейшем накале политической обстановки в стране. Депутаты меджлиса собрались на чрезвычайное заседание. Обсуждается политическое и экономическое положение в Иране. Ораторы предлагают различные пути выхода из усиливающегося кризиса. Самая последняя новость — решение премьер-министра Азхари о введении нормирования в снабжении автотранспорта бензином из-за острой нехватки горючего в стране.

Подъезжая к Казвину, мы увидели вдали перед собой столбы черного дыма. При въезде в город попали в автомобильную пробку. Встречные водители говорят, что в Казвине беспорядки, стрельба, пожары. Через центр города проехать невозможно. Пришлось сделать большой крюк в объезд по тебризской дороге. И вот уже дымящийся Казвин остался позади. Водитель Аббас говорит, что от Тегерана проехали более двухсот километров и пора бы дозаправиться бензином. Не доезжая до Рудбара, на первой же бензоколонке нам сказали, что уже двое суток у них нет никакого бензина. Пришлось ехать дальше. Почти в полночь перед Рештом подъехали к бензоколонке и заняли очередь. Всю ночь, сидя в машине, дремали. Лишь под утро удалось заправиться. И мы выехали на Пехлеви, прибыв днем в Астару.

28 ДЕКАБРЯ. Астара — пограничный город. Но и в нем на каждом шагу чувствуется революционный настрой, присущий в эти дни всей стране. Когда мы ехали в губернаторство, нам повстречалась колонна школьников и учителей астаринских школ. Колонна, в которой было много лозунгов революционного содержания, шла к центру, где находилась площадь с прекрасным садом. Там должен был состояться городской

митинг. Школьники и учителя, в отличие от столичных, шли спокойно. Никто не выкрикивал лозунгов. К тому же колонну почему-то охраняла полиция.

К вечеру, закончив дела, мы вышли на берег Каспийского моря. Несмотря на конец декабря, день выдался теплым, солнечным. Море было спокойным. Местные рыбаки на моторных баркасах забрасывали сети. На берегу много любопытных, наблюдающих за ловом рыбы. Улов не очень богат. Довольно мелкую чешуйчатую рыбу аккуратно укладывают в корзины, а огромных осетров, к нашему удивлению, небрежно выбрасывают обратно в море. По религиозным догматам мусульмане осетровую рыбу не едят. Вот почему на тегеранских базарах самая дешевая рыба — осетрина. Ее покупают главным образом иностранцы.

Вечером в холле гостиницы смотрели московскую и бакинскую телепрограммы. Служащие отеля сказали мне, что жители Астары, большая часть которых азербайджанцы и талыши, чаще смотрят телепередачи из Баку. Но сегодня их, как и нас, больше интересуют события в Иране, поэтому смотрим последние известия из Тегерана. Программы до предела упрощены, передаются только последние известия, музыка, молитвы по регламенту и срочные постановления правительства. Через каждые 30 минут телевидение прерывает передачи и диктор обращается к населению страны, призывая его строго экономить бензин, керосин, газойль, воду, электроэнергию, хлеб, мясо и другие продукты.

29 декабря. Днем из Тегерана прибыл в Астару представитель строительного управления иранских железных дорог господин Мостафави. Это близкий нам по работе сотрудник. Он рассказал нашим изыскателям, что происходит в Тегеране. По его словам, там идут горячие схватки. Демонстранты штурмуют заслоны армии и полиции, пытаясь вплотную приблизиться к американскому посольству. Главные улицы города перегорожены баррикадами из перевернутых автомашин, вывороченных столбов, железных бочек. В городе много пожаров, слышится

стрельба. Он рассказал нам и о том, что происходило в Казвине 27 декабря, когда нам пришлось миновать город по другой дороге. В тот день горожане напали на казармы жандармерии. Против захватчиков были направлены армейские танки. Один танк, врезавшись в толпу, раздавил несколько человек. Возмущенное население стало громить и поджигать правительственные учреждения города. Войска стреляли по толпе. Были убитые и раненые.

30 декабря. Проектно-изыскательские работы инженеров экспедиции проходили на самой советско-иранской границе, на правом берегу реки Астара-Чай. Поскольку это связано с соблюдением пограничного режима, то нам рекомендовали установить связь с советскими пограничниками, чтобы поставить их в известность о масштабе и характере работы. Пришлось просить разрешение на встречу с погранкомиссаром Астары Иранской. Нуцубидзе и я прибыли в комиссариат. Нас дружелюбно встретил погранкомиссар — молодой капитан. Он довольно долго говорил о дружбе, о том, что советско-иранская граница это граница мира. Нуцубидзе с ним соглашался и как бы между прочим заметил, что нам бы хотелось по телефону сказать несколько слов советскому погранкомиссару о характере нашей работы на границе. Капитан очень вежливо ответил, что, к сожалению, такая телефонная связь отсутствует. Затем капитан нам посоветовал на самой границе у реки вести работы поаккуратнее, чтобы не беспокоить советских пограничников. С тем мы и ушли, поблагодарив погранкомиссара за совет.

Вечером опять сидим в холле, и я своим сотрудникам перевожу информацию тегеранского телевидения. Судя по передачам, в правительстве назревают перемены. Сообщалось, что премьер-министр Азхари последние 9 дней, оказывается, был тяжело болен и лежал с сердечным приступом, а сегодня вышел на работу. В ночных известиях передали, что шах принял председателей сената и меджлиса и имел с ними продолжительную беседу. Далее шли сообщения о том, что экономическая жизнь

в Тегеране почти парализована: керосиновые лавки закрыты, в пекарнях в одни руки продают не более четырех лепешек-сангяков, автобусы не ходят.

У нас создалось впечатление, что столица умирает.

31 декабря. Рано утром представитель Техностройэкспорта Г. Ф. Захаров сообщил нам по телефону, что Нуцубидзе должен срочно возвратиться в Тегеран. Положение осложнялось тем, что у нас почти не было бензина. Пришлось сливать бензин со всех экспедиционных машин, находящихся в Астаре. В 8 часов мы уже выехали. Чтобы сократить путь, решили проехать через Тебриз, в котором к тому же была возможность дозаправиться у наших специалистов, электрифицирующих железную дорогу Джульфа — Тебриз. Нуцубидзе сопровождали представитель иранских железных дорог господин Шарафийан и я.

Асфальтированная дорога, идущая по долине реки Астара-Чай вдоль советско-иранской границы, очень живописна. Крутыми серпантинами извивается она над головокружительными пропастями, проходит через густые лесные массивы мимо голубоватых водопадов, срывающихся с огромной высоты. Через 30 километров этого сказочного пути дорога приводит в местечко Хейран, расположенное на высоте 1550 метров над уровнем моря. Эти полтора километра вверх мы стремительно поднимались, наблюдая необозримую гладь Каспийского моря. И поэтому от сменяющихся картин великолепной природы впечатление о красоте окружающего нас мира еще более усиливалось. Мы остановились и пробыли несколько минут на высшей точке перевала. Полюбовавшись на открывающуюся фантастическую панораму, снова тронулись в путь. Дорога по пологому спуску вела в Ардебиль. Я включил приемник и настроил его на Тегеран. Диктор читал указ шаха, согласно которому он поручает Шапуру Бахтияру сформировать новое правительство.

Кто такой Шапур Бахтияр? Он родился в 1914 году. Образование получил во Франции. Общественно-политической деятельностью стал заниматься с 1948 года, будучи одним из

организаторов партии «Иран»⁵. Эта партия в 1949 году вошла в Национальный фронт, созданный Мохаммедом Мосаддыком. В правительстве Мосаддыка Бахтияр занимал пост государственного секретаря по вопросам труда. После государственного переворота 1953 года и свержения правительства Мосаддыка находился в политической оппозиции. Западные политические обозреватели считают Бахтияра одним из лидеров умеренного прозападного течения.

В 14 часов прибыли в Ардебиль. Он, как и другие иранские города, приобрел типичные черты борющегося революционного города: в витринах магазинов и в окнах вывешены портреты Хомейни, стены домов исписаны тысячами антишахских, антиправительственных и антиамериканских лозунгов. Многие банки и кинотеатры сожжены, на улицах толпы людей. Монументы шаху пока целы. Они охраняются армейскими подразделениями. С городского телефонного переговорного пункта господин Шарафиян пытался позвонить в Тебриз, чтобы заказать для нас гостиницу. Но из этого ничего не получилось. Связисты тоже бастуют.

Снова продолжаем свой путь. Почти прямая дорога, не петляя, постепенно поднимается в заснеженные горы. Впереди справа на фоне голубого неба ослепительно сверкает на солнце белая вершина Савелан-Кух. Ее высота 4880 м. При приближении к перевалу Нир, расположенному на высоте 2100 м, началась необычная снежная вьюга при ясном небе. В салоне автомобиля стекла заиндевели. Даже включенная печь не спасает от холода. В районе перевала высота снежного покрова настолько велика, что дорога фактически прорублена в толще спрессованного снега. Наконец преодолели высшую точку перевала и начали быстро спускаться в Серабскую долину. Вскоре снег исчез. В машине стало тепло.

⁵ Партия «Иран» — создана в мае 1944 г. крупными и влиятельными чиновниками, отражающими интересы иранской буржуазии. В 1944–1945 гг. она поддерживала Народную партию Ирана («Туде»). По основным вопросам внутренней и внешней политики солидаризируется с Национальным фронтом.

При подъезде к Серабу нас остановил жандармский патруль, проверил документы и сообщил, что город на осадном положении. Он посоветовал не ехать через центр, и мы направились в объезд. Город небольшой. На улицах почти не видно прохожих. Как Аббас ни старался ехать по окраинам, он все-таки заблудился при поворотах и прямехонько выехал на центральную городскую площадь с монументом шаха. Монумент усиленно охранялся. Вокруг него из мешков с песком были выложены стрелковые ячейки, около которых прохаживались полицейские, вооруженные автоматами. Но почему же город на осадном положении? Мы недоумевали. Естественно, на эту тему расспрашивать полицейских не хотелось. А вокруг ни души. Только достигнув селения Хатунабад, мы узнали от его жителей что произошло в Серабе. Оказалось, что вчера возбужденная толпа жителей Сераба после митинга пыталась разрушить монумент шаха в центре города. Полицейские открыли стрельбу и убили 8 человек.

К вечеру в густом тумане прибыли в Тебриз. Остановились в гостинице. Администратор, узнав кто мы такие, проявил к нам исключительное дружелюбие. Видимо, чтобы окончательно доказать свое расположение к нам, он достал из-под стойки биографию В. И. Ленина на персидском языке. Опредив наши вопросы, администратор рассказал обо всем, что происходит в городе. В частности, доложил, что сегодня демонстранты напали на американское консульство в Тебризе, а революционеры разбили оконные стекла в здании турецкого консульства. На выраженное мной недоумение по поводу разбитых окон в турецком консульстве он ответил, что, судя по выкрикам из толпы, тебризцы недовольны пассивной позицией Турции в отношении происходящих событий в Иране. Центр города оцеплен войсками, окраины и Тебризский университет находятся под контролем патрульных, армейских бронетранспортеров и полицейских машин. Въезжающие в город автомобили заставляют ехать по объездной дороге.

Чувство беспокойства за судьбу нашей экспедиции в Мешхеде заставило Нуцубидзе туда позвонить. С этой целью мы пришли с ним на тебризский железнодорожный вокзал. Огромное здание вокзала было безлюдным. Дежурил лишь один полицейский. По телефону-автомату Нуцубидзе связался со своим заместителем Г.М. Кварцхавой в Мешхеде. Его сообщение было очень тревожным. Он взволнованно говорил, что в Мешхеде идут уличные бои, город горит. Наши сотрудники не могут выйти из служебного помещения, чтобы добраться домой. Некоторые члены экспедиции, видя такое положение, предлагают по своей инициативе немедленно выехать в Тегеран, ибо местные власти полностью деморализованы и не могут что-либо предпринять. На окончательное решение повлияли советы местных жителей-соседей. Они сказали, чтобы никто никуда не уезжал, так как ехать в Тегеран очень опасно, и предложили свою помощь, сказав, если хотите, переходите в наши дома. И наши специалисты успокоились, оставшись в Мешхеде. Нуцубидзе одобрил такое решение и посоветовал на работу пока не выходить.

За несколько часов до наступления Нового года руководитель контракта по электрификации железной дороги Джульфа — Тебриз А. Н. Михайлов, с которым наша экспедиция постоянно сотрудничала, пригласил в финскую баню. Ее построили сами сотрудники контракта, соблюдая все необходимые высокие параметры такого сооружения. Мы с радостью приняли приглашение. После длительной утомительной дороги сауна пришла нам весьма кстати.

В узком кругу друзей-соотечественников за праздничным столом в номере гостиницы «Тебриз» мы встретили новый 1979 год. Ровно в полночь официант ресторана доставил в наш номер новогодний подарок — большой поднос с фруктами и сладостями от неизвестного доброжелателя. Однако мы не сомневались, что этим доброжелателем был наш новый знакомый — администратор гостиницы.

Глава 4

НОВЫЙ 1979 ГОД — ПОСЛЕДНИЙ ГОД ПРАВЛЕНИЯ ДИНАСТИИ ПЕХЛЕВИ

Продолжение политики силы. Антиамериканские настроения. Расстрелы у Тегеранского университета. Приезд в страну Хомейни. Новое временное правительство Базаргана.

1 января 1979 года. Рано утром мы заправили нашу машину бензином из резервов экспедиции и выехали в Тегеран. Отъехав километров 10 от города, повстречали движущуюся нам навстречу толпу крестьян. Это было необычное зрелище. Такого встречать еще не приходилось. Крестьяне, одетые в лохмотья, с палками в руках, шли по шоссе. Впереди шествовал тщедушный деревенский мулла в белой чалме, за ним следом шел крестьянин с портретом Хомейни. Каждую проезжающую машину крестьяне останавливали и заставляли пассажиров громко кричать: «Смерть шаху! Да здравствует Хомейни!» Нашу машину толпа тоже остановила. Я им сказал кто мы такие. И нас как иностранцев не заставили кричать лозунги, но зато строго спросили, где у нас портрет Хомейни? К счастью, портрет Хомейни у опытного Аббаса был на всякий случай припрятан. И он быстро выставил его к ветровому стеклу. После этого два грамотных парня синими фломастерами исписали капот, крышу, двери и стекла нашей «Волги» антишахскими ругательными лозунгами. На проща-

ные какой-то подросток сунул в машину маленький плакатик, написанный красными чернилами на белой бумаге — «Смерть шаху-убийце!» Мулла сделал разрешающий жест рукой и мы тронулись в путь.

До Казвина мы встретили еще несколько таких крестьянских шествий, но так как капот черной «Волги» был весь исписан антишахскими лозунгами (с такими «пропусками-вездеходами»), нас никто уже не задерживал и нам давали «зеленую улицу». Опасность грозила лишь в том случае, если среди крестьян оказались бы сторонники шаха. Тогда нам наверняка было бы несдобровать. И вряд ли помог бы хранившийся у Аббаса портрет его величества.

Ночной Тегеран встретил нас заревом пожаров. При въезде в город на кереджском шоссе догорал построенный советскими специалистами спиртоводочный завод. При приближении к центру наша машина с трудом проехала через освещенные пламенем пожаров завалы, сооруженные из перевернутых и сожженных автомобилей. Многие фонарные столбы повалены в сторону проезжей части. От дыма слезятся глаза. Трогуары завалены сорванными рекламными щитами и битым стеклом. Людей почти не видно. Но ясно, что не так давно здесь происходили бурные события.

2 января. Мы опять в своей гостинице «Нью-Надери». Радио Тегерана передало сообщение, что генерал Азхари подал в отставку. Оппозиция осудила Шапура Бахтияра за его согласие сотрудничать с шахом и заявила, что Бахтияр будет исключен из Национального фронта и партии «Иран», в которой он занимает руководящий пост.

Днем в ГКЭС из Мешхеда прибыли два советских инженера и переводчик от контракта на строительство элеватора железнодорожной станции Мешхед. Это наши друзья, с которыми мы долгое время были связаны деловым сотрудничеством. Они стали свидетелями недавних событий в Мешхеде вплоть до 31 декабря и подробно рассказали, что там творилось.

Как известно, взрыв возмущения народа произошел еще в середине декабря, когда военные власти Мешхеда учинили расправу над демонстрантами на территории комплекса гробницы имама Резы. 12 декабря во время антиправительственной демонстрации ее участники обнаружили в своих рядах около 400 переодетых вооруженных полицейских. Народ намеревался их задержать. Часть сбежавших полицейских укрылась среди солдат в армейских грузовиках. Солдаты подняли тревогу. Началась стрельба. Выстрелами была повреждена входная арка гробницы. Несколько человек было убито. Тогда люди стали прятаться в мечети.

С 13 декабря город фактически перешел под контроль народа. Сторонники Хомейни охотились за «палочниками»¹ — сторонниками шаха и поджигали их автомашины. Армия пока не вмешивалась. 14 декабря прошахски настроенные «палочники» собрались у госпиталя 77-й пехотной дивизии. В завязавшей стычке хомейнистов с «палочниками» армия стала защищать сторонников шаха. Солдаты открыли стрельбу. В результате было убито двое детей и несколько человек ранено. Для расследования случившегося прибыли два сотрудника САВАК — майор и подполковник. Народ тут же разоружил их и растерзал. На какое-то время страсти улеглись.

23 декабря служащие генерал-губернаторства Хорасана объявили, что они присоединяются к революционному движению народа. Группа революционеров во главе с аятоллой Ширази направилась в генерал-губернаторство, чтобы выразить его служащим благодарность. Постепенно у здания собралось около 5 тыс. человек. Возник стихийный митинг. В этот момент танки, бронетранспортеры и приехавшие на грузовиках солдаты окружили здание генерал-губернаторства вместе с примыкаю-

¹ В ходе революционных выступлений в конце 1978 г. появились «палочники», люди, вооруженные палками. Они были как среди революционеров, так и среди сторонников шаха. В сельской местности их было больше всего. Они, как правило, действовали по приказу сверху, избивая палками сторонников Хомейни.

щим к нему садом. Солдаты по команде офицеров начали стрелять в людей. Появившийся вертолет с низкой высоты открыл огонь по собравшимся. Люди метались, пытались спастись от пуль. Было убито около 500 человек и ранено более двух тысяч. У меня имеются фотографии, на которых запечатлены огромные горы обуви, оставшейся от обезумевшей в панике многотысячной толпы. Вечером траурная процессия растянулась на многие километры.

26 декабря в Мешхеде состоялась антиправительственная демонстрация, в которой приняли участие более полумиллиона человек. Такие демонстрации, хотя и не очень многочисленные, продолжались и в последующие дни.

30 декабря в 11 часов воинское подразделение опять было брошено против демонстрантов. На этот раз многие солдаты выражали солидарность с населением. Они выкрикивали: «Народ! С сегодняшнего дня мы с вами и останемся до конца!» Некоторые из толпы стали снимать свою одежду и бросать ее солдатам. В этот момент танки вышли из ворот 77-й пехотной дивизии, которая располагалась против здания генерал-губернаторства. Один танк врезался в толпу и раздавил несколько человек. Шедшие за танками солдаты начали стрелять. Люди в панике рассыпались по саду. Некоторым удалось вырвать оружие у солдат и скрыться. Операцией по разгону демонстрации с вертолета руководил военный губернатор Мешхеда дивизионный генерал Мир Шапур Мир Хади.

Народ, доведенный до отчаяния и охваченный гневом, действовал беспощадно. Демонстранты задержали в городе джип начальника артиллерии 77-й пехотной дивизии полковника Кеяли. Сначала его до смерти избивали палками, затем разорвали на куски, которые развесили на ветвях деревьев. Возбужденные толпы людей сожгли армейский магазин, американский культурный центр, английское консульство, здание сил национального сопротивления, дома многих американских советников, уехавших в США. Охранявшие эти дома двое часовых открыли огонь по нападавшим и убили трех человек. Демонстранты обнару-

жили стрелявших, избивали их, а затем казнили. После этого они напали на полицейский участок на улице Пастера, убив трех полицейских. Кинотеатр «Фарханг», расположенный на улице Джам, напротив дома, где жили сотрудники нашей экспедиции, сожгли потому, что его владелец не присоединился к бастовавшим и продолжал демонстрировать американские фильмы. Странники Хомейни сожгли также завод по производству пепси-колы вместе с парком спецмашин для развоза прохладительного напитка, разгромили полицейские участки, захватили женскую тюрьму на улице Кешеф. Всех женщин-заклученных выпустили, тюрьму привели в порядок, и там поселились бездомные семьи. Захваченную фешенебельную американскую гостиницу «Хайат», где до получения квартир проживали наши специалисты, превратили в госпиталь им. Хомейни.

Наступило 31 декабря, день, когда мы звонили из Тебриза в Мешхед. Кровавые события начались там с того момента, когда солдаты окружили дом аятоллы Ширази. Вооруженная группа революционеров с крыши отеля «Амир» вступила в перестрелку с жандармским постом, находившимся рядом с домом Ширази. Боевики, двигавшиеся с улицы Надери, забросали жандармский пост бутылками с горючей смесью и сожгли его. В 12 часов большое подразделение солдат вышло из казармы дивизии и прямо направилось к центру города. Солдаты неожиданно стали стрелять вдоль тротуаров Дивизионного перекрестка и улицы Арк. Затем они разбились на группы. Одна из них двинулась к улице Хосрови, другие группы к улице Шах Реза, перекрестку Надери и к центральной площади. Прибывшие на улицу Надери солдаты стали обстреливать дом аятоллы Ширази. Таким образом все центральные улицы города были заняты солдатами, стрелявшими без разбора и по людям, и по автомобилям. Стрельба велась настолько интенсивно, что санитарные машины не могли подъехать, чтобы забрать раненых. В больницу большую часть раненых доставляли частные машины. Увозить людей не успевали, многие умирали прямо на улицах. Тротуары покрылись кровью, вокруг стекла от разбитых витрин, рядом валяются

искореженные танками легковые автомобили. Это была наивысшая точка кровавой бойни. Итог таков: 300 человек убитых, сотни раненых. Среди погибших много стариков, женщин и детей, которые проходили по улицам или стояли в очередях за керосином и хлебом. После этого можно понять, почему в тот день сотрудники нашей экспедиции до позднего вечера не могли выйти из офиса и попасть к своим семьям. Нетрудно представить, каково было состояние тех и других.

3 января. Утром с Нуцубидзе пошли пешком в управление железных дорог, чтобы проинформировать господина Хосейна Али Касеми о ходе изыскательских работ в Астаре. Получив информацию от Нуцубидзе, Касеми выразил удовлетворение и, как бы между прочим, заметил, что наше возвращение в Мешхед весьма затруднено из-за забастовки железнодорожников и отсутствия бензина. Он посоветовал с просьбой о бензине завтра обратиться лично к президенту иранских железных дорог. Выйдя от Касеми, мы в коридоре повстречали нашего старого коллегу господина Монсона. Этот шведский инженер работал по контракту консультантом строительного управления иранских железных дорог. Он находился в контакте с нашей экспедицией после заключения контракта по проектированию железной дороги Мешхед — Серахс. Монсон очень симпатичный, мягкий, добродушный человек. Общаемся с ним только на английском языке. Для нас он просто «мистер Монсон», который любит поговорить на отвлеченные темы: о Швеции, ее железных дорогах и о своей семье, которую не хотел брать в Иран, но которую часто навещает, прилетая в Стокгольм. По праздникам мы ему, как и другим иранским коллегам, преподносим маленькие подарки. Его самый любимый подарок — грузинский коньяк. Нынешняя ситуация для Монсона невыносима. Он собирается выехать в Швецию до лучших времен.

Днем тегеранское радио сообщило, что Бахтияр, получив поддержку нескольких членов Национального фронта, продолжает формировать правительство.

Однако, судя по листовкам, издаваемым духовенством, оно будет бойкотировать деятельность нового правительства. В вечерних новостях по телевидению передали интервью нового премьер-министра иностранным корреспондентам. Бахтияру было задано около 30 вопросов. Вот его ответы на некоторые из них.

В связи с отъездом шаха на отдых и лечение, согласно конституции, должен быть создан регентский совет².

Те, кто за последние 25 лет грабил государственную казну, совершал предательство по отношению к народу, бросал незаконно людей в тюрьмы и пытал их, будут судимы народными судами и строго наказаны.

Я расформирую САВАК. Новая организация безопасности будет выполнять лишь функции, связанные с обеспечением безопасности страны от угрозы внешних сил.

Я, так же как партия «Иран» и Национальный фронт, желаю, чтобы Иран был независимым государством. Я не потерплю никакого иностранного вмешательства.

Я не считаю, что иранская армия попала под иностранное влияние и отделилась от народа. Она выполняла и выполняет национальные задачи. Армия и народ — едины.

Наше сельское хозяйство находится в упадке. Все продукты первой необходимости мы вывозим из-за границы.

Экономика страны переживает кризис и пришла в упадок. Этому способствовали события последних месяцев.

Наше общество поражено коррупцией, как раковой опухолью.

² Регентский совет, согласно § 42 дополнений к Конституции Ирана, создается для управления делами государства на время отъезда шахиншаха из страны.

Моя цель — создать демократическое общество, основанное на социальной справедливости, и хорошие условия жизни для всех на основе социал-демократии.

Я преисполнен уважения к аятолле Хомейни, аятолле Шариатмадари и исламу.

Полная отмена военного положения в настоящее время невозможна, так как в противном случае нельзя обезопасить жизнь и имущество граждан.

Я хочу начать переговоры с высшим духовенством, которое стоит во главе революционного народа.

Мне хочется, чтобы Хомейни — выдающийся иранец и все другие иранцы, находящиеся за границей, возвратились на родину.

Мы должны выявить корни недовольства, накопившегося у народа за 25 лет, и тогда народ волноваться не будет.

Любая армия нуждается в оружии, чтобы защитить страну. Однако в настоящее время у нас мало денег. Но даже тогда, когда появятся средства, мы не будем покупать оружие больше того количества, которое нам необходимо.

Надеюсь, что завтра или послезавтра пресса будет иметь возможность функционировать при полной свободе. Ей никто не будет давать указаний, ни гражданские, ни военные власти. Надеюсь, что пресса, радио и телевидение будут нейтральными.

Я должен со всей твердостью заявить врагам Ирана, что до последней капли крови и изо всех сил буду бороться против тех, кто намерен расчленить Иран.

Год назад в этой комнате я закладывал основы нового пути Национального фронта вместе с единомышленниками. К сожалению, наши пути разошлись. Тем не менее по-прежнему считаю себя членом Национального фронта. Надеюсь, что через год мы снова воссоединимся.

Поскольку нефть жизненно необходима для экономики страны, мы будем ее продавать. Однако придется пересмотреть политику в отношении некоторых государств. Например, Израилю нефть продавать не будем.

СЕНТО³ давно мертва, и мы не будем мертвого выносить из могилы.

Мы не потерпим никакого иностранного вмешательства, откуда бы оно ни исходило.

Те иностранцы, которые оказывают нам техническое содействие, должны остаться в Иране. И даже, возможно, надо пригласить тех, кто намерен оказывать нам техническую помощь.

Когда я перевел этот пункт политической программы Бахтияра, Нуцубидзе заметил: «Друзья, не волнуйтесь, при сложившейся обстановке мы находимся на своем месте!»

На вопрос, может ли Народная партия свободно существовать в Иране, Бахтияр ответил, что партии, которые не связаны с границей и не получают оттуда указаний, а также если их программа не противоречит религии Ирана, могут свободно существовать в стране.

После этого было передано, что меджлис одобрил кандидатуру Шапура Бахтияра на пост премьер-министра. 165 депутатов проголосовало «за» и 25 — воздержались.

4 января. Звоню секретарю президента иранских железных дорог, сообщаю ему о том, что руководитель нашей экспедиции просит президента об аудиенции. Секретарь отвечает, что президента на месте нет. Он в отъезде, прибудет через неделю. Я сообщил об этом Нуцубидзе. Он ответил: «Будем ждать президента. Другого выхода у нас нет».

Экономические последствия всеобщей забастовки с каждым днем все заметнее стали ощущаться в стране. Особенно

³ СЕНТО — военно-политический блок на Ближнем и Среднем Востоке, созданный по инициативе США и Великобритании. Иран вошел в него вместе с Турцией и Пакистаном.

поползли вверх цены на продукты. Если раньше за один килограмм говядины мы платили 20 туманов, то сейчас 40. Цены на сливочное масло за 1 килограмм поднялись с 16 до 20 туманов, на свежую баранину с 33 до 38, на птицу с 13 до 17, на апельсины с 8 до 12, на картофель с 2 до 4 туманов. И все это произошло за каких-то полтора-два месяца.

Отсутствие горючего в стране привело к тому, что мы, как и все тегеранское население, по вечерам стали сидеть не только в темноте, но и в холоде. Баки горючего отопительной системы гостиницы «Нью-Надери» опустели. Из Мешхеда нам звонят жены и говорят, что тоже мерзнут, так как для отопления их домов газойля нет.

Времени у меня опять стало много, и я отправился в город. Тегеран, если можно так выразиться, «обезмашинел». Наводненный ранее до предела автомобилями, он сегодня стал городом пешеходов. На бензозаправочных станциях теперь продают керосин для населения. Люди выстроились в огромные очереди. Заметно, что стоят в основном подростки и пожилые люди. Чтобы никто не мог получить без очереди, через ручки канистр и бидонов продергивается веревка на всю длину стоящих друг за другом. Примечательно, что люди в очередях тоже подхватывают и скандируют лозунги, если мимо проходят демонстранты. Нередко стоящие в очередях гибли от пуль полиции и армии. Позже в память о них в тегеранских газетах поместят стихи.

5 января. По-прежнему нет электричества. Чтобы слушать радио, пришлось купить портативный тайваньский радиоприемник, с виду имитирующий коробку сигарет «Кент». Он принимает многие станции, не говоря уже о тегеранских. Теперь можно слушать последние новости даже во время обеда. В дневных известиях сообщают, что шах официально заявил о своем намерении в удобное для него время покинуть страну на короткий срок для лечения и отдыха. И еще новость. Командующий сухопутными войсками, военный губернатор Тегерана, корпусный генерал Овейси подал в отставку и сегодня вылетел из

Ирана. Вечером услышал новость номер один. Правительство Бахтияра отменило цензуру на печатные издания.

6 января. Сегодня после 62-дневной забастовки вышли тегеранские газеты «Эттелаат» и «Кейхан». Впервые мне пришлось видеть огромные очереди за газетами. Раньше, до волнений в стране, газеты покупали очень немногие. А сегодня было столпотворение! Все хотят иметь газету. Даже неграмотные ее покупают и смотрят в ней картинки. Ну а для грамотных в сегодняшних газетах действительно много сюрпризов. Диву даешься, что в нынешних условиях такое можно напечатать в прессе. Официальные сообщения нового правительства тонут в оппозиционных материалах, которые подробно освещают забастовки, расстрелы демонстраций, коррупцию государственных чиновников.

7 января. В городе распространяется много листовок Хомейни. Они размножены в виде ксерокопий. В листовках Хомейни характеризует формирование правительства Бахтияра как «опасный заговор, подготовленный шахом в целях сохранения монархии в Иране». Хомейни поддерживает прекращение забастовки работников редакций газет лишь с оговоркой, что в этом случае печать должна использоваться для борьбы с незаконным правительством. Остальных он призвал продолжать забастовку. Хомейни обратился к торговцам и потребовал от них не взвинчивать цены на продукты, ибо это, как он выразился, противоречит исламу и интересам революции. На завтра он объявил всеобщий траур в память жертв Мешхеда, Казвина, Керманшаха и других городов.

Через газету «Кейхан» бастующие сотрудники радио и телевидения заявили, что до тех пор, пока в их ведомствах хозяйничают военные, они будут продолжать забастовку. Рядом с этим сообщением помещена сатирически видоизмененная эмблема национального радио и телевидения. В лапы львов вложены винтовки, а на головы зверей надеты армейские каски. Внизу подпись: «Организация военного радио и телевидения Ирана».

Вечером в известиях показывали, как в Ниаваранском дворце Шапур Бахтияр представлял шаху новый кабинет. В отличие от прошлых церемоний, на этот раз никто из новых министров не целовал руку шаха. Министры держались весьма независимо. Во время представления своего кабинета шаху Бахтияр заявил, что члены этого кабинета всегда оставались верными конституции, а сегодня они имеют честь быть представленными его величеству. Далее Бахтияр заверил, что его кабинет в современной тяжелой обстановке сделает все от него зависящее, чтобы как можно скорее установить спокойствие и порядок в стране. В заключение премьер выразил надежду, что его величество проявит к каждому из министров свою благосклонность и окажет правительству моральную поддержку.

Шах в короткой речи заявил, что кабинет Бахтияра — это хорошее политическое решение назревшего кризиса. Затем он, изобразив на лице крайнюю усталость, сообщил о намерении на короткий срок покинуть страну, оставив на время своего отсутствия регентский совет, который будет назначен в ближайшие дни.

8 января. Газета «Кейхан» сегодня опубликовала любопытный отрывок из интервью шаха, которое он дал 16 ноября 1978 года корреспонденту еженедельника «Обсервер». В нем было сказано, что без шаха Европа погибнет менее чем через 3 месяца, намекая, очевидно, на прекращение поставок нефти из Ирана в Европу. Когда корреспондент напомнил ему, что народ сжигает его портреты на улицах, шах ответил, что это единичные случаи, а абсолютное большинство населения такие действия осуждает. Шах сетовал на то, что народ его не понимает, но причина этого непонимания ему неясна.

Все газеты публикуют списки 175 человек, которые в течение двух месяцев перевели крупные суммы в швейцарские, французские и американские банки. В списке фигурируют бывший военный губернатор Тегерана корпусный генерал Овейси — 121 млн. туманов, бывший зять шаха, посол Ирана

в США Захеда — 92 млн., бывший министр без портфеля кабинета Шарифа Имама Азмун — 21 млн. туманов. По неполным данным прессы, к январю 1979 года министры, крупные чиновники, генералы перевели из Ирана в банки Европы и Америки около 5 млрд долл.

10 января. Утром по поручению Нуцубидзе позвонил секретарю президента железных дорог Ирана. Напомнил ему о желании начальника экспедиции встретиться с ним. Откровенно говоря, нам не очень-то верится, что новый президент государственных железных дорог Ирана господин Али Хабири (назначенный недавно вместо родственника шахини господина Дибба) уехал куда-то на неделю, да еще при нынешнем положении в стране. И я, пользуясь близким знакомством с секретарем президента, осмелился спросить его о месте командировки Али Хабири. Но секретарь без колебаний ответил, что президент находится в Хорремшехре, где пытается уговорить бастующих железнодорожников хотя бы частично доставить в Тегеран необходимые импортные товары.

Похоже, на самом деле так и происходит, ибо сегодня в «Кейхане» начальник главного таможенного управления Ирана Мир Абдоррахман Садрие довел до сведения иранской общественности, что из-за всеобщей забастовки на иранских таможнях создалась напряженная обстановка. В Базергане на турецко-иранской границе скопилось более 500 грузовиков с различными импортными грузами. На советско-иранской границе в Джульфе сосредоточилось около 7 тыс. вагонов с товарами для иранских торговцев. На южных таможнях, в портах Персидского залива, простаивает большое число судов, наполненных грузами для промышленных предприятий и торговых фирм.

В этот же день я разговаривал с прибывшими из Арьяшехра советскими металлургами, которые рассказывали, что металлургический завод, построенный с помощью советских специалистов, под угрозой полной остановки, так как уже потушены коксовые батареи. Доставка каменного угля из Шахруда,

Зираба, Саньгруда по причине отсутствия горючего для автотранспорта и локомотивов полностью прекратилась. Рабочие каменноугольных шахт в Кермане бастуют. Таким образом, если не будут приняты экстренные меры, то огромное предприятие, на котором работает в общей сложности 60 тыс. человек, через 4 дня полностью остановится. Специалисты утверждают, что в случае прекращения работы горячих цехов многие объекты придется строить заново.

11 января. Тегеранское радио сообщило, что Шапур Бахтияр представил свой кабинет меджлису и зачитал программу своего правительства, состоящую из 17 пунктов. Программа предусматривает ликвидацию САВАК, немедленный суд над теми, кто долгое время грабил казну и попирали права народа. Кроме того, будет создана особая комиссия по расследованию преступлений, совершенных агентами САВАК. Освободят всех политзаключенных, они будут реабилитированы начиная с 19 августа 1953 года⁴ по настоящее время.

Программа предусматривает также постепенную отмену в 12 городах военного положения. Все погибшие в ходе революционных событий будут объявлены героями, а списки с их именами опубликуют во всех газетах страны. Меры правительства, как отмечено в программе, направлены на прекращение всеобщей забастовки, налаживание тесного сотрудничества с духовенством, восстановление всего разрушенного во время демонстраций. Кроме того, делается упор на подготовку условий для проведения свободных выборов, изгнание из страны всех лишних иностранных служащих, а также создание общественной безопасности на базе закона.

На пресс-конференции в Париже Хомейни заявил, что предполагаемый отъезд шаха из Ирана без отречения его от пре-

⁴ 19 августа 1953 г. в результате правительственного переворота, совершенного под руководством американских спецслужб, правительство Мосаддыка было свергнуто, и к власти пришло реакционное правительство генерала Захеда.

стола ничего не меняет. Он сказал, что монархическая система прогнила и должна быть полностью заменена. К тому же шахский режим незаконен так же, как правительство, парламент и регентский совет. И пока все они не будут ликвидированы, спокойствия в стране не будет.

Газета «Кейхан» помещает список 180 политзаключенных с краткими данными о них. Указывается, что это всего лишь небольшая часть тех, кто томится в тюрьмах. Вот некоторые из них.

Мохаммед Ахмедиян, студент Тегеранского университета, тюрьма Эвин, арестован в 1972 году, обвинен за протест против проведения торжеств по случаю 2500-летия монархии в Иране и за чтение запрещенных книг. Приговорен к пожизненному заключению.

Фатьма Джарири, 32 года, секретарша, тюрьма Каср, без предъявления обвинения арестована в 1976 году. Приговорена к пожизненному заключению.

Джелал Самсами, 30 лет, студент, тюрьма Каср, обвинен в хранении оружия, арестован в 1972 году. Приговорен к пожизненному заключению.

Так, по любому обвинению и даже без предъявления обвинения, все 180 человек были приговорены к пожизненному заключению.

Радио вечером торжественно объявило о первом гуманном акте нового правительства. Шапур Бахтияр приказал освободить из тюрем первую группу политических заключенных. Всего 65 человек. Однако они отказались покинуть тюрьмы до тех пор, пока не освободят всех остальных политических заключенных.

Усилия Бахтияра пока не приносят заметных результатов. Ни его программа, ни первые прогрессивные меры нового премьера ни в коей мере не умиротворяют страну. По всему Ирану продолжают многолюдные демонстрации с требованием отставки правительства Бахтияра и создания исламского правительства. Корреспонденты газет сообщают, что в Дизфуле

прошла 100-тысячная демонстрация, в Семнани демонстрация длилась 4 часа. В ней приняло участие более 20 тыс. человек.

Депутаты меджлиса от Банэ и Саккыза отказались от своих депутатских мандатов в знак протеста против правительства Бахтияра. Сотрудники национального радио и телевидения, объявившие забастовку, приняли резолюцию, в которой говорится: «В стране, где 65 процентов населения неграмотно, телевидение и радио играют важнейшую роль в мобилизации народа на борьбу с деспотизмом».

13 января. В газетах, по радио и телевидению объявили о составе регентского совета. В него вошли: премьер-министр Бахтияр, председатели сената Саджади и меджлиса Сайд, министр двора Ардалан, директор-распорядитель Иранской национальной нефтяной компании Энтезам, начальник штаба Верховного главнокомандующего корпусный генерал Карабаги, бывший генеральный прокурор Алиабади, бывший министр экономики и финансов Варасте и бывший сенатор Техрани. В состав совета из оппозиции никто не был включен.

Сегодня объявлено о начале занятий в университетах. Но вместо явки на занятия студенты вышли на улицы и около Тегеранского университета устроили антиправительственный митинг, в котором участвовало более 500 студентов. На митинге присутствовал один из лидеров оппозиции Керим Санджаби, который все чаще стал появляться на улицах столицы.

Санджаби родился в 1904 году в Керманшахе в семье богатого вождя курдского племени санджаби. Вел активную борьбу против английского вмешательства в Иране. В 1921-м окончил школу политических наук в Тегеране, а в 1928-м защитил степень доктора права во Франции. В 1934 году был назначен министром просвещения, в 1939-м — министром финансов. Политической деятельностью начал заниматься во время Второй мировой войны. Был одним из основателей партии «Михан», которая затем была переименована в партию «Иран». При Мосаддыке в 1951–1953 годы занимал пост министра про-

свещения. Был членом ЦК Национального фронта. После свержения Мосаддыка несколько раз арестовывался.

Весной 1978 года после обострения внутривосточного положения в стране Санджаби выступил как один из руководителей оппозиции, а затем стал генеральным секретарем Национального фронта. В ноябре 1978 года был арестован, в начале декабря освобожден. Отверг предложение шаха возглавить коалиционное правительство, при этом открыто заявил о готовности сотрудничать с Хомейни и поддержать его программу.

В Ширазе, где по указанию Бахтияра вчера было отменено военное положение, произошло немало событий. Днем хоронили двух демонстрантов, убитых в стычках с полицией и армией. Участники траурной процессии подожгли аэропорт, здание штаба 3-й армии, разрушили монументы шаху на четырех городских площадях. Днем раньше демонстранты напали на ширазское отделение САВАК, захватили много оружия, освободили 40 заключенных, сожгли несколько автомобилей. Имущество САВАК через окна выбросили на улицу. При стычках с полицией было убито 2 полицейских, 2 демонстранта и 10 человек ранено. Десятитысячная толпа окружила американское консульство, демонстранты сорвали с флагштока флаг США и сожгли его у входа в здание консульства. Американским сотрудникам и иранским служащим удалось бежать.

14 января. Сегодня исполнилось две недели с тех пор, как Нуцубидзе и я застряли в Тегеране по пути из Астары в Мешхед. Бензина по-прежнему нет. На целые километры вытянулись очереди автомобилей у бензоколонок. Цена на бензин на черном рынке подскочила в несколько раз. На фоне отсутствующего городского транспорта особенно стали выделяться военные грузовики с солдатами. (Кстати, грузовики ГАЗ-66 нашего, советского производства.) Из-за отсутствия горючего прекратили работу две крупнейшие тепловые электростанции в Рее и Лушане, которые снабжали электроэнергией центральный Иран. В Тегеране теперь каждый день на несколько часов пре-

кращается подача электричества. Поэтому программы телевидения смотрю не каждый день. Днем много хожу пешком по городу. Сегодня, проходя по улице Амирийе, увидел вновь открытый продуктовый магазин со странной вывеской: «Продуктовый магазин для неимущих. Продажа с 50-процентной скидкой». Из-за любопытства решил поговорить со стоящими в очереди. Выяснилось, что продается только рис. За полцены. Скидка возмещается специальным фондом Хомейни.

15 января. Находящийся в Париже Хомейни заявил, что через несколько дней он объявит о составе нового правительства, которое заменит правительство Бахтияра. Отвечая на вопросы корреспондентов, Хомейни сказал, что он не возьмет на себя полномочия шаха и не будет занимать пост премьер-министра, но сохранит за собой руководящую роль в стране. Он добавил, что почти все члены будущего правительства в настоящее время находятся в Иране и уже дали свое согласие войти в его состав. По словам Хомейни, будущий парламент станет однопалатным. Говоря об армии, Хомейни заметил, что новый Иран сохранит сильную армию, которая будет очищена от разложившихся элементов. Отношения с Израилем будут прерваны. Европейцы могут свободно проживать в Иране.

Газета «Эттелаат» сегодня поместила корреспонденцию о том, что вчера вечером московское радио в передаче на персидском языке приветствовало развернувшуюся борьбу иранского народа, в которой принимают участие миллионы людей. В газете сообщалось, что московское радио выражало удивление попытками нового премьера Бахтияра выдать революционную борьбу народа за происки коммунистов внутри страны и за ее пределами. Еще более странным является то, что Бахтияр выдает эту борьбу за экспорт «красной революции». Каждый раз, когда народы, подобно иранскому, начинают свои массовые выступления, на Западе начинают искать «руку Москвы» и наличие коммунистического заговора. Удивительно, что этой байкой воспользовался нынешний премьер-министр иранского правительства.

Газета «Кейхан» поместила статью под заголовком «Народная партия выступает за вооруженную борьбу». В ней говорилось, что 13 января Народная партия в своем воззвании призвала население начать вооруженную борьбу с целью свержения существующего режима в Иране, а также обращалась ко всем противникам монархии, особенно к аятолле Хомейни, аятолле Талегани и доктору Санджаби, наладить совместное сотрудничество и сформировать единый освободительный фронт. Народная партия выдвигала требование аннулировать все нефтяные контракты с консорциумом и передать добычу нефти в руки иранского народа.

Во второй половине дня на тегеранском большом базаре у мечети Шах, переименованной в мечеть Хомейни, состоялся многотысячный митинг, на котором его участники выразили протест против недавних массовых убийств демонстрантов полицией и войсками. Митинг организовало Общество торговцев и ремесленников, примыкающее к Национальному фронту. Участники митинга держали в руках лозунги: «Привет рабочим-нефтяникам, поставившим на колени продажный режим и международный империализм! Привет аятолле Хомейни — борцу за права угнетенных мусульманских народов! Долой режим угнетателей народа Ирана! Да здравствует исламское правительство! Слава доктору Мосаддыку — вождю антиимпериалистического движения народов Востока! Кровопролитная иранская революция не потерпит никакого соглашения!»

Профессора Тегеранского политехнического института, входящие в национальную организацию университетов Ирана, на общем собрании приняли резолюцию, в которой потребовали свободы деятельности Организации борцов за народное дело Ирана и Организации народных партизан Ирана. В резолюции содержалось также требование о немедленном освобождении всех политических заключенных, принадлежащих к этим организациям. В документе отмечалось, что борцы за народное дело и партизаны развернули свою борьбу в самые тяжелые и мрачные дни шахского режима, создали вооруженные

отряды и начали подпольную борьбу за освобождение иранского народа от тирании. В этой борьбе члены указанных организаций понесли немалые жертвы и прошли сквозь нечеловеческие пытки в застенках САВАК.

«Эттелаат», ссылаясь на информацию из французских газет, сообщала, что министерство обороны США срочно демонтирует разведывательное оборудование, расположенное в районах Мешкиншехра и Мешхеда, чтобы перебазировать его в Оман и Израиль. Оман особенно удобен для американцев, так как система наблюдения в нем будет держать под контролем Персидский залив и пограничные районы СССР. Станция электронной разведки, расположенная в 130 км к северу от Мешхеда в деревне Кабкам, оборудована сверхчувствительной аппаратурой, которая, по заявлению американцев, не имеет равных в мире.

Кстати, еще на прошлой неделе я заметил как в нашу гостиницу к американцам, постоянно здесь проживающим, стали прибывать какие-то аккуратно упакованные ящики. И что меня особенно удивило, на каждом из них была наклеена надпись на английском языке «совершенно секретно». Естественно, ящики тщательно охранялись. Уж не часть ли это того самого оборудования, о котором пишет французская печать?

16 января. Наконец-то мне удалось договориться о встрече с президентом государственных железных дорог Ирана господином Али Хабири. Когда начались беспорядки в центре города, он переместил свою резиденцию из фешенебельного здания на улице Тахте Джамшид на железнодорожный вокзал. К назначенному нам времени Нуцубидзе и я прибыли на Тегеранский вокзал. Али Хабири принял нас в очень скромном кабинете. Он был явно не в настроении. Его миссия в Хорремшехре, куда он ездил для налаживания железнодорожных перевозок от портов Персидского залива в центр страны, не увенчалась успехом. Поэтому Нуцубидзе не стал его информировать о ходе работы экспедиции, полагая, что Хабири сейчас не до наших проектов,

а лишь задал ему два вопроса: когда предположительно закончится, по его мнению, забастовка железнодорожников и можно ли рассчитывать на получение бензина из его резервов для нашего автомобиля, чтобы добраться нам до Мешхеда.

Услышав первый вопрос, хмурый президент, наконец, рассмеялся и сказал, что окончание забастовки целиком зависит от аятоллы Хомейни. А что касается бензина, то его просто нет. «Но для наших друзей, — с улыбкой произнес президент, — одну заправку дам. На вторую заправку напишу записку начальнику отделения станции Шахруд». Итак, у нас две записки. Одна на получение 80 л бензина в Тегеране, другая на 80 л в Шахруде. Заправившись на базе тегеранского железнодорожного узла, мы, не теряя времени, выехали в Мешхед по южной дороге через Гярмсар, Дамган, Шахруд, Сабзевар, Нишапур. Такой маршрут был нам предложен самим президентом, так как, по его словам, южная дорога более спокойная, малолюдная, чем северная, проходящая через побережье Каспийского моря, где дорожное движение гораздо интенсивнее.

Из Тегерана выезжали с большим трудом. Все улицы, особенно центральные, были забиты возбужденным народом. На гярмсарскую дорогу попасть не удалось, пришлось ехать через Рей на Верамин, а затем через Шарифабад на основную магистраль. Пока петляли, Аббас с беспокойством поглядывал на указатель расхода бензина. В придорожных деревнях, которые проезжали, глинобитные стены домов сверху донизу были покрыты лозунгами, аналогичными столичным. У нашей «Волги» на ветровом стекле красовался портрет Хомейни, на заднем стекле — цветная фотография, изображающая Хомейни сидящего на ковре в саду. Стоящие у домов крестьяне приветливо махали нам руками.

Въезжаем в большой город Семнан. Но увы, проехать через центр невозможно. Улицы забиты народом. Полицейский советует нам свернуть на объездную дорогу. Кстати, такие объездные дороги в Иране существуют в каждом городе, стоящем на магистральной трассе. Сделав солидную дугу и миновав

Семнан, быстро доехали до Дамгана. Здесь гораздо спокойнее. Почти без задержек проехали через центр города. Наконец достигли станции Шахруд. Это как раз половина нашего пути. Когда проезжали город, миновали несколько полицейских участков, на плоских крышах которых попеременно с полицейскими стояли вооруженные солдаты в касках. У их ног — пулеметы на сошках. Подъехали к опустевшему зданию вокзала. Солдаты подозрительно поглядывают на нашу машину с изображениями Хомейни. Прибыли к бензоскладу. Пока выясняли вопрос, кто должен отпустить горючее, вокруг машины собралось человек 10–15 местных жителей. Некоторые разгневанные монархисты требовали снять портреты Хомейни. Нуцубидзе, испытывая естественное беспокойство, сказал мне: «Сними, к черту, оба портрета от греха подальше». Однако наш расторопный Аббас уже успел залить 80 л бензина и мы, не снимая портреты Хомейни, тронулись в путь на Сабзевар.

Сабзевар, куда мы прибыли, преодолев 300 км отличной дороги, город зеленый, просторный, чистый. Уже изрядно проголодавшись, решили пообедать в ресторане. Ресторан в нормальном виде, но у окружающих его зданий оконные стекла все выбиты. Находившийся рядом монумент Мохаммеда Реза Пехлеви разрушен до основания. На земле валяются отдельно друг от друга голова, руки, туловище. Хозяин ресторана объяснил, что в городе всеобщая забастовка и траур по случаю недавнего расстрела армией антишахской демонстрации. Выбитые оконные стекла и поверженный монумент — результат вчерашних акций демонстрантов. Хозяин обещал, если подождем, приготовить что-нибудь холодное. Но нам хотелось горячего. Поэтому решили поискать другой ресторан. Не проехали и одного квартала, как нас обогнал «Пейкан». С автомобиля нам знаками приказали остановиться. Мы остановились. Из машины вышли два молодых человека и спросили, кто мы такие, куда и зачем едем. Я ответил. В разговоре выяснилось, что у революционного патруля вызвало подозрение наше передвижение из Тегерана в Мешхед на автомашине с мешхедским номером. Следует

сказать, что в Иране на автомобильных номерах указан город, где зарегистрирована машина. Парни сказали, что от имени революционного комитета Сабзеvara они должны обыскать машину и проверить наши вещи. В нашем тощем багаже кроме моих фото и киноаппаратов ничего не было. Тем не менее подвергаться такой процедуре не хотелось. И мы выложили наши документы, в том числе удостоверения служащих государственных иранских железных дорог. Отношение к нам сразу изменилось. Возможно, патрули полагали, что мы американцы. Извинившись, они пожелали нам счастливого пути.

Приближаясь к центру города, мы увидели ликующие толпы людей, которые о чем-то кричали. «Что случилось?» — спросил я у тихого прохожего. «Сегодня шах сбежал из Ирана!» — ответил он. Когда мы вышли из ресторана на восточной окраине Сабзеvara, стало уже смеркаться. Поздно вечером проехали спящий, затемненный Нишапур, а глубокой ночью прибыли в Мешхед.

17 января. Все местные и центральные газеты, радио и телевидение сообщают подробности отъезда шаха из страны.

Уже в 11 часов утра Мехрабадский международный аэропорт был окружен шахской гвардией. Шах прибыл в аэропорт из Ниаваранского дворца на вертолете в сопровождении премьер-министра Шапура Бахтияра и председателя меджлиса Джавада Сайда. Предварительно было сообщено, что шах перед отъездом проведет пресс-конференцию. Но в последний момент шах ее отменил и лишь сделал короткое заявление, в котором выразил надежду, что новое правительство достигнет успеха в своей работе. Шахиня Фаррах очень нервничала и пыталась, как всегда, тоже что-то сказать, но лишь успела произнести фразу, что с божьей помощью ее страна будет процветать, и расплакалась. У провожающих на глазах были слезы. В 13:08 личный самолет монарха «Шахбаз» взлетел и взял курс на Асуан. За штурвалом находился сам Мохаммед Реза Пехлеви.

Как только радио Тегерана объявило об отъезде монарха, в стране началось всеобщее ликование. Автомобили зажгли

фары и беспрерывно гудели. Люди высыпали на улицы, угощали друг друга сладостями, разбрасывали цветы и апельсины. На улицах Мешхеда было столько народа, сколько бывает только в большие праздники. Некоторые в порыве радости вырезали из 100-риаловых ассигнаций портреты шаха и дырку показывали прохожим. На улице Хосрови мальчишка — продавец газет громко выкрикивает: «Покупайте газеты! Шах сбежал!» Я купил на память «Кейхан», эту историческую для Ирана газету.

На первой полосе огромными буквами помещена фраза из двух слов: «Шах уехал!» А рядом фотография шаха, поднимающегося по трапу самолета. Все газеты были мгновенно раскуплены. На стенах домов, на оградах, где уже трудно найти свободное место, появляются новые надписи по поводу бегства шаха. Теперь пишут не «Смерть шаху!», а «Смерть бежавшему шаху! Смерть бывшему шаху! Смерть шаху-предателю!» Вывешивают портреты Мохаммеда Реза Пехлеви вниз головой. Кстати, слово «шах» пишут вверх ногами.

С началом осложнения обстановки в стране и, в частности, в Мешхеде члены нашей экспедиции постепенно стали отправлять свои семьи в Советский Союз. И теперь стали чувствовать себя более спокойно.

После долгого отсутствия в Мешхеде, где происходили трагические кровавые события, я решил вечером осмотреть город. Главная магистраль города — улица Пехлеви заметно изменилась. Здесь пролилось много крови. Почти у всех магазинов витрины разбиты. Но жизнь берет свое. Кое-где вставляют новые стекла. Некоторые хозяева, наоборот, решили оставить на память пробитые пулями стекла витрин. Около них вывесили картонные объявления: «Просьба руками не трогать!» После попадания пули в стекло вокруг появившегося отверстия образуется мелкая паутина множества трещин, стекло становится матовым, но стоит прикоснуться к нему рукой, как оно рассыпается на мелкие кусочки. Зашел к моему старому знакомому, хозяину ювелирной лавки. «Как идут дела?» — спрашиваю его. «А какие сейчас могут быть дела, — отвечает

ювелир, — хорошо, что еще лавка уцелела после этой заварухи. Денег у народа нет, — продолжает он, — поэтому никто ничего не покупает. Наоборот, сами приносят золотые вещи для продажи».

Чтобы сделать ему приятное, я как надежный клиент покупаю у него два серебряных медальона с нужными мне знаками зодиака. На том с ним и расстались. Прошел по улице Надери, которая в эти революционные дни повидала, пожалуй, больше, чем другие улицы. Это здесь 31 декабря было убито наибольшее число демонстрантов. Свидетельство этому — многочисленные отметины пуль на стенах домов, разбитые рекламные щиты, сгоревшие банк и два кинотеатра. Стоявший на улице знакомый хозяин магазина тканей пригласил к себе. В Иране это обычное явление. Там считают своими знакомыми даже тех покупателей, кто сделал в его магазине всего несколько покупок. Я вошел в магазин. Народу, как всегда, не было. Сидел лишь его сосед-конкурент. Нам немедленно принесли чай. Завязался разговор. Невольно беседа свелась к событиям в городе. Вижу, что оба друг перед другом стараются показать себя сторонниками Хомейни, возмущаются действиями военных властей. Но я, уже не раз видевший эту показную солидарность, знал, что не всегда их красивые слова выражают то, что они думают на самом деле. Поэтому старался уйти от этой темы и перейти к разговору о торговле.

«Я имею дело с русскими уже более 50 лет, — сказал хозяин, глядя на своего соседа-конкурента, — и убедился, что они самые благородные и порядочные торговые партнеры. Не то что японцы или итальянцы. Если у русских в накладной указано, что этот тюк содержит 50 метров (при этом он указал на тюк красного сатина), то там ни на сантиметр меньше. А вот в этих (он показал пальцем на японские тюки с текстилем) наверняка, как всегда, не хватает три-четыре, а может быть и более метров. Русские — честные и благородные люди и в торговле и в политике», — заключил хозяин магазина. Я посмотрел на обоих с иронической улыбкой. Они только что хвалили Хомейни,

ругали шаха и Бахтияра, а сейчас хвалят моих соотечественников. У того и другого лица сосредоточенно серьезные. «Неужели это опять иранский юмор», — подумал я, поблагодарил торговцев за беседу и заторопился к выходу. Взглянув на часы, понял, что надо спешить, чтобы успеть добраться домой до начала комендантского часа.

Успел к вечерним известиям. Центральное телевидение сообщает, что в сенате состоялось голосование по программе правительства Бахтияра. Правительство и его программа были утверждены. 28 депутатов — «за», 1 — «против», 2 — «воздержались». В своей речи перед сенаторами Бахтияр повторил основные пункты своей программы. Говоря о волнениях студентов Тегеранского университета, Бахтияр заявил: «Если я увижу красный флаг над университетом, то закрою университет».

18 января. В Тегеране, как и по всей стране, продолжается массовое разрушение монументов шаху и памятников его отцу Реза-шаху. Газеты полны снимков, на которых запечатлено, как сотни людей, обвязав канатами монументы, сбрасывают их тягачами. В один вечер одновременно в Тегеране были разрушены памятники на площадях Селах, Мохбер эд-Доуле, Мохсени, 24 эфанда и на площади железнодорожного вокзала.

По случаю отъезда шаха из Ирана аятолла Хомейни в беседе с корреспондентом еженедельника «Экспресс» заявил, что исламская республика будет нейтральным неприсоединившимся государством. Хомейни сказал, что отъезд шаха из Ирана — это первая ступенька победы народа, отметив, что впереди будет еще много трудностей, но народ победит. Необходимо устранить тот огромный ущерб, который нанесен Ирану 50-летним господством династии Пехлеви и более чем 30-летним правлением Мохаммеда Реза Пехлеви. Когда корреспондент спросил Хомейни, может ли прийти к власти военная диктатура, если он не будет сотрудничать с Бахтияром, тот, смеясь, ответил, что время военной диктатуры давно прошло. Если даже кто-либо из военных попытается это сделать, то он сразу поймет,

что из этого ничего не выйдет. Иранский народ стал другим. При этом аятолла заявил, что одним из первых шагов исламского правительства будет конфискация всех сокровищ шаха как в стране, так и в иностранных банках.

В связи с этим мне вспоминается, как еще во время спокойной обстановки в стране, в начале мая 1978 года, мне довелось с женой побывать в сокровищнице шахской короны. Она была расположена в Центральном банке Ирана на улице Фирдоуси, против турецкого посольства. Чтобы туда попасть, надо было выстоять длинную очередь. Это по тем временам, пожалуй, в Иране была единственная очередь, виденная мной. Билет стоил 100 риалов. Вход в сокровищницу представлял собой огромную круглую стальную дверь сейфа. Сразу при входе слева, за стеклянной витриной были помещены массивная корона шаха из чистого золота с бриллиантами и платье шахини Фаррах, украшенное многочисленными драгоценными камнями. (Фаррах надела это платье единственный раз для коронации.)

В помещении окон нет. Витрины с экспонатами размещены в три яруса. Скрытые от глаз посетителей миниатюрные прожекторы так искусно подсвечивают бриллианты, что создается впечатление, будто они сами по себе светятся. Здесь хранятся крупнейшие в мире алмазы. Экскурсовод сказал, что они не имеют цены, но зато имеют богатую историю, часто замешанную на крови. В сокровищнице много золотых изделий и образцов старинного оружия с драгоценными камнями. Всё это напоминает нашу кремлевскую Оружейную палату. Очень хотелось что-нибудь сфотографировать. Но по существующим правилам посетители должны оставлять фотоаппараты и дамские сумочки при входе в камеру хранения.

Сегодня прочел в «Эттелаат» сообщение из Ахваза. Вчера там десятки тысяч людей вышли на улицы, чтобы выразить свою радость по поводу бегства шаха из Ирана. Солдаты начали в них стрелять. Убито 22, ранено 84 человека. Солдаты не посчитались с тем, что мулла произносил проповедь в Ахвазском университете, и стреляли по стоящим там студентам. Во время

стрельбы солдаты кричали: «Да здравствует шах! Шах должен возвратиться!» Затем те же солдаты стали уничтожать на улицах автомобили — 37 автомобилей сожгли и более 100 повредили. У более тысячи автомобилей разбили стекла.

В стране нарастает волна антиамериканских настроений. Газеты публикуют случаи убийств советников и специалистов США. Такого рода информация вызывает беспокойство у специалистов и нашей экспедиции. 15 января в Кермане убит отставной полковник американских ВВС Мартин Берквич. Он был директором горнорудной компании «Парсун Джордан». Его нашли в квартире с перерезанным горлом. На стене комнаты выведено по-английски: «Пожалуйста, возвращайтесь в свою страну». 16 января утром найден повешенным в своем доме в Шамиране (северная часть Тегерана) начальник штаба миссии американских военных советников в Иране полковник Артур Хайнхат.

Народная партия опубликовала сообщение о деятельности ЦРУ в Иране. В сообщении говорится, что агенты этого ведомства обеспечивают скрытое бегство армейской верхушки и руководящего состава САВАК из Ирана.

19 января. В канун 40-го дня с момента смерти имама Хусейна в Тегеране состоялось траурное шествие. Как сообщает национальное радио, религиозное шествие приняло форму грандиозной демонстрации, в которой приняли участие сотни тысяч человек. Военные подразделения и полиция охраняли здания государственных учреждений. В колонне, растянувшейся на 12 км, двигались представители всех слоев населения столицы, крестьяне из близлежащих районов и даже матери с малолетними детьми. Участники шествия несли много антиамериканских лозунгов: «Смерть Картеру! После шаха наступит очередь Америки! Деспотизм кончился — империализм остался!» Были и такие: «Главное в революции — единство! Революция будет продолжаться, даже если в нас будут стрелять днем и ночью! Палестина и Вьетнам — пример для нас! Раскол — оружие наших врагов!» Над колонной колыхались портреты Хомейни,

Шариатмадари, Талегани, а также доктора Мосаддыка, его соратника Хосейна Фатеми.

К 12 часам голова колонны достигла площади Свободы (бывшая Шахъяд), где был совершен массовый намаз. Затем была принята короткая резолюция, в которой говорилось, что народ Ирана отверг монархию и полон решимости бороться до окончательной победы. В резолюции выдвигались требования роспуска кабинета Бахтияра, регентского совета, парламента, провозглашения исламской республики, прекращения американского вмешательства во внутренние дела Ирана. Солдат и офицеров призывали стать на сторону борющегося народа.

20 января. Сегодня газета «Кейхан» опубликовала открытое послание аятоллы Хомейни Кериму Санджаби следующего содержания: «Как Вам известно, иранский народ для того, чтобы свергнуть ненавистный прогнивший шахский режим, четыре месяца назад объявил всеобщую забастовку. Поскольку некоторые забастовки могут стать причиной бедствий народа или невосполнимого ущерба экономике, необходимо назначить ответственных лиц для упорядочивания забастовочного движения, дабы избежать нанесения стране и народу непоправимого ущерба».

Радио и телевидение обсуждают поведение бывшего зятя шаха Ардешира Захеда, который в течение долгого времени был послом Ирана в США. Несмотря на требования персонала иранского посольства в Вашингтоне, Захеда не желает покидать своего поста. Наконец, в этот спор вмешался сам Хомейни. Он послал в Вашингтон сотруднику иранского посольства в США доктору Джелалу Зарраби указание, в котором говорилось:

«Как Вам известно, аморальный и незаконный посол — сторонник Мохаммеда Реза Пехлеви — занимает руководящий пост в посольстве Ирана. И даже после низвержения шаха с престола и его бегства из Ирана он не желает уходить, хотя персонал иранского посольства и консульства Ирана в США игнорирует его.

Настоящим поручаю Вам, а также доктору Табатабаи, Реза Садри, Ахмеду Азизи и Шахрияру Рухани при сотрудничестве с честными работниками, уважающими ислам, взять в свое управление аппарат посольства и консульства в США».

Премьер-министр Шапур Бахтияр на пресс-конференции для иностранных журналистов заявил, что если Хомейни возвратится в Иран и объявит исламскую республику, то для него будет два выхода — или остаться законным премьер-министром, и это приведет к кровопролитию, или уйти в отставку и сообщить армии, что он не в силах быть во главе этого правительства. Бахтияра спросили, к чему приведет второй путь. Он ответил: «К перевороту!» Далее Бахтияр заявил, что он сторонник конституции, что регентский совет должен остаться, а после всеобщих выборов народ может сам принять решение о форме правления, затем подчеркнул, что Хомейни должен знать: многие из тех, кто называет себя сторонниками Хомейни, на деле являются коммунистами, надевшими на себя религиозную маску. В заключение Бахтияр сказал, что он уверен, что после возвращения Хомейни в Иран его сторонники и коммунисты в течение нескольких недель передерутся. В настоящее время он не готов передать власть Хомейни. Хомейни — выдающийся человек и в любое время, когда захочет, может приехать в Иран. Принятие такого решения зависит от него самого.

Хомейни отклонил предложение президента США Картера относительно умиротворения Ирана и сказал, что великие державы не должны вмешиваться в дела другого государства. Хомейни также отклонил пожелания Картера оказать поддержку Бахтияру, заявив, что не Картеру определять законность того или иного правительства в Иране. Хомейни добавил еще, что некоторые части иранских вооруженных сил заявили ему о своей поддержке. Касаясь расстрела армией мирных демонстрантов в Ахвазе, Хомейни подчеркнул, что некоторые военнослужащие, очевидно, пока не уяснили расстановку сил в настоящее время.

Газета «Эттелаат» сообщает, что несколько сотен военнослужащих, в том числе офицеров, выступили против своего командира в гарнизоне ВВС Шахрохи (Хамадан) и объявили голодовку. Причина в том, что летчикам было приказано на следующий день после отъезда шаха из Ирана отработать упражнение «бомбардировка города». Летчики отказались выполнять этот приказ.

Вчера в Тебризе состоялась политическая демонстрация. Характерно, что среди многих уже известных лозунгов был и такой: «Народ! Поднимай оружие, которое когда-то сложили Саттар Хан⁵ и Мирза Кучек Хан Джангели⁶». На городском митинге ораторы подчеркивали, что тебризцы начали первыми борьбу против шахского режима 18 февраля 1978 года. В принятой резолюции были выдвинуты следующие требования:

1. Свержение шахского режима.
2. Создание исламской республики во главе с религиозным лидером.
3. Освобождение Ирана от американского господства.
4. Возрождение исламской национальной культуры вместо капиталистической.
5. Предоставление свободы землевладельцам и восстановление сельского хозяйства.
6. Предоставление свободы рабочим и восстановление национальной промышленности.

⁵ Саттар Хан — выдающийся деятель в Иранском Азербайджане, народный герой Ирана. В революции 1905–1911 гг. во главе партизанского отряда вел борьбу против реакционных иранских властей. В 1909 г. возглавил народное восстание против шаха за восстановление конституции.

⁶ Мирза Кучек Хан Джангели — политический деятель Ирана, представитель интересов торговой буржуазии и части помещиков. Принимал участие в иранской революции 1905–1911 гг. Во время Первой мировой войны руководил партизанским движением джангелийцев. В сентябре 1921 г. стал председателем революционного правительства Гилянской республики. В том же году напуганный распространением идей большевизма вместе с другими соратниками совершили контрреволюционный переворот, в результате которого были убиты руководители Иранской компартии и разгромлены ее организации в Реште и Энзели.

7. Создание исламской экономической системы.
8. Получение университетами независимости.
9. Получение исламской независимости мусульманскими женщинами во всех областях жизни.
10. Уничтожение классового строя.
11. Строгое соблюдение закона о национализации нефтяной промышленности и прекращение отношений с международным консорциумом.
12. Национализация шахских богатств.
13. Сохранение национального единства и ликвидация распрей.

А у нас в Мешхеде 20 января демонстрация с участием крестьян длилась свыше 5 часов. Движение автотранспорта было полностью нарушено.

Газета «Эттелаат» с похвалой отзывается о передачах московского радио на персидском языке, отмечая, что радио Москвы передает реальную картину положения в Иране. Слушают эти передачи и наши иранские коллеги, которые тоже хорошо о них отзываются. Эти передачи из Москвы и Баку были особенно популярны, когда в Иране в течение 62 дней бастовали все газеты. Передачи на персидском языке радиостанций «Голос Америки» и Би-би-си ругают, поскольку та и другая поддерживают режим шаха и правительство Бахтияра.

21 января. Тегеранское телевидение сообщило, что министр юстиции кабинета Бахтияра Яхья Садек подал в отставку. Генерал Джам отказался от поста военного министра. Другим ударом для Бахтияра явилась отставка 15 депутатов меджлиса в ответ на призыв Хомейни. Лидер партии паниранистов Пазеакпур заявил журналистам, что нынешний состав меджлиса не заслуживает доверия масс и его деятельность будет парализована. Антиамериканские настроения приобретают новые формы. Например, в Дамгане и Семнани муллы в мечетях начинают свои проповеди с проклятия правительства США. А работники Министерства иностранных дел Ирана заявили,

что не выйдут на работу, пока не будет ликвидирован ирано-американский военный договор⁷.

Усиливаются столкновения между противниками и сторонниками шахского режима. Так, в Мешкиншехре сторонники шахского режима под защитой полиции прибыли на улицу Пехлеви, где сторонники Хомейни устроили демонстрацию. Между теми и другими произошло столкновение. Полицейские стали стрелять по сторонникам Хомейни. Было убито 100 человек, много ранено. Разбиты витрины десятков магазинов, 8 из них сожжены. Стычки продолжались до полуночи. Город имеет такой вид, будто там произошло сражение. В Хаштпаре, курортном городе на побережье Каспийского моря, группа «палочников» — сторонников шаха напала на демонстрантов — сторонников Хомейни и стала их избивать. «Палочники» громили дома учителей, которые были на стороне Хомейни. Некоторые их дома подожгли. Учителя с семьями были вынуждены бежать из города.

Хомейни предпринимает более решительные шаги для подготовки к предстоящему возвращению в Иран. Во всех городах страны распространяются листовки с обращением Хомейни к иранскому народу.

Вот полный перевод этой листовки, которую я оставил в своем архиве.

«Дорогие соотечественники! Шах бежал. Шахский режим пал. Шахские приспешники вывозят богатства казны за границу. Сами они один за другим бегут из страны. Но в свое время им будет предъявлен счет. Они произвели большие опустошения. С помощью Бога и усилиями народа мы восстановим нанесенный ущерб, хотя для этого потребуются годы.

⁷ Ирано-американский военный договор был заключен между Ираном и США в марте 1959 г. Договор носил антисоветский характер, что противоречило советско-иранскому договору 1927 г. о гарантии и нейтралитете. По договору 1959 г. США получили право «по просьбе» иранского правительства ввести в Иран свои войска в случае прямой или «косвенной агрессии».

Выражая свою искреннюю благодарность моим соотечественникам, считаю необходимым сообщить следующее:

1. С помощью Всевышнего вскоре я возвращаюсь к вам. Вместе с вами будем стараться ликвидировать имеющиеся трудности. Посвятим себя, дорогие друзья, служению исламу и обездоленному народу. Я прибуду к вам через несколько дней.
2. Депутатов Мохаммеда Реза, которые насильно захватили места в парламенте, предупредите, чтобы они освободили эти места, занимавшиеся ими незаконно в течение 50 лет. Бог даст, в будущем все увидят, что выборы станут свободными, парламент здоровым.
3. Еще раз предупреждаю регентский совет, что его члены должны выйти из него, чтобы не вступать в противоречие с народом.
4. Снова предупреждаю полицию, сухопутные войска, военно-воздушные силы, военно-морской флот, чтобы они сотрудничали с честным, бдительным народом. Сознательный народ Ирана должен распознать людей, которые из-за своей неосведомленности действуют в интересах предателей, их надо наставлять на путь истинный и привлекать на свою сторону.
Молю Бога о победе иранского народа.

Рухолла Мусави Хомейни».

22 января. Утром тегеранское радио объявило, что в пятницу, 26 января, в Тегеран прибывает Хомейни. На Мехрабадском аэродроме готовят два самолета для его прилета из Парижа в Тегеран. Эта новость взбудоражила столицу и всю страну. С приездом Хомейни связывают коренные перемены, которые ждут в стране.

Посол СССР в Иране Владимир Михайлович Виноградов встретился с директором-распорядителем Общества Красного

Льва и Солнца⁸ Хосейном Хатиби. Советский посол выразил соболезнование по случаю недавнего землетрясения в восточной части Ирана и сообщил о готовности советского общества Красного Креста и Красного Полумесяца в кратчайший срок безвозмездно доставить пострадавшим продовольствие, медикаменты, палатки, одеяла и различное оборудование. Хатиби поблагодарил советского посла за помощь.

Газета «Аяндеган» поместила на своих страницах довольно любопытную статью за подписью некоего Реза Азада. Даже с учетом того, что цензура на печать отменена, ее содержание было очень необычным для Ирана этих дней. Статья называлась «Не все атеисты — коммунисты». Вот ее полный перевод.

«С подъемом революционного движения в Иране в наших газетах часто стали классифицировать группы людей на верующих и неверующих. И получается так, что слово „неверующий“ является синонимом слова „коммунист“.

Должен сказать, что, действительно, коммуниста можно назвать неверующим. Однако всех неверующих нельзя назвать коммунистами. Мне кажется, среди неверующих есть много демократов, коммунистов и большое число ученых-естествоиспытателей, физиков и математиков. Например, некоторые ученые в ходе исследований приходят к заключению, что после смерти человек не попадает в другой мир. По их мнению, нет никакого Страшного суда. Эта группа людей откровенно называет себя неверующими. И их недопустимо изгонять или оскорблять.

Я думаю, что большинство иранцев, получивших образование, являются неверующими. А иранская революция приняла религиозный характер не из-за религи-

⁸ Общество Красного Льва и Солнца входит в Международную организацию Красного Креста, имеет отделение во всех городах Ирана, оказывает помощь пострадавшим от стихийных бедствий, проводит меры по предупреждению эпидемий.

озных убеждений народа, а потому, что аятолла Хомейни как религиозный деятель является талантливым организатором. Имея непререкаемый авторитет, он сумел сплотить все прогрессивные силы страны.

Реза Азад».

24 января. В утреннем выпуске последних известий национальное телевидение передало, что по техническим причинам все аэропорты страны закрыты на неопределенное время. Мехрабадский аэропорт окружен танками и солдатами. Хомейни сообщил из Парижа, что его прилет в Тегеран откладывается.

Между тем вчера утром около 5 тыс. человек пришли в Мехрабадский аэропорт, чтобы проводить самолет, который должен вылететь в Париж за аятоллой Хомейни. Среди тех, кто намеревается вылететь, находились аятолла Талегани, а также группа иранских и иностранных журналистов. Этот рейс назвали «Рейс революции». Как сообщили летчики самолета, взлетная полоса аэропорта была занята войсками еще три дня назад.

Сторонники шаха усиливают свою активность в стране. Во многих городах при покровительстве армии идут демонстрации в защиту конституции, другими словами, в защиту шаха и шахского режима. Их участники проходят по улицам с портретами шаха, шахини и наследника. Несут лозунги: «Да здравствует шах! Да здравствует конституция!» Саваковцы в сельской местности на основных шоссе дорог создают отряды «палочников». Причем за участие в таких отрядах крестьянам платят деньги и дают продукты. Например, участник такого отряда из Хаштпара сказал, что каждому из них в день выдают по 20 туманов и по одной мороженой курице. Задача «палочников» состоит в том, чтобы следить за проезжающими автомашинами. Тех, кто имеет на машинах портрет Хомейни, останавливают и избивают палками. Особенно жестоко действуют «палочники» на автостраде Хамадан — Керманшах, где они выгоняют пассажиров из автобусов, затем автобусы сжигают.

Несколько «палочников» поймано в Мешхеде. Когда их привели к аятолле Ширази, то при допросе выяснилось следующее. Они крестьяне. Пришли из деревни в Мешхед, чтобы найти работу. Какие-то люди обещали им платить по 150 туманов, если они будут выкрикивать на улицах города такие лозунги, какие им скажут. Крестьяне согласились. Целыми днями на городских улицах они кричали лозунги в защиту шаха. Но их обманули и заплатили только по 70 туманов в день.

25 января. Сегодня все средства массовой информации сообщили, что приезд Хомейни в Иран отложен на неопределенное время. Бахтияр призвал Хомейни воздержаться от прибытия в Иран. Тем не менее в Тегеран съезжаются тысячи людей из провинции, чтобы принять участие во встрече Хомейни.

Сегодняшняя «Кейхан» так описывает события вчерашнего дня в Тегеране. Между людьми, прибывшими в Тегеран для встречи Хомейни, и войсками в центре города произошли столкновения. Тысячи людей различных социальных групп, разочарованные тем, что приезд Хомейни откладывается на неопределенное время, организовали демонстрацию протеста. На перекрестке улиц Ках и принца Али Реза демонстрантов встретило подразделение солдат, перегородивших улицу Ках. Сначала солдаты, препятствуя движению, стреляли в воздух, затем открыли огонь по людям. Толпа стала разбегаться. Некоторые прятались в кюветы, за стены домов. В этот момент подоспело другое подразделение солдат, которые заняли проезжую часть улицы и тоже начали стрельбу. С крыши соседнего десятиэтажного здания стрелял пулемет. Всюду слышались крики о помощи. Наконец, послышались спасительные сирены машины скорой помощи. Из машины вышли санитар и водитель, чтобы на носилках внести раненых. В этот момент солдатская пуля попала в плечо санитару. Он упал. Санитар другой подоспевшей машины закричал: «Я приехал помочь раненым! Не стреляйте в меня!» Но тщетно. Солдаты не обращали внимания на его крики. Многие демонстранты разрывали на

себе рубашки, оголяли грудь и кричали: «Эй, солдаты! Вот моя грудь, стреляй! Убивай! Вот она, мишень конституции! Смерть Бахтияру!» Другое кровопролитие произошло около университета. Там тоже были убитые и раненые.

Бахтияр заявил в меджлисе, что его представители вступили в переговоры с Хомейни в Париже. Однако оппозиция опровергла это заявление.

Сегодня на стенах домов Мешхеда появилось обращение Хомейни к торговцам. В обращении говорится, что взвинчивать цены в настоящее время недопустимо. Хомейни утверждает, что повышение цен противоречит исламу, наносит ущерб интересам революции. Рядом с нашим офисом находится фирменный магазин «Сусанна» по продаже хрусталя и сантехнических изделий. Зашел в него, чтобы поинтересоваться, как его хозяин воспринимает указания Хомейни. Действительно, на стене висит длинный список товаров, цены на которые снижены от пяти до десяти процентов. Однако если учесть, что с осени прошлого года цены на эти же товары были повышены на 20–25 процентов, то в конечном счете хозяин не остался в убытке.

26 января. Как сообщает «Кейхан», Бахтияр утром 25 января разговаривал по телефону с Назихом, председателем общества иранских адвокатов в Париже. Бахтияр его просил, чтобы тот уговорил Хомейни задержать свой приезд в Иран на 3 недели, которых якобы хватит Бахтияру для нормализации обстановки в стране. Назих немедленно поехал к Хомейни, где провел переговоры с его приближенными, в том числе с доктором Язди, который сказал, что этот вопрос обсуждать уже поздно, ибо аятолла принял решение и его ничто больше не остановит возвратиться в Иран.

Газеты продолжают публиковать данные об убитых при столкновениях на улицах Тегерана 25 января. В общей сложности погибло более 100 человек. Служба безопасности совершила налет на дом, где должен разместиться аятолла Хомейни после

прибытия из Парижа. Там произвели обыск, арестовали некоторых журналистов и религиозных деятелей.

В дневных телевизионных известиях показали пресс-конференцию Бахтияра, на которой присутствовало много местных и иностранных корреспондентов газет и телевидения. На вопрос корреспондента газеты «Аяндеган», выполнены ли решения премьера по предоставлению газетам свободы печати, Бахтияр ответил, что газеты находятся на самообеспечении и поэтому имеют полную свободу. Что касается радио и телевидения, то эти организации субсидируются государством. И по этой причине они не могут иметь полной свободы.

В Мешхеде в людных местах, особенно на центральном базаре, где наши жены обычно покупают продукты, распространяется много разных листовок. Одну из них, подписанную аятоллой Шариатмадари, принесла мне жена. Листовка обращена к солдатам. В ней говорится:

«За последние дни в газетах появились сообщения о том, что в Тегеране готовится военный переворот. Это известие, на наш взгляд, — средство давления на иранский народ. Трудно себе представить, чтобы армия, которая сама — часть народа, выступила бы против своего народа. Армия, главная задача которой — охранять границы государства и бороться с иностранными захватчиками, никогда не пойдет ни на какой сговор против своих братьев и сестер. Как я уже не раз говорил, солдаты — наши братья и мы их любим. Но если, не дай Бог, их обманут, втянут в интриги и они станут стрелять по своим соотечественникам-мусульманам, то такие солдаты совершат большое преступление, тяжкий грех. И кроме позора и бесчестья не заслужат ничего ни на этом, ни на том свете.

Поэтому я обращаюсь к мусульманам армии и как отец даю им совет: ислам как никогда прежде призывает нас к исполнению святого дела. Весь народ и армия должны единомысленно сплотиться ради выполнения свя-

ценных целей ислама и установить в стране справедливый исламский порядок.

Аятолла Шариатмадари».

Сегодня в преддверии годовщины смерти пророка Мохаммеда и имама Хосейна в Мешхеде состоялось грандиозное шествие по городу. Помимо религиозных лозунгов, демонстранты несли плакаты, осуждающие власти за репрессии против революционного народа и закрытие аэропортов страны. Как известно, персы — любители поэзии. И многие лозунги зарифмованы в виде стиха. Среди них были, например, такие, которые в переводе звучали: «Плохо придется Бахтияру, если Хомейни опоздает! Единственный путь освобождения — вооруженная борьба! Солдат наш брат, армия — наш враг!»

28 января. Тегеранские газеты принесли тревожные вести. Вчера утром около Тегеранского университета собрался многотысячный митинг в поддержку Хомейни. В разгар митинга агенты САВАК с крыш соседних домов начали стрельбу. Люди стали разбегаться. По официальным данным, которым обычно никто не верит, было убито 27, по другим — 150 человек. А судя по числу раненых, доставленных в городские больницы, погибло не менее 3 тыс. В Тегеране на улицах много помощников по сбору крови для раненых, они останавливают автомобили и показывают картонные таблички, где написано, какая нужна группа крови. Кровь сдают тут же в передвижных пунктах. Вечером гнев народа обратился против главного жандармского управления, расположенного недалеко от университета, на площади 24 эсфанда. В течение долгих лет это мрачное здание воспринималось как символ шахской тирании. У центрального входа в университет студенты сооружают баррикады. На стенах появились призывы: «Народ Ирана, к оружию!»

Мешхед наводнен отпечатанными на ксероксе воззваниями Хомейни к населению Ирана. Аятолла возлагает на Бахтияра личную ответственность за недавние массовые расстрелы в Тегеране и других городах. А Бахтияр тем временем все еще

надеется, что он сможет убедить Хомейни отложить свой приезд в Иран. Все вчерашние газеты поместили текст письма Бахтияра к Хомейни следующего содержания:

«Здравствуйте!

Разрешите засвидетельствовать Вам свое глубокое уважение как Великому религиозному вождю, борющемуся за справедливость. Позвольте мне привлечь внимание Великого руководителя ислама к некоторым проблемам.

1. Вы хорошо знаете, что программа моего правительства полностью отражает чаяния, к которым в долгие годы мрачного периода угнетения и утраченного стремления Вы и другие борцы за справедливость и свободу. Как только мне окажут доверие, я со всей энергией примусь осуществлять эту программу. Надеюсь, эти благородные задачи могут быть выполнены при Вашем благословении и поддержке, а также при усилиях со стороны патриотов нашей родины.
2. Ваш приезд является большим счастьем для народа нашей страны. И я, как и народ Ирана, борющийся за свободу и независимость страны, приветствую его. Однако разрешите Вам сообщить, что по моему глубокому убеждению в нынешних условиях, когда существуют враждебные группировки, когда в стране царит нервная обстановка, Ваше возвращение в настоящий момент приведет к еще большему осложнению обстановки в Иране, что помешает выполнению программы правительства. Поэтому убедительно прошу отложить Ваш приезд в Иран.
3. Если после возвращения в Иран Вы объявите о создании политической организации, которая не будет соответствовать нынешней конституции, то поставите правительство в очень трудное и опасное положение, и за последствия я не хотел бы нести ответственность.

4. Принимая во внимание мое положение и во имя Ваших заслуг перед народом Ирана, разрешите, чтобы любое изменение в политической системе проходило на здоровой основе в условиях спокойствия, согласно демократическим традициям, принятым во всем мире. Не дай бог, чтобы после 25 лет тирании мы попали бы в еще более бедственное положение. Я ценю Ваши благородные усилия и хочу, чтобы они увенчались успехом.

Все, что я Вам высказал, направлено лишь на то, чтобы избежать нежелательных последствий. Если же это произойдет, то для меня будет весьма прискорбно, ибо будет нанесен ущерб всем борцам за справедливость и свободу.

Шапур Бахтияр».

Однако Хомейни это послание Бахтияра принять отказался.

В Мешхеде добровольные агитаторы распространяют написанные от руки листовки. На улице Симетри молодой парень сунул мне в руку листовку в стихах. Вот ее перевод.

Знай, солдат,
 Наш покровитель — Бог,
 Твой покровитель — Картер.
 Наш вождь — Хомейни,
 Твой хозяин — Пехлеви.
 Наше оружие — цветы,
 Твое оружие — винтовка.
 Мы умираем за святое дело,
 Ты гибнешь за несправедливость.
 Мы жертвуем жизнью за ислам,
 Ты — за продолжение гнета.
 Мы страшимся гнева Бога,
 Ты боишься своего командира.
 Эй, солдат, раскинь мозгами и рассуди сам:
 Чья будет победа — твоя или наша?!

29 января. Из-за сложной ситуации в стране нашей экспедиции, ставшей довольно немногочисленной, приходилось работать все в более трудных условиях. Жен и детей мы уже отправили домой. Часть специалистов, окончив работу, согласно контракту уехала на родину. Наши тегеранские начальники предложили нам на своих штатных автомобилях выехать из Мешхеда в столицу по маршруту Кучан, Ширван, Боджнурд, Горган, Сари, Шахи, Амоль, Тегеран.

Рано утром члены экспедиции на автобусе ПАЗ и «Волге» выехали из заснеженного Мешхеда. Город был окутан густым туманом. Деревья и телеграфные провода покрыты пушистым инеем. Это неудивительно, так как перед отъездом наружный термометр моей квартиры показывал 27 градусов ниже нуля. Двигаемся медленно, поскольку гололедица при ограниченной видимости создает серьезную опасность. Когда миновали Тус, родину великого поэта Фирдоуси, погода стала улучшаться, выглянуло солнце.

Ехали по плодородной Кучанской долине с относительно высокой плотностью населения. Людей не видно. Сильно морозит. На стенах глинобитных домов наклеены портреты Хомейни. Висят и портреты шаха, но вниз головой. Повсюду лозунги, лозунги, которым нет счета. Проехали Кучан, где население только проснулось и улицы были малолюдны. Следы революционного брожения видны на каждом шагу: сожженные банки, кинотеатры, везде — непримиримая настенная пропаганда и агитация. К нашему удивлению, при въезде в Ширван в витринах магазинов вместо портретов Хомейни висят изображения шаха. В центре города красуется монумент Мохаммеда Реза Пехлеви, не имеющий ни одной царапины. То, что увидели в Ширване, не было единственным случаем.

На всем дальнейшем пути от Ширвана до Минудешта попалось еще несколько таких городов и населенных пунктов. Кстати, пишут и газеты, что в приграничных районах большая часть населения выражает свои верноподданнические чувства шаху. Они охраняют его монументы, берут верх над

демонстрантами, поддерживающими Хомейни. В связи с этим можно полагать, что жители пограничных городов пользовались какими-то поблажками со стороны шахского правительства. К тому же в приграничных районах Хорасана мы видели большое число жандармов, задача которых заключалась в охране государственной границы.

К полудню мы достигли перевала Оленг высотой в 2080 м над уровнем моря и стали быстро спускаться в зеленую живописную Прикаспийскую низменность. Температура резко повысилась. Стали появляться субтропические растения и деревья. Такой резкий контраст природных условий через какие-то пятьсот километров просто поражает! Километров за 50 до Шахпасанда мы ехали уже по ущелью, заросшему огромными вековыми деревьями в основном лиственных пород. Судя по придорожным табло, дорога шла по государственному лесному заповеднику. На табло было написано, что ломать ветки деревьев и сорить в лесу строго запрещается.

Наступило время обеда и полуденной молитвы. Сотрудники экспедиции стали накрывать импровизированный стол. Иранские коллеги деловито определили направление расположения Мекки, помыли руки и ноги в ручье, расстелили молитвенные коврики и тут же рядом у автомобилей совершили молитву. Наше присутствие их ничуть не смущало. Намаз они исполняли старательно, отрешившись от всего окружающего, то возводя руки к небу, то припадая головой к земле.

После обеда мы продолжили дальнейший путь. Вскоре заметили, как в лесу большое число людей, вооруженных механическими пилами, торопливо, по-воровски проводили массовый повал леса. Огромные бревна они грузили на машины. Несомненно, проводился беззастенчивый грабег заповедника. Как выяснилось, охрана заповедника разбежалась и он остался без присмотра. Этим воспользовались те, для которых чувство наживы выше интересов революции.

Уже смеркалось, когда подъезжали к Шахпасанду. На въездном указателе название города перечеркнуто черной краской

и вместо «Шахпасанд» ниже выведено «Азадшахр». В Иране очень много городов, названия которых были связаны с именем шаха. После бегства шаха из страны началась кампания по замене названий таких городов. (Шахпасанд означает «взлелеянный шахом». Азадшахр — «город свободы».)

Проехали небольшой городок Фазельбад. При выезде из города увидели то, чего больше всего опасались всю дорогу — «палочников». У обочины дороги валялись два перевернутых легковых автомобиля. Одна арба с дровами лежала вверх колесами. «Палочники» ударами своих длинных обушков добивали стекла перевернутых автомобилей. Звуки ударов тонули в гвалте толпы. Ухудшившаяся видимость из-за темноты и увлеченность «палочников» своей «работой» способствовали тому, что наш автобус и «Волга» благополучно проскочили опасную зону сторонников шаха.

Полчаса спустя мы въехали в город Горган — конечный пункт Трансиранской железной дороги. Проезжая через центр города, увидели там сброшенные с постаментов монументы шаха. Это означало, что мы находимся среди сторонников Хомейни. Уже ночью прибыли в столицу провинции Мазандаран город Сари. Наши иранские коллеги предложили нам переночевать на дачах руководящего состава государственных железных дорог Ирана, находящихся на побережье моря в 30 км от Сари. Предложение было принято. За полчаса мы доехали по отличной дороге до дач, где провели остаток ночи.

30 января. Утром вышли из коттеджей, чтобы осмотреть близлежащий район курортной зоны побережья. Из разговоров с иранскими друзьями выяснилось, что летом на этих дачах отдыхают президент железных дорог, его заместители и некоторые начальники управлений. Дачи прекрасно оборудованы. В каждой комнате кондиционер, в кухнях холодильники, газовые плиты. В гостиных богатая мебель. Территория тщательно ухожена, кругом мандариновые деревья, с которых свисают ярко-оранжевые крупные плоды. Аккуратные газоны

пестрят всевозможными цветами. На берегу моря — кинотеатр, бильярдная, ресторан, эстрада, танцплощадка, зона детских аттракционов и игр. Песчаный пляж оборудован солнцезащитными грибками, душами, кабинами для переодевания. В небольшом искусственном заливе расположена лодочная станция.

Стоим на берегу моря, и не верится, что сегодня 30 января, зима. Хотя ветра нет, но на море довольно сильный прибой. Волны выбросили на пляж каким-то образом попавшего сюда мертвого тюленя. Побережье по характеру растительности очень напоминает наше черноморское, района Сочи — Сухуми. Только здесь на пляжах вместо крупной гальки лежит мелкий серый песок. По ровной линии берега, насколько охватывает глаз, тянутся самой разнообразной архитектуры белоснежные дворцы, виллы, дачи иранской знати. Кругом необычайная тишина и безлюдье. Это, пожалуй, единственное место, которое нам пришлось видеть до сих пор, куда революция еще не дошла.

В полдень выехали из Сари в Шахи, сравнительно крупный город. Заехали на железнодорожную станцию заправиться бензином. После заправки проехать через город на тегеранскую дорогу не смогли. Казалось, все население здесь вышло на улицу. Демонстранты возбуждены предстоящим возвращением Хомейни в Иран. Больше часа потребовалось, чтобы через окраины выбраться на тегеранское шоссе. Широкие асфальтированные дороги курортной зоны позволяли нам ехать с большой скоростью. Миновали Баболь, свободно проехав через его центр. Картина типичная: много сожженных зданий, на городской площади митинг, участники держат в руках портреты Хомейни, плакаты, осуждающие правительство Бахтияра. Через 30 км въезжаем в зеленый, чистый, красивый Амоль, который весь утопает в красочных лозунгах, плакатах, транспарантах. Ехали как на карнавале, ибо поперек аккуратных зеленых улиц вывешены сотни революционных призывов, исполненных на белой ткани голубыми или красными буквами. Всюду портреты Саттар Хана, Кучек Хана, Хомейни. Такой высокой культуры пропаганды и агитации мне не приходилось видеть даже в Тегеране.

После Амоля дорога резко поворачивает на юг и входит в Харазское ущелье. Вначале едем по петляющей дороге в густом смешанном лесу. Когда проехали замечательный детский национальный парк, дорога резко пошла в гору. Постепенно лес исчез и перед глазами возникла величественная картина горной системы Эльбурс, которая отделяет центральный Иран от побережья Каспийского моря. Стало холодно. Через несколько километров бурная река Хараз оказалась на дне огромного каньона, глубину которого трудно определить на глаз. Каньон кажется бездонной пропастью, откуда уже не слышно бешеного рева горной реки. Начались тоннели. Сначала короткие, потом очень затяжные. Когда въехали в последнее перед перевалом селение Белур, стало совсем темно. Вокруг лежали высокие сугробы. Мы вышли из машин, чтобы согреться и выпить чаю в придорожном кафе. На небе уже сияли звезды, а впереди отблески уходящего солнца окрашивали ярко-красным цветом остроконечный конус пятикилометровой горы Демавенд.

Медленно поднимаемся вверх по ледяной дороге. На высоте 1710 м преодолели перевал со стоящей на нем ярко освещенной электрическим светом мечетью и стали спускаться к курорту Абали, известному своей минеральной водой. В Абали нас встретила большая группа «палочников». К счастью, они оказались сторонниками революции и, узнав кто мы такие, — беспрепятственно пропустили. Глубокой ночью наша экспедиция прибыла в притихший Тегеран. Как всегда, мы разместились в гостинице «Нью-Надери».

31 января. Главная новость сегодняшнего дня — официальное сообщение правительства об открытии Мехрабадского аэропорта. Для встречи Хомейни со всех концов Ирана прибыло около 2 млн человек. Чтобы разместить приехавших, создан специальный комитет.

Личный состав иранской армии во всевозрастающей степени выражает поддержку Хомейни. Сержанты гарнизона ВВС Шахрохи близ Хамадана выразили солидарность с революцией

и дали слово не предпринимать никаких действий против народа. В Бехбехане несколько офицеров, авиатехников и сержантов участвовали в демонстрации вместе с населением города. В Керманшахе сотни военнослужащих ВВС — летчики, техники, воздушные стрелки, сержанты и солдаты собрались в одной мечети вместе с противниками шаха. Правда, они были в гражданской одежде, но показывали всем свои удостоверения личности.

В Тегеране десятки улиц, на которых вчера проходили бурные демонстрации, особенно район площади 24 эсфанда, улиц Эйзенхауэра и Шах Реза, сегодня приобрели необычный вид. На них начали возводить баррикады. Видны следы пожаров. Южная часть Тегерана окутана дымом. Как сообщила «Этте-лаат», из 139 кинотеатров Тегерана уже сожжено 127. Вчера представители «истинных мусульман» сожгли 20 магазинов, торговавших спиртными напитками, одно кабаре и пивзавод, принадлежащий принцессе Шамс. Думаю, если бы знали эти «истинные мусульмане», что тегеранские аптеки по дешевке продают чистый медицинский спирт, который с успехом употребляется пьющими, то сожгли, наверное, и аптеки.

Всюду на улицах валяются перевернутые автомобили. В районе железнодорожного вокзала неизвестными лицами подожжено много жилых домов. Впоследствии выяснилось, что поджигатели были связаны с правительством. По официальным данным, переданным по телевидению, вчера в Тегеране было убито 43, ранено 246 человек. Не затихают антиамериканские настроения. В Иране все еще проживает около 10 тысяч американских граждан. В Исфахане демонстранты избивали американского консула. В Тегеране неизвестные лица пытались совершить нападение на американского военного советника майора Дэвиса.

Сегодня имел поучительную встречу. По просьбе сотрудника экспедиции И.Я. Ильясова я сопровождал его на площадь Сепак («магнитофонную площадь»), чтобы он смог перед отъездом на родину приобрести прощальный сувенир. Я как всегда повесил на шею фотоаппарат и кинокамеру. Когда приблизились к площади, то заметили небольшую группу моло-

дежи. Ребята оживленно беседовали. Поскольку мы уже привыкли к тому, что советские специалисты воспринимаются, как правило, вполне благожелательно, бесцеремонно пробираемся через эту группу в магазин электроники. И вдруг один парень, показывая на нас пальцем, восклицает:

«Вот они, американцы!»

Я ему в ответ говорю по-персидски: «Нет! Мы не американцы, мы русские». Но по тому, как в их глазах засветились злые огоньки, соображаю, что мне не верят. Говорю Ильясову: «Может быть, показать им наши паспорта?» — «Не надо, — возражает он, — а то еще неизвестно, чем все это кончится». И мы быстренько стали спускаться вниз по ступеням в подземный переход, ведущий на другую сторону площади. После этого я хорошо усвоил, что при выходе в город не стоит увешивать себя съемочной аппаратурой, иначе тебя могут принять не за того, кто ты есть на самом деле.

Вечером телевидение передало сообщение о порядке прибытия Хомейни в Тегеран. Один из его приближенных, доктор Ибрагим Язди, сделал заявление для печати, согласно которому 1 февраля в 3 часа 30 мин. по тегеранскому времени самолет с аятоллой Хомейни и сопровождающими его лицами вылетит из Парижа в Тегеран. В 8:30 самолет приземлится в Мехрабадском аэропорту. Хомейни сопровождают 200 человек, из которых 50 иранцев и 150 иностранных корреспондентов. Состоялось заседание специальной комиссии по встрече Хомейни. Принято решение, что организация встречи возлагается на правительство, армию и народ. В аэропорту за порядком будут наблюдать военно-воздушные силы, военное губернаторство и штаб по встрече. Директор государственного радио и телевидения Масуд Барзин заявил, что уже выделены бригады телекорреспондентов, которые будут транслировать прибытие Хомейни в Тегеран. Барзин добавил, что на пути следования Хомейни устанавливается несколько телекамер.

Газета «Шехаб» сообщила, что аятолла Хомейни по приезде в Тегеран некоторое время будет проживать в одной ислам-

ской школе, в комнате размером 60 кв. м, лишенной каких-либо украшений и следов западной цивилизации. На полу расстелты три дорогих ковра. В комнате установят несколько телефонов. Через несколько дней после прибытия в Тегеран Хомейни отправится на постоянное жительство в Кум. В дневных теленовостях передано, что меджлис принял закон, согласно которому в случае суда над бывшими премьер-министрами и министрами к ним не может быть применена смертная казнь.

Вечером по телевидению выступил премьер-министр Бахтияр. Вот что он сказал:

«Страна переживает трудное и опасное время. Основная задача правительства — сохранить единство и целостность нашей страны, и для этой цели я не пожалею сил. В эти дни я прошу своих соотечественников с сознанием своего долга и ответственности выбрать свой путь, дабы не стать жертвой подстрекательской деятельности иностранцев, которые действуют большей частью скрытно и играют роль доброжелателей. Все революции мира, длившиеся сравнительно долго и утомлявшие народ, как правило, заканчивались диктатурой. Постараемся, чтобы это освободительное движение послужило на пользу народу нашей страны при уважении закона. В противном случае помимо опасностей, угрожающих нам, наше государство возвратится во мрачный период диктатуры, а может быть и феодализма.

Я как иранец и борец за правое дело, дело свободы, прошу всех вас внять моим предостережениям. Мое правительство и я останемся верными своим принципам. В любом случае мы гарантируем нашим гражданам личную и социальную свободы, свободу деятельности партий и политических группировок, свободу занятий и свободу использования плодов своего труда. Наша страна, где абсолютное большинство составляют мусульмане, имеет мусульманский характер. Она на основе национальной культуры и современной цивилизации создала свою соб-

ственную культуру. Конституция, которую нынешние противники считают отмененной, хотя до вчерашнего дня они усердно ее защищали, имеет две характерные особенности: первая — она тесно связана с истинной исламской религией, вторая — согласно ее нормам, эту конституцию в соответствии с общественно-политическими и экономическими условиями можно изменить. Эти моменты весьма важны. Они являются ответом тем, кто без предъявления какой-либо ясной политической программы много и беспредметно говорит.

В эти часы, когда аятолла Хомейни после длительного отсутствия возвращается в Иран, правительство приветствует его от имени всех мусульман страны.

И еще я хотел бы довести до сведения всех граждан следующее. Правительство уважает аятоллу Хомейни. Однако оно также будет строго выполнять свои законы и обязанности и будет решительно пресекать подстрекательства и бесчеловечные действия подозрительных элементов. Правительство не позволит, чтобы жизнь, имущество и достоинство граждан из-за личных, корыстных и коварных замыслов определенных лиц ставились бы под угрозу. Правительство не позволит, чтобы государственные вопросы решались кем-то еще, кроме самого центрального правительства. Правительство не может позволить, чтобы сотни тысяч неработающих и шлюющихся молодых людей ежедневно при подстрекательстве иностранцев устраивали бы беспорядки в школах и университетах.

Я твердо предупреждаю всех моих дорогих соотечественников, что с этого часа каждая капля крови, пролитая в стране, с учетом имеющейся свободы и мирных намерений правительства, ляжет тяжелой ответственностью на тех лиц, кто, плетя заговор, заставляет силы безопасности применять соответствующие меры. В условиях существующих свобод сейчас нет причин для стол-

кновений. Этот дух миролюбия и человечности не должен истолковываться превратно. Законное правительство должно соблюдать законы. И будьте уверены, что правительство выполнит возложенную на него миссию! Поэтому прошу всех гуманных и честных людей отныне соблюдать спокойствие, чтобы правительство смогло выполнить свое обязательство — отменить военное положение. Это от вас зависит, чтобы я вернул солдат в казармы и в спокойных условиях при всеобщем содействии появились предпосылки для создания нового, прогрессивного Ирана».

Когда я слушал Бахтияра, то мне невольно казалось, что будто нечто подобное я уже где-то слышал, что Бахтияр кого-то мне напоминает. Конечно же, подобное этому говорил Керенский в июньские дни 1917 года! Это естественно, поскольку двоевластие часто порождает сходную деятельность лидеров даже разных эпох.

1 февраля. С утра Тегеран опустел. Еще ночью тысячи людей отправились на кладбище Бехеште Захра. Там сегодня в 17 секторе состоится встреча Хомейни с народом. Все члены нашей экспедиции и иностранцы, главным образом американцы, заняли места у телевизора в вестибюле гостиницы.

В 9:00 на экране телевизора в обрамлении ярких цветов появилась надпись: «Да здравствует весна свободы Ирана!» Начиная передачу, диктор выразил надежду, что с приездом аятоллы Хомейни в стране установятся спокойствие и порядок.

В 9:25 передвижные телекамеры показали панораму Мехрабадского аэропорта, украшенного лозунгами, приветствующими прибытие Хомейни на родину.

Самолет «Боинг-747» французской авиакомпании «Эр Франс» совершил посадку в 9:30. В аэропорту приняты строгие меры безопасности. Среди встречающих доктор Керим Санджаби, руководители национальных групп и партий, представители духовенства, главы различных конфессий Ирана. Боль-

шая группа кино- и фотокорреспондентов Ирана и корреспондентов других стран подготовились к съемкам.

В 9:40 из самолета первым вышел Дарьюн Форухар, который сразу же подошел к Кериму Санджаби. Затем по трапу стал спускаться Хомейни. В этот момент все присутствовавшие бросились ему навстречу. Корреспонденты, толкая друг друга, ринулись к трапу самолета, чтобы выбрать выгодную точку для съемки. Агенты сил безопасности окружили Хомейни плотным кольцом и, не церемонясь, буквально втолкнули Хомейни в автомобиль. Когда автомобиль с Хомейни приблизился к зданию аэропорта, телепередача внезапно оборвалась. Диктор растерянно объявил, что по техническим причинам передача прекращается и встреча Хомейни будет вечером передана в записи. После этого на экране, ко всеобщему удивлению, крупным планом появился портрет Мохаммеда Реза Пехлеви и был исполнен шахский гимн.

Во второй половине дня вечерние газеты дали объяснение инциденту при трансляции встречи Хомейни. Как выяснилось, приказ о прекращении показа прибытия Хомейни дали военные, которые уже несколько месяцев тому назад заняли здание телецентра. Военные силой выгнали телеоператоров из студии и прервали передачу. Сам Бахтияр опубликовал заявление, в котором говорилось, что он не давал распоряжения о прекращении телепередачи.

Видимо, не без вмешательства Бахтияра вечером в 20:30 по телевидению показали всю церемонию отлета Хомейни из Парижа, прибытие его в Тегеран и 33-километровый путь от аэропорта до кладбища Бехеште Захра.

Хомейни вылетел из Парижа в 11:30 по средневропейскому времени. Самолет взял дополнительное горючее на случай, если Мехрабадский аэропорт отказался бы принять самолет. По прибытии в Тегеран, когда Хомейни от автомобиля прошел в новый гостевой салон Мехрабадского аэропорта, один из студентов обратился к нему с приветственной речью. Затем выступил Хомейни, который сказал:

«Я благодарю весь народ и очень сожалею, что не могу по достоинству воздать ему должное. Я благодарю духовенство, отдавшее много сил в этой тяжелой борьбе, студентов, которые перенесли много бедствий, торговцев, которые тоже были участниками борьбы, молодежь, учащиеся школ, отдавших много крови, профессоров университетов, всех служащих, рабочих, крестьян, все население страны. Ваши усилия были огромны и благодаря единству вы добились победы. Но это первый шаг в вашей победе. Свергнут предатель номер один, именуемый Мохаммедом Резой Пехлеви. Династия Пехлеви в течение 50 лет, а сам Мохаммед Реза Пехлеви в течение 30 лет, совершая преступления, привели страну на грань катастрофы, грабили народ, разваливали сельское хозяйство, подчиняли армию иностранным советникам. И наша окончательная победа наступит тогда, когда мы изгоним из страны иностранцев и выкорчем корни монархического режима. Сейчас иностранцы стремятся вернуть в страну бывшего шаха или заменить его режим угодным для них режимом. Пусть они знают, что этому не бывать. Напрасны их усилия!»

Затем Хомейни сел в автомобиль, охраняемый пятью телохранителями. В 11:15 автомобиль достиг площади Шахъяд и выехал на улицу Эйзенхауэра. В 11:40 Хомейни прибыл к Тегеранскому университету. Вопреки ранее принятому решению, Хомейни пришлось отказаться от выступления около университета. Трудно описать восторг, с каким жители Тегерана и гости столицы встретили своего кумира. Тем временем население Тегерана и приехавшие из провинций собрались на кладбище Бехеште Захра. К 10 часам там было уже около миллиона человек. Шли целыми семьями, молодые мужчины, женщины, дети, старики, старухи, матери с грудными младенцами. Садись прямо на землю и на могильные плиты. В секторе №17, где похоронены недавно погибшие революционеры, установлена трибуна. Около трибуны разместились сотни фоторепортеров и кинооператоров.

Только после полудня Хомейни с большим трудом смог из города попасть на кладбище к ожидавшим его сторонникам. Для безопасности ему предоставили вертолет, приземлившийся прямо на территории Бехеште Захра. Его приветствовали сотни тысяч людей. Хомейни произнес речь, которую я слово в слово записал на магнитофон.

«У нас много горя, хотя много и побед. Горе у матерей, потерявших молодых сыновей, горе у отцов, потерявших детей, горе у детей, потерявших отцов. Когда я смотрю на тех, кто потерял своих детей, мне становится тяжело от того, что я не могу их утешить. Я благодарю народ за принесенные им жертвы, я выражаю глубокое соболезнование матерям, потерявшим своих детей, и разделяю их горе. Я соболезную отцам, потерявшим своих сыновей, сыновьям, потерявшим своих отцов.

С самого начала существования шахский режим Пехлеви был противозаконным. Люди моего поколения видели сами, что меджлис был привнесен на штыках. Народ никогда не принимал участия в его работе. Народ силой заставляли голосовать за монархию Реза-шаха. Эта монархия с самого начала ее существования была нелепым делом, противоречащим законам и правам человека. Представьте себе, весь народ все время голосовал, чтобы один человек постоянно был монархом!

Судьба каждого народа должна решаться самим народом. Поскольку монархия Реза-шаха была противозаконной, то и режим Мохаммеда Реза Пехлеви также стал незаконным. Разве имеют право наши отцы или люди, жившие до нас за сто лет, определять нашу судьбу?! За все время существования конституционной монархии народ никогда не играл решающей роли в выборах депутатов парламента. И сейчас, вы сами знаете, в нынешнем парламенте такое же положение. Я вас спрашиваю, вы знали что-либо о депутатах, выбранных в парламент? Нет! Они были просто назначены без уча-

ствия народа. Поэтому парламент также является незаконным. Те, кто сидят в меджлисе и сенате и получают жалование как депутаты народа, не имеют права представлять народ!

Что касается правительства, то оно, назначенное незаконным монархом и утвержденное тем же парламентом, считается незаконным. Мы говорим: парламент и правительство — незаконны. А человек, который назначен незаконным парламентом и шахом, разве может считаться законным? Мы говорим этому человеку: вы являетесь незаконно назначенным и вы должны уйти. Почему правительство, ранее даже само признававшее, что не имеет законной силы, сейчас говорит о своей законности?

Этот порочный предатель Мохаммед Реза Пехлеви бежал, разрушив наше государство. Вся наша экономика находится в плачевном состоянии. Если мы захотим восстановить наше государство и довести его до должного уровня, то потребуются усилия всего народа в течение многих лет. Этот монарх провел реформу таким образом, что сельское хозяйство оказалось разваленным, и сейчас все необходимые сельскохозяйственные продукты завозятся из-за границы. Мохаммед Реза сделал это для того, чтобы мы вынужденно обратились к Америке или Израилю. Такие действия нанесли огромный ущерб Ирану. Этот ущерб мы не сможем возместить даже через 20 лет.

Наша культура значительно отстала. Наша молодежь не может даже получить хорошее образование в своей стране и вынуждена ехать для учебы за границу. У нас не могли за 50 лет довести университет до необходимого высокого уровня. Зато построили много притонов разврата. Наше телевидение — центр разврата. Радио, кино и другие учреждения, на открытие которых было дано разрешение, тоже развращают нравы. В Тегеране магазинов спиртных напитков больше, чем библиотек. Мы не против кино, телевидения и радио. Мы против раз-

врата и музыки, которая находится на службе иностранцев и которая возвращает нашу молодежь.

Вся наша нефть шла в Америку и другие страны. Взамен нам давали оружие и строили базы. Так, хитростью Америка забирала нашу нефть. Американцы давали нам такое оружие, которое наша армия не могла использовать, и поэтому у нас должно было быть много военных советников. Если бы такое положение еще продолжалось несколько лет, то наш народ полностью бы стал банкротом.

Наша молодежь пролила кровь в этой священной борьбе за свободу. 50 лет нас душили, у нас не было свободы печати, не было независимого радио и телевидения, свободного духовенства. Незаконные шах, правительство и парламент должны быть судимы. Я назначаю правительство и заткну глотку нынешнему незаконному правительству (до этого момента на кладбище царило гробовое молчание, но после этой фразы раздались мощные, продолжительные аплодисменты). Этого господина (Бахтияра. — *Прим. автора*) отвергают даже его друзья и армия, зато поддерживают Америка и Англия. Он говорит, что в одном государстве не могут существовать два правительства. Мы тоже говорим, что так нельзя! Но в таком случае незаконное правительство должно уйти. Этот человек должен или сидеть смиренно или по приказу Америки начать массовое убийство нашего народа.

До сих пор, пока мы живы, не допустим, чтобы Мохаммед Реза возвратился в страну. Народ, будь бдителен! Уже строятся планы, создан штаб для того, чтобы вернуть шаха и привязать нас к американской колеснице. Мы всячески будем бороться за продолжение нашего движения, чтобы свалить врагов и в условиях свободы создать правительство и меджлис.

Я должен дать один совет армии — поступайте так, как хочет народ, идите в объятия народа! Армия не

должна подчиняться приказам иностранных советников. Мы говорим об этом ради вас самих. Разве вы хотите, чтобы из-за вас лилась кровь нашей молодежи? Мы благодарим тех военнослужащих, которые присоединились к народу. Они сохранили свою честь и честь народа. Я говорю об офицерах, авиатехниках, воздушных стрелках из Исфахана, Хамадана и других гарнизонов, которые выполнили свой религиозный и национальный долг — присоединились к народу. А тому, кто еще к нам не присоединился, мы говорим: присоединяйтесь к нам! Для вас ислам лучше, чем безбожие, народ лучше, чем иностранцы. Становитесь на этот путь! Не думайте, что мы вас повесим. Это готовят вам другие, те, кто ушел в отставку. Мы не дадим вас в обиду, защитим. Мы хотим, чтобы в стране был порядок, исходящий от народа, порядок, который был бы на службе народа, а не такой порядок, который диктовали бы другие».

По окончании речи Хомейни один из членов семьи погибшего при расстреле демонстраций подошел к микрофону и сказал:

«По воле нашего вождя, вождя революции, мы осуждаем правительство Бахтияра, всех его внутренних и иностранных защитников, заступников, приспешников. До окончательной победы революции будем продолжать свою борьбу. Военнослужащих, которые будут помогать революции, революционному народу, примем в свои объятия. Мы будем поддерживать всех военнослужащих ВВС, офицеров, сержантов, солдат, а также нефтяников и все слои населения, которые борются на стороне народа».

После этого Хомейни на вертолете покинул кладбище.

2 ФЕВРАЛЯ. Сегодня пятница. День отдыха. Утренние газеты публикуют приказ военного губернатора Тегерана о том, что по случаю прибытия в страну аятоллы Хомейни в городе разрешаются шествия и демонстрации в течение трех дней. В иран-

скую печать просочились сведения, почерпнутые из иностранных телеграфных агентств, согласно которым имеется магнитофонная запись разговора шаха с начальником штаба Верховного главнокомандующего. Эта беседа состоялась якобы незадолго до отъезда шаха из страны, где он говорит следующее: «Если создадите климат враждебности и ненависти между армией и народом, будете приказывать солдатам, не стесняясь, открывать огонь и убивать людей, то вы сможете натравить эти две мощные силы друг на друга. Возникшая таким путем долгая гражданская война даст нам достаточно времени, чтобы организовать контрмеры, а возможно, создать правительство, которое внешне будет в некоторой степени приемлемо для народа. Таким образом мы постепенно сконцентрируем свои силы. Я считаю, что народу не должно быть предоставлено много свободы».

Эту запись сделал будто бы верный Хомейни армейский генерал. Аутентичность голоса, записанного на пленку, с голосом шаха подтверждена некоторыми компетентными специалистами.

3 ФЕВРАЛЯ. Дневная газета «Эттелаат» сообщила, что сегодня с 8 до 10 часов утра в резиденции Хомейни состоялось важное заседание его единомышленников. После заседания никакого коммюнике не опубликовали.

По требованию населения продолжается переименование городов, связанных с именем шаха. Многим из них возвращаются прежние названия. Пехлеви переименован в Энзели, Керманшах — в Кахреманшахр, Шахруд — в Имамшахр, Шахпанд — в Азадшахр, Шахи — в Каемшахр, Резайе — в Урмия, Хомаюншахр — в Хомейнишахр, Бендер-Шахпур — в Бендер-Хомейни, Арьяшахр — в Фулядшахр.

Министерство информации и туризма сообщило, что все газеты и журналы, выходившие в Иране до июля 1955 г., а затем запрещенные, могут снова издаваться.

За последние дни заметно ускорился выезд из Ирана иностранных специалистов и их семей. Многие авиакомпании

организуют чартерные целевые рейсы. Утром большая группа членов семей американских советников улетала чартерным рейсом во Франкфурт. После завтрака они ожидали автобус и все были в приподнятом настроении. Со многими из них мы были знакомы, поскольку питались в одном ресторане и каждый день вместе сидели у телевизора. «До свидания, друзья, — радостно говорили они нам за завтраком, — сегодня в 12 часов улетаем из Тегерана. Это наш последний завтрак». — «До свидания. Счастливого пути», — отвечали мы.

Приходим на обед и видим: наши друзья сидят в ресторане понурые, подавленные. Спрашиваем, что случилось. Наша знакомая ответила, что рейс отменили из-за нелетной погоды. На следующий день погода улучшилась, и они улетели.

Американцы — самые уязвимые среди постояльцев гостиницы. Вокруг них создалась атмосфера вражды и нетерпимости. Поэтому они стремились как можно скорее покинуть Иран.

4 ФЕВРАЛЯ. После заседания 3 февраля Хомейни и его единомышленников Бахтияр сделал заявление корреспондентам иранских газет, в котором подчеркнул, что пока Хомейни предпринимает мирные шаги для выхода из кризиса, премьер целиком поддерживает его усилия. Далее Бахтияр добавил, что он хочет и ищет контактов с представителями Хомейни. Если же произойдут кровавые столкновения, то он лично не будет нести за это никакой ответственности. В случае, если Хомейни назначит от себя кого-либо премьер-министром и при этом не будет беспорядков, то он возражать не станет. В прогрессивных демократических странах тоже назначают своих теневого премьер-министров. Однако если этот назначенный премьер задумает создать беспорядки вопреки существующим в стране законам, то он его арестует, сказал Бахтияр, добавив, что так поступить ему позволяет закон.

На вопрос корреспондентов о возможном назначении Базаргана на пост премьер-министра Бахтияр ответил, что насколько ему известно, Базарган по характеру человек, всегда

ищущий взаимопонимания. Бахтияр далее утверждал, что он хорошо знает руководителя Национального фронта, который больше склонен решать все вопросы в спокойной обстановке, из чего следует: все трудности будут решаться путем переговоров и события не примут опасного оборота.

В тот же день Бахтияр встречался с корреспондентом газеты «Монд», в ходе беседы премьер заявил, что он готов к переговорам, но если Хомейни потребует его отставки, то он даст ему отрицательный ответ. Бахтияр далее добавил, что если кто-либо попытается развязать гражданскую войну в стране, то он как премьер-министр даст распоряжение об аресте этого человека и в случае необходимости расстреляет его. Затем Бахтияр подчеркнул, что такая судьба ждет каждого, кто будет вести пропаганду гражданской войны и вооружения народа. Далее премьер отметил, что если духовные лица хотят проводить демонстрации, они могут их проводить каждый день — им ничто не угрожает, так как он дал приказ не открывать огня. Но если демонстранты применяют бутылки с горючей смесью и оружие, то в них будут стрелять, и вся ответственность ляжет на Хомейни. Говоря о намерении Хомейни создать исламское правительство, Бахтияр сказал, что если создадут исламское правительство в Куме, то он сам предоставит им полную свободу, и в таком случае у нас будет свой маленький Ватикан. Тем не менее он никогда не позволит создать еще одно реальное правительство.

Согласно сообщению из Вашингтона, иранское правительство из-за отсутствия доходов от нефти приняло решение аннулировать военные контракты с США на сумму 10 млрд долл. На эти деньги предусматривалось закупить 160 истребителей Ф-16 у компании «Дженерал Дайнамикс» (на сумму 3,5 млрд долл.), 8 десантных самолетов у компании «Боинг» (1,4 млрд долл.), 20 истребителей-разведчиков у компании «Макдональд» (500 млн долл.) и 400 ракет (на 1 млрд долл.). «Кейхан» сообщает, что вчера на бехбеханской базе ВВС сержанты-авиамеханики проехали по улицам города с портретами Хомейни. Население осы-

пало их цветами и угощало сладостями. В ответ на это сержанты кричали: «Мы сержанты военно-воздушных сил Хомейни!»

Сегодня Бахтияр встретился со 153 депутатами меджлиса. Он, в частности, сказал, что у правительства имеются документы, согласно которым у коммунистических элементов Ирана сосредоточено большое количество оружия. Он добавил, что правительство ведет тщательное наблюдение за определенными лицами. Органам безопасности отдан приказ при первых признаках мятежа немедленно их арестовать или уничтожить. Депутаты меджлиса заверили премьера, что не покинут своих депутатских мест и до конца выполнят свой долг. Бахтияр подчеркнул, что любые изменения конституции должны проходить только через парламент.

А тем временем 40 депутатов меджлиса скрылись в неизвестном направлении. В Тегеране их нет. Другие депутаты просят выдать им пистолеты для личной охраны. Ими овладели панические настроения, особенно после того, как революционеры подожгли дома некоторых депутатов. Еще хуже складываются дела у самого Бахтияра, так как сотрудники аппарата премьер-министра объявили забастовку на неопределенное время. В принятой ими резолюции говорится, что они бастуют в знак поддержки героической кровопролитной борьбы иранского народа против нынешнего незаконного правительства.

Во второй половине дня наш визит в министерство дорог и перевозок не состоялся. Нам просто было невозможно пройти в здание министерства, так как его служащие устроили митинг. Выступавшие энергично осуждали действия правительства Бахтияра за расстрел сотен невинных людей и требовали предать суду виновных. «Эттелаат» сообщает, что сегодня в Тегеране состоялось многочисленное собрание, посвященное 39-й годовщине гибели основателя марксистских организаций в Иране доктора Эрани⁹. Вначале участники собрания хором исполнили

⁹ Эрани Таги — один из руководителей Иранской компартии. В 1937 г. был брошен в тюрьму, где в 1940 г. был умерщвлен.

несколько революционных песен, затем представитель интеллигенции Мохаммед Пажух выступил с речью, в которой критиковал иранскую конституцию, не отвечающую требованиям сегодняшнего молодого поколения иранцев. В заключение Пажух призвал друзей доктора Эрани отбросить партийные и идеологические разногласия и единым фронтом выступить за создание народного правительства и исламской демократической республики, расставшись с «детским левачеством». Пажух призвал всех присутствующих быть верными аятолле Хомейни.

Один из присутствующих, подойдя к микрофону, произнес речь, в которой рассказал о революционной борьбе Эрани, его честной жизни истинного марксиста. Когда же он стал критиковать Народную партию, в зале послышались возгласы протеста. Последующие ораторы говорили о необходимости единства, призывали всех марксистов сомкнуть ряды, оставить свои идеологические распри и объединить свои усилия ради общей цели. Доктор Ахмед Касеми подробно рассказал о мужественной борьбе погибшего и его убеждениях. Помещение, где проходило собрание, было украшено портретами доктора Эрани. На стене висел лозунг с его известным изречением на суде во время защиты: «Тот закон является священным, который защищает интересы народа!» В конце собрания отдельные лица пытались лозунг сорвать, но им этого не позволили. В Тегеранском университете также состоялся многотысячный митинг, посвященный памяти Эрани.

Все газеты, главным образом вечерние, публикуют содержание пресс-конференции Хомейни, которую он провел после утреннего совещания 3 февраля. На пресс-конференции с правой стороны от Хомейни сидел Садек Готб-заде, с левой — доктор Ибрагим Язди. В кратком заявлении Хомейни отметил, что не признает ни меджлис, ни правительство. Правительство должно уйти. Будет назначен Революционный совет и временное правительство, которому будет поручено подготовить референдум по новой конституции. Если народ пожелает, то будет установлена республика с республиканскими законами.

Далее Хомейни задали вопросы.

Вопрос: Назначены ли члены Революционного совета?

Ответ: Да, назначены.

Вопрос: Правда ли, что Бахтияр хотел с Вами встретиться?

Ответ: Я с ним встречаться не хочу. Если он подаст в отставку, я встречу.

Вопрос: В каком случае Вы можете объявить священную войну?

Ответ: Тогда, когда уже нельзя будет найти мирного пути. Я должен предупредить, чтобы правительство-узурпатор не пыталось что-либо предпринять. В противном случае мы будем вынуждены призвать народ к священной войне.

Вопрос: Если Бахтияр не уйдет, и таким образом не будет найдено политического решения, то в этом случае объявите ли Вы священную войну?

Ответ: Мы по возможности будем стремиться к мирному решению всех вопросов. Если же Бахтияр при поддержке Англии и Америки пойдет вразрез желаниям народа и даже армии, то в таком случае будут ясны его конечные цели.

Вопрос: Имели ли Вы до настоящего времени контакты с командованием армии?

Ответ: Контакты были. Если понадобится, то встретимся еще. Мы делаем это ради интересов командования и интересов народа. Надеемся, что командование армии нас поймет. Народ и армия — едины. Мы хотим от армии, чтобы она скорее присоединилась к нам. Мы хотим, чтобы армия была независимой и вышла из подчинения иностранцам, стала свободной. Армия должна размежеваться с правительством-узурпатором.

Вопрос: Как будет решаться проблема религиозных меньшинств в исламской республике?

Ответ: Все мы — иранский народ. Все мы братья. Все, что мы хотим для себя, то же хотим и для религиозных

меньшинств. Мы уважаем религиозные меньшинства. Мы сожалеем, что бывший шах плохо обращался с религиозными меньшинствами. Мы же будем обращаться с ними хорошо.

Вопрос: Какова будет Ваша политика в отношении иностранцев?

Ответ: Все иностранцы в Иране живут свободно. Так будет и впредь, если они не будут наносить вреда нашему государству.

Вопрос: Вы упомянули о священной войне. А имеете ли Вы для этого оружие?

Ответ: Если потребуется, то сможем найти.

В заключение пресс-конференции Хомейни попросили направить обращение к народу Курдистана. Хомейни на это ответил: «Все мы едины. Курдистан — это мы, Азербайджан — это мы, Белуджистан — это мы. Все мы братья. И мы всех их просим, чтобы в этот ответственный момент они были едины, все объединились. Да поможет им Бог».

Такое заявление Хомейни сделал, видимо, не случайно. Вчерашние газеты поместили заявление Демократической партии Курдистана¹⁰, в котором говорилось:

«После полувековой монархической диктатуры, с которой Демократическая партия Курдистана боролась 33 года, после 22 лет убийств и издевательств САВАК, а также происков ЦРУ у курдского народа появилась возможность сказать свое слово.

В этот ответственный момент коренных изменений иранского общества Демократическая партия Курдистана призывает народ к бдительности и национальному единству.

¹⁰ Демократическая партия Иранского Курдистана была создана в сентябре 1945 г. Ее лидером стал курдский общественно-политический деятель Гази Мохаммед. Партия возглавила в Иранском Курдистане автономное демократическое правительство, созданное в том же 1945 г. В декабре 1946 г. иранское правительство жестоко подавило национально-освободительное движение курдов и запретило эту партию. Партия ушла в глубокое подполье.

Наша партия призывает укреплять связи с прогрессивными партиями и группировками при соблюдении особых национальных интересов. Мы должны укреплять связи также и с господствующей законной властью, исходя из революционной воли народа Ирана для разъяснения программы будущей политики партии, за достижение автономии курдского народа в существующих границах Ирана. На этом пути в противовес политике шахской власти надеемся, что новая власть примет гуманные предложения в целях сохранения национальной самобытности курдов и на этой основе признает их законные права на предоставление автономии Курдистана. Мы надеемся, что новая власть по указанным вопросам установит необходимые контакты с партией».

Следует сказать, что курдов в Иране насчитывается более 3 миллионов. Они проживают главным образом в горных районах вдоль ирано-турецкой и ирано-иракской границ. При шахском режиме курды были угнетенным национальным меньшинством. В государственных учреждениях курдский язык был запрещен. Школ на курдском языке не было. Неграмотность среди курдов достигала 90 процентов. Журналы и книги на курдском языке не издавались. Большая часть курдского населения исповедует ислам суннитского толка.

У курдов сложились традиции национально-освободительной борьбы, так как они неоднократно поднимали вооруженные восстания против гнета центрального правительства. В 1945 году они создали автономное правительство Иранского Курдистана, но в 1946 году иранское правительство с помощью своих войск подавило это движение.

5 ФЕВРАЛЯ. Средства массовой информации опубликовали сообщение штаба Верховного главнокомандующего иранской армии следующего содержания:

«За последнее время мы видим, что безответственные лица с целью подстрекательства личного состава шахин-

шахских вооруженных сил и ослабления их морального духа помещают на страницах своих газет провокационные материалы. Штаб Верховного главнокомандующего доводит до всеобщего сведения, что если кто-либо, независимо от занимаемой должности, своими действиями будет ослаблять боевой дух личного состава шахиншахских вооруженных сил или же наносить им оскорбление, то таковой будет преследоваться по закону, согласно инструкциям юридического управления армии.

Штаб Верховного главнокомандующего».

В газете «Эттелаат» помещен следующий приказ военного губернатора Тегерана генерала Рахими.

«ПРИКАЗ №28 военного губернатора Тегерана и окрестностей

Принимая во внимание, что доктор Али Аскар Хадж Сеид Джавади поместил в газете «Эттелаат» от 15 бахмана 1337 года (4 февраля 1979 года) подстрекательскую, лживую и унижающую достоинство шахиншахской армии статью, то согласно §5 закона о военном положении он арестован. Дано указание завести на него дело и передать это дело на рассмотрение компетентным органам.

Военный губернатор Тегерана и окрестностей
корпусный генерал Мехди Рахими».

Чтобы читателю стала ясна причина гнева высших военных должностных лиц, ниже привожу часть содержания вышеупомянутой статьи.

Статья называлась «Что защищает армия?» Ниже было предисловие от автора: «Мне недавно вручили анонимное письмо, в котором говорится, что за мою подстрекательскую деятельность меня продырявят из пулемета. Это мой ответ анонимному пулемету». Далее шел текст:

«Генералы иранской армии на протяжении 25 лет по приказу шаха непосредственно принимали участие во всех

преступлениях против народа своей страны: убийствах, грабежах, пытках. Иранские генералы стали послушным орудием захватнической политики Израиля и Америки на Ближнем Востоке. Иранские генералы за последние месяцы стали принимать непосредственное участие в массовых убийствах иранского народа. Они и сейчас всячески стремятся во что бы то ни стало сохранить монархический режим угнетения. Генералы иранской армии слепо повинуются приказам шаха в целях сохранения сионизма, американского империализма и международных монополий. Выполняя указания шаха, они получают право пользоваться незаконными привилегиями и иметь огромные оклады. Все блага их жизни происходят за счет эксплуатации неимущего иранского народа.

Режим угнетения сейчас пытается противопоставить всю армию иранскому народу, его великой революции и вбить клин между армией и народом. Однако уже всему миру так же ясно, как это ясно и нашим братьям в армии, что монархический режим не имеет поддержки у широких народных масс. Наши братья в армии хорошо знают, что народ Ирана за все время существования династии Пехлеви ни на один день, ни на один час не считал ее законной. А сегодня все реакционные силы мира во главе с мировым сионизмом и его передовым отрядом в лице киссинджеров, рокфеллеров, фордов, джонсонов выступили на защиту шаха ради подавления великой революции иранского народа...»

Далее автор статьи подробно описывает жандармские функции иранской армии и аргументированно доказывает, что эта армия защищает не иранский народ и его государство, а продажный шахский режим и служит интересам его иностранных покровителей.

Шапур Бахтияр, пользуясь полным контролем над радио и телевидением, начал активное нападение на Хомейни. Вечером по радио Бахтияр сделал следующее заявление:

«Исламская республика для меня во всех отношениях понятие неведомое. Я до сих пор не читал книг об этом и ничего подобного не видел. Я со всей определенностью заявляю, что не хочу в нашей стране такого режима как шахская диктатура, или что-то вроде нее или такого правления, как в Ливии или Пакистане. Как мусульманин я еще не слышал, чтобы мусульмане вели священную войну против мусульман. Поэтому странно слышать, когда иранец, высокопоставленное духовное лицо, призывает к братоубийству или угрозе братоубийственной войной. Мы стремимся к тому, чтобы не было пролито ни капли крови. Но если будет совершено вооруженное нападение, мы на выстрел ответим выстрелом».

В полдень добровольцы-агитаторы в городе разбрасывали листовки. Одну из них на улице Черчилля я подобрал. Содержание ее следующее:

«Сообщение Великого вождя ислама аятоллы Хомейни господину инженеру Базаргану о создании временного правительства.

15 бахмана 1337 года (4 февраля 1979 года)

Уважаемый господин инженер Мехди Базарган!

В соответствии с предложением Революционного совета, на основании шариатского права и законности, исходящих от воли подавляющего большинства народа Ирана, выраженной в ходе массовых митингов и многотысячных демонстраций по всей стране, а также учитывая Вашу преданность исламу и заслуги в борьбе за дело ислама, я поручаю Вам, без учета Вашей принадлежности к какой-либо партии или группировке, сформировать временное правительство.

Необходимо, чтобы члены временного правительства были назначены как можно скорее в соответствии с определенными мною условиями. Государственные служащие, армия и народ будут оказывать полное содействие временному правительству, соблюдать дисциплину и порядок для достижения священных целей революции.

Да поможет Бог Вам и Вашему временному правительству в этот важный исторический момент.

Рухолла Мусави Хомейни».

Читатель может спросить, кто же такой Базарган?

Он родился в 1905 году в Тегеране, в семье богатого торговца коврами и фруктами. В 30-х годах изучал машиностроение в Париже. Возвратившись в Иран в 1936 году, стал деканом и преподавателем Тегеранского университета. В начале 50-х годов Базарган занимал видное место в оппозиции. После прихода к власти доктора Мосаддыка назначается директором-распорядителем Иранской нефтяной компании. После организованного в 1953 году с помощью США государственного переворота Базарган подвергался преследованиям. В 1957 году он возвратился в Тегеранский университет и принял активное участие в политической борьбе. В 1961 году основал общество Движение за свободу Ирана, которое в 1962 году примкнуло к Национальному фронту. Базарган неоднократно сидел в тюрьме за политическую деятельность. В 1964 году осужден к 10 годам тюремного заключения. В 1967 году освобожден по амнистии и отошел от активной политической деятельности, став генеральным директором частной промышленной фирмы.

Базарган — признанный авторитет в области мусульманской религии. Им написано много книг и статей, в которых он пытается доказать, что традиционный ислам может сочетаться с современными формами государственного правления. Он считает, что любая диктатура сдерживает развитие мусульманских стран. Коран же при правильном его применении является той основой, которая обеспечивает социальную справедливость. Эти его политические взгляды нашли отражение в книге «Суд над деспотизмом», которую он написал, находясь в тюрьме.

Так официально с 5 февраля 1979 года в Иране начался период двоевластия.

Глава 5

ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ И ПОБЕДА РЕВОЛЮЦИИ

*Двоевластие. Всенародная поддержка правительства Базаргана.
Столкновение в Фаррахабате. Армия отступает. Победа революции.
Какой должна быть армия? Хомейни излагает свою позицию.*

6 ФЕВРАЛЯ. Ясный солнечный день. Тепло. Стоим во дворе экономического представительства нашего посольства, обсуждаем с сотрудниками Техностройэкспорта непростую обстановку, сложившуюся в стране. Вдруг в небе послышался мощный шум реактивных двигателей. Поднимаем вверх головы и видим как над городом стремительно пронеслись истребители «Фантом» иранских ВВС, перекрывая все пространство над столицей. Затем появилось много военных вертолетов. Летят низко, строем по шесть машин. А со стороны Мехрабадского аэропорта, где расположена база ВВС, появляются около сотни военных самолетов самых различных типов. Таким образом, если взять по высоте, то, как выражаются авиаторы, вся военная авиация заняла три эшелона: на малой высоте летят вертолеты, выше — разного типа военные самолеты и над ними барражируют «Фантомы». Эта демонстрация военной мощи продолжалась около часа.

Трудно предполагать, произвела ли эта акция правительства Бахтияра впечатление на революционеров? Но вполне определенно можно сказать, что мощь шахиншахской авиа-

ции вдохновила монархистов. Уже после полудня на стадионе «Амджадие» и на улицах в северной части Тегерана состоялись демонстрации и митинги сторонников конституции, другими словами, сторонников шаха. Однако революционеры активно нападали на этих людей, выхватывали портреты шаха, уничтожали лозунги в защиту прежнего режима. В завязавшихся драках были раненые.

Сегодня «Кейхан» поместила содержание пресс-конференции генерального секретаря Народной партии Ирана Нуреддина Киянури, которую он провел с иностранными журналистами.

Вопрос: Ваша партия с 1949 года находится в подполье. Смогла ли она за это время сохранить свои ряды?

Ответ: Вопреки огромным трудностям, и особенно проискам САВАК в отношении партии в 1970 году, наши связи с членами партии никогда не прерывались, хотя некоторые из них более 26 лет томятся в тюрьмах.

Вопрос: Откуда Вы получаете поддержку?

Ответ: Численность рабочего класса в Иране составляет около 3 млн. человек, и рабочие обладают высоким политическим сознанием. Партия имеет славные традиции. У ее членов большой опыт, приобретенный в тюрьмах. Сейчас в работу партии включилось новое пополнение. Даже официальные власти и сам шах не раз признавали, что рабочие и служащие-нефтяники выполняют только инструкции Народной партии. Мы также пользуемся сочувствием со стороны интеллигенции и буржуазии.

Вопрос: Имеются ли среди демонстрантов, выкрикивающих лозунги в пользу Хомейни, члены Народной партии?

Ответ: Хомейни 20 лет борется с шахом и силами империализма. Мы поддерживаем его борьбу, так же как и создание исламской республики, свержение шаха, создание новой конституции, которая приведет к формированию национального правительства. Все это окончательно уничтожит господство империализма.

Вопрос: Вас как марксиста не тревожит, что Вы марксист, а Хомейни убежденный высокопоставленный духовник?

Ответ: Шиитское население всегда отличалось демократизмом и имело связи с народными, антиимпериалистическими силами. Когда Хомейни начал свою борьбу под радикальными лозунгами против шаха, то Народная партия поддержала его. Мы будем стараться найти с ним общий язык.

Вопрос: Как долго Вы можете сотрудничать с Хомейни?

Ответ: Очень долго. Я не думаю, что существует огромная разница между научным социализмом и общественным содержанием ислама. Там есть много общего.

Вопрос: Сотрудничаете ли Вы с Национальным фронтом?

Ответ: Мы будем сотрудничать с любой партией, которая имеет общее с нашей программой. В нашей программе есть такие пункты, как «покончить с американским империализмом, прекратить покупку оружия, созвать народный меджлис». Мы будем сотрудничать и с буржуазными партиями.

Вопрос: Народная партия опубликовала призыв к вооруженной борьбе. Означает ли это, что Вы считаете гражданскую войну неизбежной?

Ответ: Политическая партия всегда должна делать для себя выбор. Борьба народа, приведшая к изгнанию шаха, возможно, придет к своему логическому финалу и армия станет на службу иранской республике. Но, с другой стороны, возможно, что реакционные силы при поддержке Америки и Израиля прибегнут к перевороту. Это будет хуже, чем в Чили или массовое убийство коммунистов в Индонезии. Мы не хотим, чтобы такое случилось. Мы не хотим разгрома, как это было в 1953 году, и должны этому противостоять.

Вопрос: Вы считаете вооруженную борьбу неизбежной?

Ответ: Я не пессимист, но и не чрезмерный оптимист. Мы уверены, что национальная борьба может прийти

к логическому завершению и без кровопролития. Однако надо быть предусмотрительными.

Вопрос: Откуда Вы возьмете оружие для вооруженной борьбы?

Ответ: В ходе истории революционные движения могли находить разные пути решения таких трудностей. Всегда была возможность купить оружие.

Вопрос: В случае гражданской войны какую роль, по Вашему, сыграет армия?

Ответ: Наша армия состоит из народа. 90 процентов ее составляют крестьяне и 10 процентов рабочие. Мы уверены, что революционное движение, которое разрастается, не остановится у стен воинских гарнизонов. Об этом свидетельствует многое. Мы знаем, что для борьбы с демонстрантами в настоящее время офицеры вынуждены отбирать добровольцев. Это говорит о том, что у командования нет уверенности в армии.

Сегодня еще 10 человек из состава нашей экспедиции покидают Тегеран и выезжают на родину. Они едут на зафрахтованном автобусе до порта Пехлеви, переименованного уже в Энзели, и далее до Баку на советском теплоходе.

7 февраля. Бахтияр заявил сегодня в меджлисе, что если даже все депутаты откажутся от своих мандатов, то он все равно останется законным премьер-министром до будущих выборов. Бахтияр далее сказал, что назначение нового правительства он воспринимает не более чем шутку или игру. Отметив, что пока длится эта шутка, он к ней не имеет никакого отношения. Однако если дело дойдет до более серьезного, то он ответит на это в соответствии с законом. Бахтияр поблагодарил депутатов, утвердивших закон о ликвидации САВАК, добавив, что раньше закон нарушала САВАК, а сегодня новая диктатура угрожает народу. В конце выступления он воскликнул: «У нас одно государство, одно правительство, одна конституция!»

В Тегеране начались массовые демонстрации в поддержку правительства Базаргана. Это уже демонстрации совсем дру-

ного характера, не «против», а «за». Демонстранты несут огромные портреты Хомейни, Базаргана, Санджаби и других революционных лидеров. Царит всеобщий подъем. Под руководством старшего колонны, который обычно располагается на движущемся впереди миниавтобусе, скандируются фразы: «Да здравствует Хомейни! Да здравствует правительство Базаргана! Долой Бахтияра!» Но Бахтияр не сидит сложа руки. Он не только выступает по радио, телевидению и в меджлисе, он активно действует. Корреспондентам местных газет стало известно, что в Давизане, расположенном к северу от Тегерана, самолеты готовятся к боевым вылетам.

8 ФЕВРАЛЯ. С утра Тегеран буквально захлестнули сотни тысяч демонстрантов. Ни о какой работе членов нашей экспедиции не могло быть и речи. Чтобы попасть в министерство дорог и перевозок, приходилось просачиваться через толпы революционно настроенного народа. Днем у здания Центрального национального банка я стал свидетелем поглощения солдат колоннами демонстрантов. Огромная колонна двигалась по улице Фирдоуси в сторону большого базара. Два грузовика с солдатами охраняли турецкое посольство и Центральный национальный банк, находящийся рядом. От колонны демонстрантов отделилась группа, в которой было около 20 человек. Они приблизились к солдатам и стали кричать: «Солдаты! Присоединяйтесь к нам, к Хомейни! Идите с нами!» Затем они передали солдатам портреты Хомейни, те их приняли. Подошедшая колонна подняла солдат на плечи и понесла дальше, к площади Сепак. Так турецкое посольство и Центральный национальный банк остались без охраны, а Бахтияр без двух взводов солдат.

Сегодня впервые увидел, что военнослужащие участвуют в шествиях по городу в военной форме. По улице Пехлеви прошли в колонне демонстрантов более тысячи военнослужащих военно-воздушных сил: летчики, авиатехники, работники наземных служб. Во второй половине дня на площади перед Тегеранским университетом выступил общественный и поли-

тический деятель Феридун Шаян. В своей речи он, в частности, сказал, что антикоммунизм наносит удар революционному движению. Если будем отделять коммунистов от революции, то можно ожидать, что движение повернет вправо на уровень требования реформ. Если будем вести антикоммунистическую пропаганду, то ослабим революцию, ибо коммунисты составляют часть нашего движения. Министр иностранных дел правительства Бахтияра Мирфендерески объявил о выходе Ирана из блока СЕНТО, поскольку, как он выразился, нахождение Ирана в этом блоке противоречит новой внешней политике страны.

Вечером, когда уже смеркалось, измученный и усталый я шел в гостиницу. При повороте в переулок Гоухаре Шад в глаза бросилась свежая надпись крупными буквами на стене дома: «Народ! Знай, военное губернаторство устроило тюрьму для политических заключенных в подвале большого универмага!» Этот универмаг хорошо известен тегеранцам. Его строила на свои деньги шахиня Фаррах. Он расположен в центре на углу улиц Пехлеви и Надери. Я часто проходил мимо него в последние дни, но ничего подозрительного не замечал. Сейчас универмаг закрыт на переоборудование. Согласно вывешенному в витрине объявлению, там должен открыться магазин дамского платья французских фирм. Решил, что завтра приду туда и попытаюсь узнать, что там в действительности устроило военное губернаторство.

9 ФЕВРАЛЯ. Утром, сразу после завтрака, не вытерпел и пошел к универмагу, находящемуся в двух кварталах от гостиницы. Вижу, как четверо рабочих делают кирпичную стенку в окнах витрины. Двое других закладывают главный вход. На перекрестке со стороны главного входа в универмаг стоят два грузовика с солдатами. Спросить рабочих не решился. Да вряд ли бы они сказали мне правду. Но, судя по результатам их работы, по корявой кирпичной кладке, это помещение стало больше походить на временную тюрьму, чем на магазин.

Премьер-министр Базарган прибыл в Тегеранский университет и выступил с речью. Он изложил основные пункты программы своего правительства. К этим пунктам относятся: взятие реальной власти в свои руки, проведение референдума, возрождение и переустройство государства, выборы учредительного собрания и принятие новой конституции, выборы меджлиса, отставка временного правительства и передача власти президенту республики и новому правительству. Базарган заявил, что новая экономика Ирана не будет похожа ни на социалистическую, ни на капиталистическую и не будет придатком экономики иностранных держав. Многие контракты, невыгодные Ирану, будут расторгнуты.

Сегодня состоялась церемония выпуска офицеров Тегеранского военного училища. Впервые выпускники при вручении им погон не произносили клятвы на верность шаху. Они давали клятву верности Богу, Корану и Родине. Начальник училища в своей речи ни разу не упомянул имя шаха, а назвал его Верховным главнокомандующим всеми вооруженными силами страны. В этот вечер члены нашей экспедиции долго не ложились спать. Сказывалась напряженность обстановки предыдущих дней. Какое-то странное чувство тревоги не покидало нас. Темная ночь окутала Тегеран. Однако казалось, что город не спит. Через небольшие промежутки слышались надрывные крики «Аллах велик!», которые гулким эхом прокатывались по пустынным улицам.

Движимые смутным беспокойством, некоторые из нас, наиболее любопытные и любознательные, поднялись на самый верхний этаж гостиницы, чтобы посмотреть на город с высоты. Тегеран открылся нам как на ладони: зарево пожаров отражалось от плотных облаков и освещало огромное пространство вокруг. Слышались одиночные выстрелы. Внезапно в северо-восточной части города выстрелы участились и перешли в сплошной гул. Мы долго смотрели туда, пытаясь определить, что и где происходит. Но, увы, ничего не выяснив, спустились вниз.

10 ФЕВРАЛЯ. Утром на своей «Волге» поехали в министерство дорог и перевозок. Нам предстояло завершить итоговые переговоры с руководством железных дорог и готовиться к временному отъезду на родину. Первое, что нас удивило, это почти пустынные улицы, второе — навстречу попадалось много легковых машин, которые двигались на большой скорости, безпрестанно сигналив. Люди, ехавшие в них, выставляли наружу полиэтиленовые пакеты с чем-то белым.

Когда мы вошли в здание министерства, я спросил полицейского, моего старого знакомого, что происходит в городе. Он ответил: «В Фаррахбаде всю ночь шли бои. Много раненых. Поэтому из городских аптек туда везут бинты и вату». После этой новости, естественно, ни о каких переговорах не могло быть и речи. Мы уехали обратно. При возвращении в гостиницу достигли перекрестка улицы Тахте Джамшид с улицей Хафиза. Но повернуть на нее уже не смогли, так как по ней двигалась толпа возбужденной молодежи. Пришлось повернуть налево в объезд. Но и здесь не смогли проехать и были вынуждены остановиться, потому что проезжую часть перегородили студенты. Они держали в руках картонные таблички с надписями: «Больница Амир Алям срочно просит кровь! Раненым госпиталя Сина срочно требуется кровь 1 и 2 группы! Больница Неджат нуждается в перевязочных материалах!» На тротуаре стояла автомобильная станция переливания крови. Только после того как я объяснил молодым людям, кто мы такие, нас пропустили.

Приблизившись к площади Фирдоуси, мы поняли, что дальше пути нет. На площади шел митинг. Нуцубидзе сказал, что надо оставить машину и добираться пешком. Аббас приткнул машину к тротуару, мы вышли и стали пробираться через толпу. Площадь содрогалась от тысячеустых скандирований. Что кричали, разобрать не удалось. Когда пересекали площадь около улицы Ираншахр, то перед нами появились несколько мотоциклистов с автоматами и винтовками за спиной. Толпа медленно расступилась перед ними, выражая свой восторг одобрительными выкриками. Мотоциклисты на малой скорости

пересекли площадь и по улице Шах Реза уехали в направлении Фаррахабада.

Ранее видеть на улицах Тегерана, да еще после объявления в городе военного положения, вооруженных гражданских лиц было немыслимым. Именно это и подействовало крайне возбуждающе на толпу, собравшуюся здесь. В 14:00 по радио передали приказ военного губернатора генерала Рахими о введении комендантского часа в городе с 16:30 до 5 утра. Но уже никто не реагирует на приказ военного губернатора. Наступило 18 часов, потом 20 часов, а улицы города были переполнены народом. Тегеран бурлил.

Из посольства СССР нам позвонили и передали распоряжение посла: «На улицы города никому не выходить!» Еще до наступления комендантского часа нашему водителю Аббасу удалось вызволить «Волгу» с улицы Ви́ла и пригнать ее во двор экономического представительства.

Что же произошло в Фаррахабаде? Группа курсантов авиатехнического училища в Фаррахабаде (восточная окраина Тегерана) прибыла в резиденцию Хомейни 9 февраля, чтобы выразить ему свою солидарность. Правительство Бахтияра, понимая чем это грозит армии и, видимо, опасаясь дальнейшего распространения влияния Хомейни на другие воинские части, приказало «проучить» курсантов. В ночь с 9-го на 10-е, когда многие курсанты смотрели в гарнизонном клубе кинофильм, подразделение шахской гвардии неожиданно напало на авиаторов. К чести курсантов, они не были застигнуты врасплох и показали, что умеют владеть оружием. Более часа длилась перестрелка, во время которой с обеих сторон было убито до 50 человек. Население соседних районов Тегерана, услышав сильную стрельбу, бросилось на помощь курсантам. В свою очередь, курсанты вскрыли склады оружия и вооружили многих гражданских лиц. 60 американских советников были эвакуированы из гарнизона на вертолетах.

Утром 10 февраля санитарные и частные машины вывозили раненых из училища. Из центра на помощь поспешили воо-

руженные отряды студентов, которых мы утром видели ехавших на мотоциклах через площадь Фирдоуси. В городе начался захват складов оружия населением. Первый склад был захвачен на площади Жале. Там в основном хранились американские винтовки «М-16», которые тут же раздавали многотысячной толпе. Вооруженная молодежь садилась на легковые автомобили или автобусы, направляясь в Фаррахабад. К 10 часам курсанты и вооруженный народ полностью контролировали положение в районе Фаррахабата. В ходе боев был сбит один военный вертолет и выведено из строя 3 танка.

Предполагая, что перестрелка стала началом военного переворота, тысячи сторонников Хомейни поспешили к его резиденции, чтобы защитить своего вождя. Днем боевые действия завязывались также в районе Ниаваранского дворца шаха, окрестностях Мехрабадского аэропорта, штаба Верховного главнокомандующего. Армейские вертолеты обстреливали позиции повстанцев из пулеметов.

В 17 часов полицейский участок №10, расположенный на улице Ираншахр, был атакован народом. Юноши, вооруженные винтовками и бутылками с горючей смесью, передвигались от одного укрытия к другому. Тех, кто поддерживал атакующих огнем своих винтовок, было мало. Но за ними двигались сотни людей, ожидая захвата полицейского участка. Они надеялись получить оттуда оружие. Осада продолжалась до 21:45. Со стороны нападавших один был убит и 7 человек ранено. Захваченное оружие тут же распределили среди защитников Хомейни.

Сегодня вечером правительство Базаргана издало свое первое распоряжение.

РАСПОРЯЖЕНИЕ №1 премьер-министра Ирана

Сообщение, переданное радио Ирана в 14:00 21 бахмана 1337 года (10 февраля 1979 года) о введении комендантского часа с 16:30 до 5 часов утра, является заговором против победы исламской революции и поэтому настоящим отменяется.

Премьер-министр Базарган.

11 февраля. Всю ночь с 10-го на 11-е февраля Тегеран не спал. Не смогли уснуть и мы, оказавшиеся в эту роковую ночь в географическом центре иранской столицы. От грохота перестрелки уснуть было невозможно. На этот раз я опять вместе с любопытными постояльцами гостиницы (а их было достаточно) поспешил на самый верхний этаж. Некоторые из нас пытались проникнуть на крышу. Но администрация предусмотрительно закрыла двери чердака на замок. Кроме того, хозяин гостиницы для безопасности перегородил переулок Гоухаре Шад с обеих сторон двумя автобусами. Ни вооруженных революционеров, ни армейских подразделений из-за плохой видимости рассмотреть было невозможно, хотя стрельба велась очень интенсивно. Как впоследствии выяснилось, первыми объектами, которые блокировали и атаковали вооруженные отряды борцов за народное дело, партизаны и военные отряды Народной партии, были полицейские участки, жандармские посты, армейские подразделения, охраняющие правительственные учреждения.

После многочасового боя огромные районы города перешли в руки вооруженных революционеров и отрядов военно-воздушных сил, присоединившихся к народу. Ночью наиболее ожесточенные бои происходили между шахской гвардией и вооруженными отрядами народа за овладение важными стратегическими объектами города, которые до сих пор находились в руках подразделений военного губернатора и полиции. В районах, захваченных народом, выставили вооруженные сторожевые посты. Еще вчера вечером в боях с шахской гвардией было уничтожено несколько танков. Один из них революционеры сожгли под мостом на площади Февзие. На улице Демавенд уничтожили четыре танка, несколько джипов и грузовиков. Бойцы вооруженных отрядов, чтобы не быть узнаваемыми, покрывали лицо сажей или перевязывали платками, а некоторые военные переоделись в гражданскую одежду. На вооружении отрядов находились главным образом автоматические винтовки «М-1», «М-16», «Н-3» — штатное оружие иранской

армии. У многих были автоматы Калашникова, которые считались самыми лучшими и надежными, к тому же они стоили дорого. Тяжелые пулеметы, снятые с уничтоженных и захваченных танков, были установлены в стрелковых ячейках. В отрядах были гранатометы.

Тегеранский университет был хорошо укреплен. У южных, восточных и западных ворот возвели мощные баррикады. В районе университетской мечети группы студентов проходили ускоренное обучение метанию бутылок с горючей смесью, ручных гранат и тактике ведения уличных боев. Залы №3 и 4 университетского клуба заполнены перевязочным материалом, медикаментами, средствами оказания первой медицинской помощи. Вчера вечером и сегодня утром при сотрудничестве с народом студенты подготовили место для размещения двух тысяч раненых. Однако боев в зоне университета нет. Это объясняется тем, что еще рано утром важный объект этого района — здание главного жандармского управления после короткого боя было захвачено народными партизанами и примкнувшими к революции отрядами военно-воздушных сил и военно-морского флота.

По городу везде расклеен написанный от руки и размноженный на ксероксе первый приказ народной армии без какой-либо подписи.

ПРИКАЗ №1 народной армии

1. Отрядам не рассеиваться.
2. Соблюдать строгую дисциплину.
3. Боеприпасы для тренировки и опробования оружия не расходовать.
4. В бою с противником действовать группами от 3 до 9 человек.
5. Залпами не стрелять.

В полдень таким же образом был распространен Приказ №2 народной армии тоже без подписи. В нем говорилось, что население ночью активно сотрудничало с вооруженными отрядами

народной армии. Жителям предлагалось не выходить на улицу из-за опасности случайных потерь. Народ призывался к соблюдению высокой бдительности с целью не допустить повторных атак шахской гвардии.

В 8 часов утра был захвачен пулеметный завод, атака на который началась еще вчера в 22 часа. Завод охранялся двумя танками и ротой солдат. Перед началом атаки один из нападающих громким голосом призвал солдат перейти на сторону народа. Он кричал: «Братья солдаты! Вы окружены со всех сторон! Если капитулируете, вам ничего не будет. В случае сопротивления мы все равно до утра захватим завод и уничтожим вас!» Через несколько минут им снова предложили сдаться. И объявили об этом с более близкого расстояния через громкоговоритель. Ответа не последовало. Отряды открыли огонь по заводу. Тяжелыми грузовиками были взломаны ворота. Завод атаковали с двух сторон. Бой шел всю ночь. В 8 часов утра тысячи людей ворвались в заводской двор. Там было много оружия в разобранном виде. То, что можно было собрать, собирали и раздавали народу. Остальное грузили на машины и отвозили в штаб Хомейни. Среди тех, кто принимал участие во взятии завода, были и двенадцатилетние дети и семидесятилетние старики. Они забрали на заводе все, что могли. Выносили даже сошки пулеметов. Солдаты, которым удалось вырваться с территории завода, начали стрелять в народ. Число убитых и раненых росло. Революционеры стали забрасывать танки бутылками с горючей смесью. Один танк подожгли. Другому удалось уйти в Фаррахабад, где его постигла участь первого.

Две роты Казвинского гарнизона, направленные в Тегеран для поддержки подразделений шахской гвардии, были остановлены жителями Казвина, которые разрушили мост на тегеранском шоссе. Они также возвели баррикады на улицах города. В Кередже улицы города перегородили металлическими балками и сделали их непроходимыми для танков и автомашин.

Гарнизон Эшратабад после одночасового боя капитулировал перед вооруженными революционными отрядами. Бойцы этих отрядов поставили лестницы к стенам, поднялись наверх и открыли огонь по внутренней части гарнизона. Часть солдат была окружена. Но никто не пришел им на помощь, и они сдались. Еще до начала боя многие солдаты гарнизона, переодевшись в гражданскую одежду, бежали в город.

В 14 часов по радио передали сообщение Высшего совета армии¹. В нем говорилось, что Высший совет армии в составе 50 генералов с 10:30 22 бахмана 1337 года (11 февраля 1979 года) начал чрезвычайное заседание, на котором обсуждается сложившаяся обстановка в стране. Далее в тексте сообщалось, что армия должна защищать независимость и целостность любимого Ирана. До сих пор при внутренних волнениях она старалась наилучшим образом поддерживать законные правительства. На заседании Высшего совета было принято единодушное решение: чтобы не допустить беспорядков и чтобы не началось еще большее кровопролитие, армия объявляет свой нейтралитет в нынешних политических конфликтах. Всем частям и подразделениям дан приказ возвратиться в свои гарнизоны. В заключение говорилось, что армия Ирана всегда поддерживает и будет поддерживать свой благородный, мужественный народ. Однако сообщение Высшего военного совета о нейтралитете армии было передано тогда, когда почти вся столица фактически уже перешла в руки вооруженного народа и все правительственные учреждения и воинские гарнизоны были захвачены революционерами.

Во второй половине дня в руках вооруженных оппозиционеров оказался гарнизон Каср, штаб Верховного главнокомандующего, военная академия и гарнизон Джамшидие, бой за который длился 4 часа. В тюрьме гарнизона обнаружили бывшего начальника САВАК генерала Нематоллу Насири, которого немедленно переправили в штаб Хомейни. Бой за гар-

¹ Высший совет армии — консультативный орган при шахе. Совет рассматривал вопросы, определяющие военную политику страны.

низон Багешах и офицерское училище был коротким. Вооруженные отряды использовали захваченный танк, который разрушил ворота и часть здания училища. В 17:30 училище капитулировало. В гарнизоне Багешах захвачено много оружия. Часть его роздана народу. Раздача оружия производилась по предъявлению документа о прохождении военной службы. После этого владелец оружия должен дать клятву на Коране, что будет верен народу. Затем он целует оружие, получает патроны и делает один пробный выстрел в воздух. Если боец делает что-то неправильно, его кратко инструктируют, как и что надо делать. Основная часть оружия отправляется в университет как резерв.

В 17:50 слышу по радио взволнованный голос диктора: «Внимание, внимание! Говорит истинный голос иранского народа, голос исламской революции! Радио в руках революционного народа! Мы в своем доме! Мы, бастовавшие в течение четырех месяцев соотрудники радио и телевидения, призываем всех соотечественников к соблюдению порядка и спокойствия...» Затем был исполнен гимн «Эй, Иран!» Так начались передачи революционного радио.

Диктор зачитал обращение Хомейни к народу.

«Мужественный народ Ирана! Сестры и братья Тегерана!

С помощью Всевышнего наша победа близка. Войска отступают. Они заявили о невмешательстве в политические дела и о поддержке народа.

Дорогие соотечественники! Будьте бдительными, готовьтесь к обороне, хотя войска и возвращаются в свои гарнизоны. Соблюдайте дисциплину и порядок. Если подрывные элементы прибегнут к поджогам и всякого рода диверсиям, то выявляйте их и не разрешайте им творить свои черные дела. Не нападайте на иностранные посольства. Если армия начнет боевые действия, то дайте ей отпор всеми имеющимися в вашем распоряжении способами.

Я сообщил генералам, что если армия не будет вести боевые действия и присоединится к законному исламскому правительству, то мы будем считать армию неотъемлемой частью народа и будем обращаться с ее солдатами и офицерами как с братьями.

Рухолла Мусави Хомейни».

Революционное телевидение начало свои передачи сегодня в 19:14. Это было необычное зрелище. Перед выступлением диктора на экране в цветном изображении крупным планом были показаны гвоздики как символ революции. Самый популярный в Тегеране диктор Али Хосейни со слезами на глазах объявил о победе революции. Далее он кратко рассказал о борьбе работников телевидения, которую они вели в течение 4 месяцев всеобщей забастовки. Затем один из религиозных деятелей зачитал обращение Хомейни к иранскому народу, идентичное тому, которое было зачитано по радио.

После этого на экране появился премьер-министр Базарган. Вот полный текст его заявления.

«Дорогие соотечественники!

Поскольку за эти дни у меня было много дел, то разрешите прочесть мое обращение по записи.

Я счастлив поздравить иранский народ-победитель, всех мусульман Ирана с еще одной победой. В сложной революционной освободительной борьбе Высший совет армии заявил о нейтралитете иранской армии. Генералы выразили полную поддержку всех чаяний народа. Начальник Генерального штаба армии при встрече со мной сообщил о намерении сотрудничать с моим временным правительством. Пользуясь случаем, поздравляю всех офицеров и солдат с тем, что они еще ранее объявили о своей солидарности с народным движением и пошли за вождем нашей революции, встали в ряды народа и внесли свой вклад в эту победу.

Я обращаюсь к народу с просьбой не нападать на солдат, возвращающихся в гарнизоны. Я хочу разъяс-

нить всем соотечественникам и славной молодежи, что поскольку аятолла Хомейни назвал армию неотъемлемой частью народа и братьями, то воздержитесь от захватов и поджогов военных объектов и сил безопасности. Снимите окружение с Генерального штаба, но охраняйте здания и сооружения армии, а также все государственные здания и имущество, которое теперь принадлежит народу. Не допускайте, чтобы подрывные элементы наносили ущерб. Сотрудничайте с новым правительством и оказывайте содействие его деятельности».

По официальным данным за 10 и 11 февраля, в Тегеране только через больницы было зарегистрировано 216 убитых и 833 раненых².

Так закончился решающий день вооруженного восстания в столице.

12 ФЕВРАЛЯ. Сегодня все газеты публикуют очень много фотографий уличных боев в Тегеране. Среди них горящие здания главного полицейского управления, главного жандармского управления. Есть эффектные снимки подбитых танков на улицах и площадях столицы, фотографии разъезжающих по городу на легковых автомобилях и мотоциклах вооруженных патрулей. Примечательно, что среди патрульных много девушек. Есть снимки захваченных бронетранспортеров, на которых размещены вооруженные революционеры, а их водители — солдаты иранской армии.

В нашей экспедиции осталось 5 человек. И главная задача оставшихся теперь состоит в том, чтобы организовать отправку в Тбилиси около 30 ящиков наработанного материала по проектированию железной дороги Мешхед — Серахс и грузовой станции Астара Иранская. Однако революция парализовала наши усилия, и мы фактически стали невольными пленниками

² Число убитых и раненых, по официальным данным, было значительно меньше, чем в действительности, так как многих пострадавших увозили члены их семей домой.

революционных событий. И волей-неволей оказываемся свидетелями событий, происходящих на улицах Тегерана.

Днем Хомейни выступил по радио с обращением к народу. Он сказал, что революция еще не достигла своего победного конца. Противник пока силен. Хомейни просил соблюдать революционную дисциплину и порядок, беспрекословно подчиняться своим командирам и приказам временного правительства, не издеваться над пленными и относиться к ним по законам ислама. В конце выступления он подчеркнул, кого надо будут судить позднее справедливым судом.

Несмотря на приказ Высшего совета армии об уходе армейских частей и подразделений с улиц города в свои гарнизоны, в Тегеране бои продолжаются с прежней силой. Утром штурмом был захвачен Голестанский дворец. С 23 часов 11 февраля и до 4:30 сегодняшнего дня шел бой за взятие тюрьмы Эвин, расположенной на северо-западной окраине Тегерана. Эта современная тюрьма, оборудованная по последнему слову техники всевозможными секретными электронными устройствами, хранит в себе много таинственного. Часть атакующих бойцов оказалась в ловушке, так как металлические двери автоматически закрылись.

Еще вчера окруженные гарнизоны Лавизан и Салтанабад сегодня капитулировали. В Лавизане помимо иранских военнослужащих находился также американский персонал. Уже после объявления Высшего военного совета армии о присоединении армии к народу, засевший в уцелевшей от пожара части здания главного полицейского управления военный губернатор генерал Рахими долго сопротивлялся. Он дважды объявлял о капитуляции, но каждый раз снова начинал стрелять в атакующих. И только когда бронетранспортер обстрелял здание из крупнокалиберного пулемета, генерал сдался. В полицейском управлении захватили 107 пленных, среди них находились армейские генералы и офицеры. Рахими нашли спрятавшимся в шкафу. Однако очевидцы говорят, что держался он хладнокровно и заявил, что остается верным шаху.

По радио передали сообщение, что премьер-министр Бахтияр подал в отставку, пробыв у власти 36 дней. Бахтияр заявил, что вынужден уйти, поскольку армия его не поддержала. Причем в сообщении говорилось, что он арестован. Но через два часа была дана поправка, что Бахтияр скрылся в неизвестном направлении. Штаб Верховного главнокомандующего официально передал себя в распоряжение представителей премьер-министра Базаргана. По его распоряжению до выборов новых командиров соединений и частей ими будут командовать заместители прежних командиров.

Хомейни распорядился прекратить нападения на воинские гарнизоны и правительственные учреждения, а также выносить из гарнизонов оружие и боеприпасы. В городе по-прежнему продолжается стрельба, но с меньшей интенсивностью, чем вчера. Интерес к происходящему вынудил меня, вопреки запрету начальства, выйти из гостиницы на улицу. По переулку Гоухаре Шад прошел к улице Надери, которая ведет к меджлису, и остановился. Остановился не потому, что мне что-то угрожало, а от крайнего удивления. Такое видеть еще не приходилось. По улице плотной разношерстной колонной едут автомобили: легковые, грузовые, автобусы, минибусы. В них молодежь, старики, женщины, подростки. Все до единого вооружены, кто чем — американскими винтовками, автоматами Калашникова и пулеметами, старинными ружьями, кинжалами, столовыми ножами. Один паренек лет тринадцати держит в руке перочинный ножик. Их воинственные крики сливаются в единый протяжный клич.

Судя по отдельным возгласам, они едут захватывать меджлис. Держащие в руках огнестрельное оружие стихийно, от избытка чувств, стреляют в воздух. В результате идет дикая пальба. Автомашины окутывает сизый дым. Проезжая мимо редких групп людей, стоящих на тротуарах, многие революционеры поднимают вверх средний и указательный пальцы правой руки, обозначая символ «виктори» (победы). Наконец, колонна автомашин скрылась в направлении меджлиса. Примерно часа через

три разрозненные машины с революционерами возвращались в обратном направлении. На этот раз тихо, без стрельбы. Вечером в телевизионных новостях передали, что вооруженный народ захватил меджлис. Солдаты капитулировали.

В газете «Кейхан» Организация народных партизан поместила свое заявление под заголовком «Победа революции стала возможной благодаря вооружению народа». В заявлении говорится:

«Героические народы Ирана!

Сегодня свершилась иранская освободительная революция. Ее победа завоевана кровью. Крепости наемной армии, которые считались неприступными, пали одна за другой. Революционные победы нарастали с падением воинских гарнизонов и вооружением угнетенных народных масс. Победа иранского народа будет продолжаться до создания народной армии.

Организация народных партизан Ирана считает для себя большой честью, что она плечом к плечу с мужественными бойцами военно-воздушных сил, героями вооруженных отрядов Организации борцов за народное дело — этих истинных защитников народа, при поддержке миллионов патриотов страны, проливая кровь в боях за захват гарнизонов, полицейских участков, радио, телевидения.

Доведем до победного конца нашу борьбу с остатками контрреволюции, где бы они ни находились!

Да здравствуют солдаты и авиатехники ВВС, которые вместе с борющимся народом повергли продажную армию!

Да здравствуют аятолла Хомейни, аятолла Талегани!

Пусть реет обгаренное кровью знамя Организации народных партизан Ирана!

Долой империализм и его лакеев!

Да здравствует народная власть!

Организация народных партизан Ирана».

После боев в Фаррахабде авиатехники ВВС стали самыми уважаемыми и популярными героями революции. Слово «авиатехник» превратилось в синоним героя-революционера, рыцаря революции. Дело в том, что когда шах стал быстро наращивать численность военно-воздушных сил иранской армии, то потребовалось много грамотной молодежи. Таким образом в армию было призвано большое число лиц, окончивших высшие учебные заведения. Поэтому авиатехники, будучи молодыми образованными людьми, быстрее, чем кто-либо другой, поняли цели и задачи революции. С первых дней борьбы иранского народа они стали на его сторону. Вот почему авиатехник, идущий в своей темно-синей форме по городу, вызывает всеобщее уважение. Их, пожалуй, можно сравнить с моряками русского Балтийского флота, которые сыграли решающую роль в победе Октябрьской революции 1917 года.

Радио и телевидение Тегерана стали поистине рупором революции. Общение руководителей революции с населением, половина которого неграмотна, происходит в основном по радио и телевидению. Например, сегодня профессор Тегеранского университета, искусствовед, обратился по телевидению к вооруженным отрядам, атакующим и захватывающим шахские дворцы. Он призывал их быть очень осторожными, не уничтожать, не портить произведения искусства, посуду, ковры, картины и другие уникальные образцы художественного творчества в захваченных объектах. Профессор объяснил народу, что теперь все эти богатства культуры — собственность нации, что во дворцах создадут музеи и выставки. Далее он сказал, что об этом, видимо, забыли те, кто вчера штурмом захватили Голестанский дворец. Беспорядочной стрельбой они повредили некоторые картины и старинную мебель.

Радио «Голос иранской революции» сообщило, что все депутаты меджлиса подали в отставку, а меджлис распущен. Вчера ночью, через два часа после того, как бывший начальник САВАК генерал Нематолла Насири был доставлен во дворец премьер-министра, корреспондент газеты «Эттелаат» про-

вел с ним беседу. Сегодня поздно вечером эту беседу передали в записи по телевидению. Глядя на физиономию генерала, можно было предположить, что те, кто его арестовали, не прислушались к совету Хомейни не издеваться над пленными. Лицо Насири было все в синяках и кровоподтеках. Левый глаз заплыл, голова перебинтована. На вопрос корреспондента, что он знает о пытках, проводимых ранее саваковцами, Насири ответил, будто о таких пытках ему ничего не известно. Однако его тут же уличили во лжи те, кто в присутствии Насири избивался, те, у кого вырывали ногти на руках. Среди присутствовавших находился отец четырех сыновей, умерших под пытками в САВАК, а также духовный деятель Рухани. Насири продолжал утверждать, что в САВАК он якобы занимался только административными и техническими вопросами. Отвечая на вопросы, Насири сообщил, что он регулярно, дважды в неделю, имел личные встречи с шахом и несколько раз вел с ним телефонные разговоры.

Как же происходил захват власти в провинциях?

Шираз. Восставший народ быстро захватил полицейские участки, и оружие, находившееся там, было распределено среди населения. Перед полицейским участком №3 служащие полиции сопротивлялись около 30 минут и ранили нескольких нападавших. Затем вооруженный народ двинулся к полицейскому управлению провинции Фарс. Завязалась перестрелка. Засевших в здании полицейских поддерживали армейские подразделения. Ожесточенный бой между вооруженным народом и гарнизоном полицейского управления длился 5 часов. Полицейские и солдаты были вынуждены капитулировать. В ходе боя со стороны революционеров было убито 46, ранено 350 человек. На складах управления захвачено много оружия. Вечером 12 февраля к восставшим присоединились солдаты и офицеры бронетанкового учебного центра, воздушно-десантных войск и ширазской военно-воздушной базы. При этом военнослужащие кричали: «Хомейни! Мы твои солдаты!»

Тебриз. Главные события развивались 12 февраля во второй половине дня. В городе начались пожары. Было подожжено несколько винных магазинов, ресторанов, завод по производству пепси-колы, три кинотеатра, универмаг. Затем толпы народа бросились к полицейским участкам, однако полицейские открыли по нападающим пулеметный огонь. Бои продолжались до утра. Полицейские участки поддерживали солдаты местной полиции и танки. Наконец участки были захвачены. В ходе боев убито 150 человек, ранено более 600.

Сенендедж. Вчера вечером после получения сообщения о нейтралитете армии десятки тысяч людей вышли на улицы города. Огромная толпа двинулась к монументу шаха, который до вчерашнего дня усиленно охранялся, и сбросила его на землю. Затем колонна революционеров достигла здания САВАК. Во дворе сожгли все автомобили. Мебель и имущество управления выбросили через окна на улицу и тоже сожгли. Внутри здания началась перестрелка, в которой было убито два человека нападавших и 15 человек ранены. Революционеры подожгли центральный городской полицейский участок.

Абадан. Несмотря на то что в центре города десятки танков охраняли единственный монумент шаха, народ направился на площадь, чтобы сбросить его. И хотя армия объявила о своем присоединении к народу, солдаты стали стрелять по подходившей толпе революционеров. В результате было убито 5 и ранено 20 человек. Лишь вечером танки и солдаты были возвращены в свои части. Население стало строить баррикады из перевернутых автомобилей и киосков. Полиция, опасаясь нападений народа, эвакуировала состав всех 7 городских полицейских участков.

Кередж. Вчера вечером народ потребовал от полицейского управления, чтобы его сотрудники сдались. Начальник полиции отказался это сделать и приказал стрелять в собравшихся. Было убито 9 человек и ранено 85. Четыре часа длилось про-

тивостояние народа с полицией. Армейский бронетранспортер подоспел на помощь населению. Полицейские были разоружены и арестованы. Оружие роздано восставшим. Было решено повесить двух полицейских на городской площади, что и сделали. Затем вооруженные отряды захватили тюрьму и освободили более 3 тыс. заключенных.

Решт. В городе между большой группой вооруженного населения и саваковцами произошло столкновение в городском управлении САВАК. Было убито 8 сотрудников САВАК и среди них заместитель начальника управления. После этого революционеры подожгли здание, а убитых в перестрелке агентов повесили перед горящим управлением.

Керманшах. Солдаты, сержанты и офицеры 81-й бронетанковой дивизии без оружия строем вышли из гарнизона и совершили марш по городу. Военнослужащие объявили о своей солидарности с народом. Полиция и жандармерия Керманшаха выбросили белый флаг на зданиях своих управлений и также объявили о своей поддержке революционного народа.

Израильское посольство в Тегеране захватили вооруженные отряды Организации борцов за народное дело. Они сорвали со здания табло с надписью «Посольство Израиля» и укрепили надпись «Посольство Организации освобождения Палестины», вывесив плакаты «Да здравствует Палестина! Долой сионизм!»

Всюду по городу расклеен следующий текст программы действий Организации народных партизан, состоящий из 11 пунктов:

1. До полной капитуляции всех опорных пунктов врагов народа и захвата их вооруженными отрядами не успокоимся. Боевые позиции не покинем. Будем сотрудничать с другими народными борцами по защите революции.
2. Во всех городах и деревнях создадим координационные штабы с чрезвычайными полномочиями для проведения всех мероприятий под их руководством.

3. Создадим боевые группы по 10–20 человек, обучим их и разместим на позициях в городах.
4. Установим систему специальных связных между боевыми позициями и координационными штабами, организуем оперативную связь, распределим обязанности.
5. Организуем курсы военного обучения в городах и деревнях, обучим весь народ военному делу, владению оружием.
6. Ознакомим всех вооруженных бойцов с мерами безопасности при обращении с оружием и боеприпасами, особенно самодельными.
7. Просим весь народ сдерживать свои чувства и действовать только в интересах революции.
8. Не вести бесцельную стрельбу, которая создает опасность для окружающих и ведет к перерасходу боеприпасов.
9. Не разрушать всякого рода государственные и частные сооружения, так как завтра все богатства будут поставлены на службу народа.
10. В настоящее время соблюдение порядка и дисциплины возложено на народ. Возьмем управление городами и деревнями в свои руки.
11. Напоминаем, что все, кто предавал и предает народ после объявления своей солидарности с народом, не должны избежать наказания. Если такие люди обнаружатся, не чините над ними самосуд.

Курсанты военно-воздушных сил, принимавшие непосредственное участие в вооруженном восстании, обратились через национальное радио к иранскому народу со следующими словами:

«Сейчас, когда народ Ирана стоит на пороге победы, мы, курсанты военно-воздушных сил, приносим огромную благодарность мужественному населению Тегерана, Организации народных партизан, Организации борцов

за народное дело, больницам, работникам скорой медицинской помощи столицы, которые оказали нам поддержку в боях с наемниками гвардии и своими мужественными, бесстрашными действиями вынудили ее отступить и потерпеть поражение. Мы еще раз заверяем вас, что до последней капли крови останемся на службе великой иранской революции, руководимой нестигаемым и мудрым аятоллой Хомейни!»

13 ФЕВРАЛЯ. В 9 утра я получил официальное разрешение от начальника экспедиции выйти из гостиницы, чтобы осмотреть город. Иду по улице Черчилля мимо здания Интерпола. Всюду видны следы боев: прошитые пулями двери, выбитые оконные стекла, перевернутые полицейские джипы, большей частью советские ГАЗ-69. Характерно, что все второстепенные улицы и переулки, выходящие на магистрали, перегорожены заслонами из металлических балок или поставленными в ряд автомашинами. Пробравшись на самое бойкое место — перекресток улиц Шах Реза и Пехлеви, стою вместе с немногочисленными любопытными тегеранцами у края тротуара. На самом перекрестке, в центре — поврежденный грузовик, облепленный революционными лозунгами. На ручке дверцы кабины висит транзистор, из которого доносится музыка вперемежку с последними известиями о ходе революции главным образом на периферии. По четырем углам перекрестка оборудованы стрелковые ячейки из мешков с песком. Но людей в них нет, так как революционные бойцы занимают позиции лишь ночью. Десятки грузовых и легковых машин с вооруженной молодежью двигаются на север по улице Пехлеви. Спрашиваю у стоящего рядом вооруженного юноши с нарукавной повязкой, на которой написано «Организация народных партизан», куда направляются эти ребята? Он коротко отвечает, что они идут брать Ниаваранский дворец. Зрелище несколько похожее на то, что я вчера наблюдал на улице Надери. Правда, эти ребята намного дисциплинированнее и в воздух не палят, наверное, они студенты.

По улице Шах Реза медленно иду в сторону Тегеранского университета. Это район студенчества. Здесь на целый квартал вытянулись университетские здания, многочисленные книжные магазины и кафе. Рядом с аркой главного входа в университет стены обильно обклеены объявлениями. Они полны сообщений о проведении собраний и политических дискуссий. Больше всего объявлений Организации народных партизан и Организации борцов за народное дело. Эмблема Организации народных партизан представляет собой контур земного шара, по периметру которого расположены серп и молот. Над земным шаром пятиконечная звезда. Эмблема Организации борцов за народное дело несколько иная: без звезды, а внизу изречение из Корана. Из ворот университета навстречу мне выходят студент и студентка. Юноша держит в руках снайперскую винтовку с оптическим прицелом. Он о чем-то увлеченно рассказывает своей спутнице. Затем, направив винтовку на вершину дерева, дает девушке возможность также прицелиться.

Тегеранский университет занимает особое место в революционных событиях. Газеты, радио и телевидение называют его бастионом революции. Университет пока единственное место в столице, где на высоком уровне ведется настоящее военное обучение вооруженных отрядов революционеров и даются основы политического образования. Здесь большую роль играют марксистские организации. Дальше ворот университета меня не пустили революционные патрули, и я вынужден был возвратиться обратно. Перед тем как вернуться в гостиницу, я зашел в ГКЭС, где меня ожидало предложение. Дело в том, что в доме, где жили советские сотрудники, у многих кончился баллонный газ. Представителю Техностройэкспорта Геннадию Федоровичу Захарову надо было поехать на станцию и узнать, можно ли получить там газовые баллоны. И поскольку я постоянно сопровождаю его в служебных переговорах с иранской стороной, он предложил мне поехать с ним, а заодно и посмотреть, что творится в городе. Естественно, я с радостью согласился. К тому же мы поехали на машине с дипломатическим

номером. А это гарантировало нам некоторую свободу передвижения по городу. Я сбежал в гостиницу и прихватил с собой кинокамеру и фотоаппарат.

Мы поехали по улице Хафиза. Наш путь лежал в район Мехрабадского аэропорта, где находился газовый завод. Доехав до улицы Шах Реза, повернули у виадукa налево и, объезжая завалы, двинулись вдоль длинного здания полицейского управления Тегерана. Видим, как из окон второго и третьего этажей на улицу летят письменные столы, мебель, тучи бумаг. На ветках деревьев повисли, очевидно, выброшенные из окон, форменные кителя и брюки полицейских. Когда проезжали университет, опасались, что нас задержат патрули. Но нет. Едем дальше. Вскоре заметили, что за нами неотступно следует черный «Мерседес». Мы переглянулись с Геннадием Федоровичем: неужели за нами ведут наблюдение? Что ж, в такое время слежка за иностранцами вполне объяснима. Перед площадью 24 эсфанда «Мерседес», приняв левее, стал нас обгонять и прижимать к тротуару. И обогнав, остановился. Мы тоже остановились и вышли из машины. К нам подошел мужчина лет 45. На хорошем русском языке он сказал, что является профессором Тегеранского университета. При этом протянул каждому руку и сказал: «Большое спасибо!» «За что?» — с недоумением спросил его Г.Ф. Захаров. «А разве вы не догадываетесь? — улыбаясь, продолжал он. — Позиция вашей страны гарантировала победу нашей революции».

После короткого разговора с профессором мы его, в свою очередь, тоже поблагодарили. И тут Геннадий Федорович, видимо, одержимый проблемой с газом и заданием начальства, абсолютно ни к месту выпалил профессору: «А вы не посоветуете, где нам можно достать газовые баллоны?» Профессор, как мне показалось, несколько разочарованно ответил, что сейчас в стране много трудностей, в том числе и с газом, но пройдет какое-то время, и суверенный Иран все будет иметь в избытке. А в настоящее время он посоветовал нам поехать на газовый завод, может быть, там еще остались баллоны. На том и расста-

лись. Когда машина тронулась, я сказал Г. Ф. Захарову: «Вы, Геннадий Федорович, своим сугубо бытовым, не революционным вопросом, похоже, испортили настроению профессору». На что Г. Ф. Захаров ответил в сердцах: «Мне сейчас не до патриотических чувств профессора, мне газ нужен дозарезу!»

Наша машина выехала на улицу Эйзенхауэра. Теперь ее не узнать. Выворочено все, что можно использовать для возведения баррикад и заграждений. Ехали медленно по ухабам бывшей, образцовой, широкой магистрали, которая сейчас сузилась почти вдвое. Я с увлечением продолжал снимать кинокамерой валяющиеся там и тут сгоревшие и раздавленные танками автомашины, баррикады, догоравшее слева здание дорожной полиции. Подъехали к монументальному красивому сооружению в память династии Пехлеви. Его называют «Шахъяд». В переводе означает «В память шаха». Еще недавно мы водили сюда наши семьи на экскурсии. В этом сооружении, построенном в виде огромного размера башни-арки, экспонируется вся история Ирана. Залы расположены в обширном подвальном помещении и на трех этажах, оборудованных тремя вместительными лифтами. На самой верхней части арки расположена смотровая площадка. С нее виден весь Тегеран как на ладони. В центре застекленная витрина. Там лежит большой кусок лунного грунта. Это подарок президента США Никсона шаху Мохаммеду Реза Пехлеви.

Сейчас это гигантское сооружение снаружи испещрено тысячами революционных лозунгов. Площадь, на которой расположено сооружение, тоже называлась «Шахъяд». Теперь ее переименовали в площадь «Свободы», где рядом находятся много важных объектов: военно-воздушная база, склады, городское управление дорожной полиции и газовый завод — цель нашей поездки. Подъехали к заводу. Вышли из машины. Ворота завода на замке. Завод не работает, но охраняется революционными постами. К нам подошли четыре вооруженных бойца. Я спросил их, когда начнет работать завод. Ответили, что сами не знают. Но проявили к нам внимание, поинтересовались, кто

мы такие. Я сказал. Завязалась беседа. И я еще раз убедился, что эти вооруженные рабочие и студенты настроены по отношению к нам и нашей стране весьма дружелюбно. И хотя разговаривал с ними на их родном языке, один из них, полагая, видимо, что не пойдем его до конца, повесил автомат на шею, соединил пальцы обеих рук кольцами и произнес: «Мы всегда будем с вами вот так!»

Мы попрощались. Г.Ф. Захаров нехотя вернулся к машине. Он еще раз посмотрел на замок, висящий на железных воротах, и попросил: «Посмотри, там что-то написано на воротах. Может быть, про газ?» Я ответил, что это всего лишь лозунг «Мы не хотим ни Запада, ни Востока! Да здравствует исламская революция!» Было решено осмотреть город, и мы двинулись в путь. Попытка въехать на территорию Мехрабадского аэропорта окончилась неудачей. Въезд закрыт самодельным шлагбаумом. Рядом стоят вооруженные революционеры. Поодаль бронетранспортеры со смешанными экипажами: часть солдат, часть вооруженных гражданских лиц. Снова возвращаемся на улицу Эйзенхауэра, затем повернули направо на улицу Искандери, проехали мимо гарнизона Багешах, военной академии, сожженного офицерского училища, выехали на улицу Пехлеви. Затем у Мраморного шахского дворца повернули налево. Здесь увидели свежие следы боев у полицейского участка. Он был разбит и сожжен. Вокруг валялись груды выброшенных полуобгоревших бумаг, испускающих сизый ядовитый дым. По улице Пехлеви, протянувшейся по городу на 20 км, поехали на север, чтобы посмотреть Ниаваранский дворец — постоянную резиденцию шаха. Этот дворец, по нашим расчетам, сегодня к полудню должен быть взят вооруженными отрядами. Чем дальше на север, тем меньше следов разрушений и пожаров, тем больше кварталов с богатыми особняками, садами, плавательными бассейнами. Здесь живет тегеранская знать. Ее дома в основном целы и невредимы.

С приближением к Ниаваранскому дворцу картина резко меняется. Видны спешно сооруженные укрепления в окрест-

ностях гарнизонов. 11 февраля здесь шли бои. Стены, ограждающие казармы, имеют несколько проломов. На воротах еще висят порванные белые полотнища. Таковую же картину мы уже наблюдали в центре города на улице Форуги, где расположено центральное управление армии. Там тоже все ворота покрыты белыми полотнищами — знак капитуляции.

На Ниаваранской улице видим еще один разгромленный полицейский участок. Во дворе сожжены полицейские джипы. Вокруг валяются груды выброшенных документов. Приближаемся к шахскому дворцу, но стрельбы не слышно. Подъезжаем к наскоро сооруженному шлагбауму. Около него два вооруженных гражданских бойца. Остановились. Просим пропустить. Но нас не пропускают. Говорят, что на это имеется приказ.

Поскольку район нам хорошо знаком, решили подъехать ко дворцу с другой стороны. Делаем большой крюк. И можно сказать, оказываемся почти у цели. Но снова натываемся на пост. На нас внимательно, с подозрением смотрят вооруженные революционеры. Упреждая вопрос, спешим сами представиться. Результат тот же. Обрато возвращаемся другой дорогой. Проехали Салтанабад, где находится Организация военной промышленности. Здесь, судя по разрушениям, следам пожаров, видимо, недавно шли бои. При нас группа вооруженных юношей и девушек подъехала к зданию для смены караула. Они с любопытством разглядывали нас и спросили, кто мы — англичане, американцы? Мы ответили, что мы шоурави (советские), они никак не отреагировали. Через окно автомобиля угощаем их советскими сигаретами (сигарет в городе уже давно нет никаких). Ребята и девушки благодарят и поднимают вверх указательный и средний пальцы правой руки.

Уже смеркалось, когда мы, как говорится, усталые, но довольные, возвращались домой, объехав значительную часть Тегерана с востока на запад и с юга на север. Вечером по национальному телевидению в последних известиях передали, что Базарган назначил отставного дивизионного генерала Мохаммеда Вали

Гарани³ начальником Генерального штаба иранской армии. При вступлении на пост Гарани заявил, что шахиншахская армия была одной из самых оснащенных армий мира. Однако она не имела веры, чести, и у нее не было светлого будущего. Это была армия, которая не защищала целостность страны и народ, она превратилась в армию для одного человека. Тот, кто хотел честно служить народу, не имел такой возможности. Сейчас армия переживает кризис. Необходимо вывести ее из этого состояния и провести в ее рядах основательную чистку.

Известный мятежный журналист Али Аскер Хадж Сеид Джавади поместил в газете «Кейхан» 12 февраля статью «Что такое нейтралитет армии?» В ней говорилось: «Я слышал, что Высший совет армии заявил о нейтралитете вооруженных сил и будто армейским частям и подразделениям приказано возвратиться в свои гарнизоны. Я не понимаю, что означает нейтралитет армии? Ведь несколько месяцев шла кровавая война между армией и народом. И после того, как тысячи невинных сыновей и дочерей Ирана пали под пулями солдат за интересы Бахтияра, после перемирия в кровавой войне сообщается о нейтралитете армии. Что за смысл в таком нейтралитете? Армейские командиры до тех пор пока могли и до тех пор пока имели возможность, убивали своих соотечественников. Сейчас армию силой заставили отступить.

И это называется нейтралитетом?

Почему армия продолжает сражаться против вооруженных отрядов народа? Такие действия армейских командиров мы не считаем нейтралитетом! Армия никогда не может быть нейтральной. Нейтралитет — это выдумка контрреволюционных элементов, чтобы выиграть время, а затем выбрать удобное время и задушить революцию. Руководство армией должно

³ Дивизионный генерал Мохаммед Вали Гарани во времена шаха занимал высокие командные и штабные должности. В 1958 г. по беспочвенным обвинениям в злоупотреблении властью был арестован. Однако будто бы истинной причиной ареста явилось его участие в подготовке военного переворота против шаха. На закрытом суде Гарани приговорили к 3 годам тюрьмы, и этот срок он полностью отбыл, после чего занялся частным предпринимательством.

быть передано в руки надежных людей, преданных революции». Далее автор развивает мысль о том, что армия должна стать надежным стражем иранской революции.

Сегодня же временное правительство издало распоряжение № 13, согласно которому поставлен заслон выезду высокопоставленных деятелей свергнутого режима, в соответствии с чем все сухопутные, воздушные и морские границы Ирана закрыты до особого распоряжения. Вечерний выпуск газеты «Эттелаат» поместил сообщение о том, что ранее между Бахтияром и генералитетом армии была достигнута договоренность подвергнуть Тегеран воздушной бомбардировке в 6 часов утра 11 февраля. Было решено бомбардировать восточную часть Тегерана, район Фаррахабад, где находился главный очаг вооруженного восстания. Но, видимо, быстрые действия революционного народа сорвали эти планы и бомбежка была отменена. Часовые, охраняющие важные объекты города, отмечали, что в ночные часы по Тегерану разъезжали автомобили — белый «Пейкан» и зеленый «Пежо» в сопровождении машины скорой помощи, из которых открывали огонь по часовым, стоящим на охране объектов. Уже ранено несколько человек.

Аятолла Хомейни обратился к народу и жителям Тегерана с очередным посланием.

«Уважаемый народ Ирана!

Доблестное население Тегерана!

Сейчас, когда окончательная победа народа уже близка, необходимо обратить внимание на следующие вопросы как на обязательную шариатскую заповедь и национальный долг. Невыполнение этих требований противоречит воле Всевышнего и является предательством по отношению к стране и исламскому движению.

1. Аппарат диктатуры и угнетения свергнут. Необходимо решительно прекратить всякого рода разрушения и поджоги, ибо это противоречит исламу и гуманности. Тот, кто будет совершать такие действия — предатель государства и исламского движения.

2. До установления порядка временным правительством народ должен охранять здания министерств, банков и другие правительственные и общественные здания.
3. Не позволяйте приспособленцам, надевшим на себя маски революционеров, порочить наше движение.
4. Те, кто уполномочен выполнять задания премьер-министра, являются солдатами революции и народ должен с ними сотрудничать.
5. Народ должен как можно скорее уйти с улиц в мечети и слушать проповеди духовных лиц, которые также должны явиться в мечети и наставлять на путь истинный своих прихожан.
6. В настоящее время, когда силы, устанавливающие порядок, включая армию, жандармерию и полицию, присоединились к народу, следует воздерживаться от нападения на них и относиться к ним по-братски. Духовные лица обязаны внушать эту мысль верующим.

Рухолла Мусави Хомейни».

Сегодняшний насыщенный событиями день закончился тем, что поздно вечером телевидение передало пресс-конференцию заместителя премьер-министра по делам революции временного правительства доктора Язди. Присутствовали бывшие руководящие лица шахского режима, которые были арестованы в ходе вооруженного восстания в Тегеране. Среди них были главным образом те, по вине которых войска и полиция расстреливали митинги и демонстрации. В частности, военный губернатор Тегерана корпусный генерал Рахими, начальник гарнизона Фаррахабад бригадный генерал Афшар, военный губернатор Казвина бригадный генерал Мотамеди, начальник САВАК Керманшаха бригадный генерал Хамаданиян. Одеты они были в потрепанные гражданские костюмы. Выглядели морально сломленными. На лицах некоторых видны следы побоев. На вопросы Язди отвечали односложно. Никто из них не признавал себя виновным в расстрелах. Каждый ссылался на приказы

вышестоящих должностных лиц. Пожалуй, наиболее достойно держались корпусный генерал Рахими и начальник гарнизона Фаррахабад бригадный генерал Афшар.

Язди в заключение заявил, что все обвиняемые в преступлениях деятели шахского режима будут преданы исламскому суду.

14 ФЕВРАЛЯ. Идет третий день новой жизни в Иране. Ее необычность особенно чувствуется в передаче радио «Голос революции». С утра до позднего вечера звучит бодрящая маршевая музыка. Удивительно, откуда появились эти марши, которые в Иране раньше никогда не исполняли? Особенно часто исполняется кубинская песня «Венсеремос» на персидском языке. Музыка чередуется с передачей последних известий. Стало больше сообщений из провинций. Там революция по сравнению с Тегераном несколько задержалась. И сейчас провинция наверстывает. Например, среди других сообщений «Голос революции» передал, что для поддержания морального духа революционных бойцов над Захеданом совершают полеты самолеты революционных военно-воздушных сил.

Радиопрограммы состоят главным образом из музыки, коротких информационных сообщений о ходе революции в стране, правительственных сообщений, перечисления фамилий погибших в боях и молитв согласно регламенту. В 14 часов по тегеранскому телевидению передавалась пресс-конференция лидеров Организации народных партизан и Организации борцов за народное дело Ирана. Чтобы контрреволюционеры не могли видеть руководителей этих боевых организаций, оба сидели к телевизорам почти спиной. Тем не менее пресс-конференция прошла оживленно, интересно. Примечательно, что, несмотря на коренное отличие программ этих организаций (первая из них — марксистская, а вторая — исламская), обе являются ведущими силами революции и проявляют мужество и самопожертвование в вооруженном восстании. Поэтому, естественно, местные и иностранные журналисты вначале задавали вопросы

о программах этих организаций. Лидер Организации борцов за народное дело так ответил на этот вопрос: «Наша программа базируется на исламском учении», а лидер Организации народных партизан подчеркнул: «Программа дальнейшей борьбы и политическая линия нашей организации основывается на марксизме-ленинизме». Пресс-конференция длилась около часа.

Через все средства массовой информации опубликовано очередное обращение Хомейни.

«Я благодарю славный борющийся народ Ирана и поздравляю его с достигнутой победой. Иранский народ должен знать, что иранская революция по сравнению с другими революциями мира имеет отличия. Она была исламской, гуманной, и при ее свершении потери были невелики. В других революциях потери были гораздо большие. Ваша победа — победа ислама. Но мы должны крепить единство. Если же, не дай Бог, возникнут противоречия, то победа революции вряд ли будет окончательной.

Дорогой иранский народ, у нас много трудностей. Нам досталось наследство в виде разграбленного, полуразрушенного государства. Мы должны отдать все силы на восстановление Ирана. Мы оказались сейчас в положении страны, разграбленной иностранцами, подвергнутой нашествию врага. Теперь всякого рода предатели и преступники могут совершать диверсии. Будьте бдительными!

Все оружие, находящееся в руках народа, должно быть собрано и сдано в мечети. Помните, что торговать оружием — грех. Необходимо прекратить всякие манифестации. Пора успокоиться. Прекратить нападения на полицию, жандармерию и армейские гарнизоны. Полиция, жандармерия и армия теперь наши братья. Все мы мусульмане, сунниты и шииты — братья. У нас много

религиозных меньшинств. Помните, мы с ними живем в одном государстве. Поэтому обращайтесь с ними справедливо, уважайте их. И если кто-либо будет вам говорить о них плохое, то это будет считаться предательством в отношении государства и народа».

Отдел пропаганды канцелярии аятоллы Хомейни объявил названия 15 соборных мечетей Тегерана, где будут принимать сдаваемое населением оружие. Разъясняется, что в провинциях сдача оружия будет производиться под наблюдением местного духовенства. В связи с требованием Хомейни о немедленной сдаче оружия населением Организация народных партизан Ирана опубликовала в газетах обращение под названием «К стоящим на страже порядка».

«Согласно достигнутому соглашению, все передвижения с оружием за пределами Тегеранского университета должны производиться под наблюдением комитета, состоящего из представителей Организации народных партизан Ирана, Организации борцов за народное дело Ирана и Исламского ревкома, который создается в настоящее время. Мы будем крепить революционную сплоченность нашей организации, существующей уже 9 лет, укреплять связи со всеми, кто борется за интересы народа. Мы будем сотрудничать со всеми, кто идет по пути борьбы за свободу Ирана!

Напоминаем товарищам и друзьям, что отношения между вооруженными отрядами должны решаться доброжелательно, путем переговоров с ответственными лицами этих отрядов.

Привет рабочим и всем трудящимся, которые героически сражались с темными силами реакции и разгромили их!

Пусть развеивается обгаренное кровью знамя Организации народных партизан Ирана!

Организация народных партизан Ирана».

Поспешные действия Хомейни относительно разоружения всех без исключения отрядов, принимавших непосредственное участие в вооруженном восстании, привели к обострению отношений между различными группировками революционеров. А Организация народных партизан Ирана обратилась к аятолле Хомейни с запросом относительно разоружения их отрядов.

«Многоуважаемый аятолла Хомейни!

В интересах нашей родины и революции целесообразно вопрос об оружии, изъятом за последние дни у наемной армии, обсудить в рамках отношений нашей Организации с другими вооруженными отрядами и правительством. В настоящее время необходимо принять срочные меры, чтобы не допустить нежелательные столкновения отрядов народных партизан с безответственными лицами, которые намерены конфисковать оружие у членов нашей организации. Чтобы не допустить осложнений, Вы должны выступить с соответствующими разъяснениями народу по радио, телевидению и в печати.

Оперативный штаб
Организации народных партизан Ирана».

В полдень неизвестная вооруженная группа со стороны улицы Тахте Джамшид приблизилась к американскому посольству и открыла по нему стрельбу. Со стороны посольства огнем ответили морские пехотинцы. Перестрелка продолжалась около двух часов. После начала стрельбы к американскому посольству поспешили вооруженные подразделения из штаба Хомейни. Очевидцы рассказывали, что вооруженная группа проникла в посольство через западную стену ограды. Персонал посольства в составе посла, 50 сотрудников и 20 морских пехотинцев капитулировал. С обеих сторон убито по одному человеку. Имеется предположение, что нападение вызвано тем, будто в посольство были перевезены для сохранности некоторые документы САВАК.

Последние два дня толпы народа приходят на улицу Форути, где находится комитет САВАК, захваченный вооруженным народом. У входа выставлена охрана. Двор завален обмундированием, канцелярским имуществом, книгами, которые принадлежали политическим заключенным. Между тем эти книги, за которые пострадали люди, не имели политического содержания. Например, «Слепая сова» Садека Хедаята⁴, «Фатъма, Фатъма и Хадж» доктора Шариати⁵. Однако за хранение таких книг их владельцы попадали в тюрьмы на долгие годы, подвергались пыткам и погибали.

Другим страшным местом стала тюрьма Эвин, расположенная на северо-западной окраине столицы. После захвата населению разрешили ее осмотреть. Тюрьма была окружена стеной шестиметровой высоты и представляла собой настоящую крепость. Я уже ранее упоминал, что когда атаковали тюрьму вооруженные отряды, то часть из них была отрезана электронно-управляемым щитом. И чтобы спасти людей, пришлось резать щит автогенном. В течение вчерашнего и сегодняшнего дня по тегеранскому радио многократно передавался призыв явиться в тюрьму Эвин инженерам, знакомым с ее подземным расположением и электронным оборудованием. Однако, как сообщают, пока никто не пришел.

Радио «Голос революции» сообщило, что, по приблизительным подсчетам, в результате двухдневных боев и захвата воинских гарнизонов в руки народа попало более 300 тыс. единиц огнестрельного оружия. По радио регулярно передаются призывы о том, чтобы население возвратило на военно-воздушные базы захваченные ими управляемые авиационные ракеты «Спарроу» класса «воздух — земля», поскольку при их случайном взрыве может погибнуть большое число людей. Дается убедительный совет взрослым, чтобы они изымали оружие у несо-

⁴ Садек Хедаят (1904–1951) — мастер короткого рассказа и драматург. Его лучшие произведения содержат призыв к борьбе против фашизма.

⁵ Али Шариати — иранский писатель-публицист, видный борец с шахским режимом.

вершеннолетних. Сотни мальчишек уходят с оружием за город и там стреляют из него по случайным мишеням. Среди детей уже есть убитые и раненые.

Сегодня, проходя мимо здания разгромленного городского управления полиции Тегерана, увидел, как десятки людей роятся в бумагах, выброшенных из окон управления. На дверях управления висит объявление ревкома, в котором говорится, что аятолла Хомейни распорядился собирать секретные документы полиции и САВАК, чтобы по ним установить виновников, совершавших преступления. Все сосредоточены. Никто ни на кого не обращает внимания. Слышен лишь шелест бумаг. Решил подойти к груде бумаг, прочел некоторые из них. Они без грифа «секретно». Это отчетные документы полицейских. Тот, кто обнаруживает документ с грифом «секретно», сдает его девушке, сидящей тут же за выброшенным из окна металлическим письменным столом. Она просматривает предъявленные документы и складывает их в ящик стола.

Как всегда, вечером в гостинице смотрим по телевидению репортаж о ходе революции в стране. Во время передачи диктор неожиданно обратился к телезрителям и взволнованно попросил направить к телецентру вооруженных людей на помощь. «Здание телецентра обстреливают неизвестные лица», — сказал он. Через некоторое время звуки стрельбы уже стали слышны и по телевизору. Передача программы прекратилась, затем диктор Али Хосейни снова попросил о помощи. Тем временем в городе послышался вой сирен. С верхнего этажа гостиницы было видно, как по улице Хафиза на север, к телецентру, мчались грузовики с вооруженными людьми в сопровождении машин скорой помощи. Примерно через час телепередачи возобновились. Диктор сказал: «Спасибо за помощь. Нападение отражено. Больше никого не посылайте!»

15 ФЕВРАЛЯ. Премьер-министр Базарган назначил первых 7 членов своего кабинета. Мостафа Катираи — министр жилищного и городского строительства; Дарюш Форухар — министр

труда и общественных работ; Казем Сами — министр здравоохранения; Садр Хадж Сеид Джавади — министр внутренних дел; Керим Санджаби — министр иностранных дел; Али Акбар Моинфар — министр без портфеля; Юсеф Тахери Казвини — министр дорог и перевозок. Бывший начальник охраны правительства Мосаддыка Иредж Даварпанах назначен на должность начальника охраны премьер-министра Базаргана. Во время представления членов кабинета Базарган заявил, что основные моменты программы своего правительства он изложил в своей речи 9 февраля в Тегеранском университете.

Аятолла Хомейни призвал иранский народ с 17 февраля закончить всеобщую забастовку и приступить к работе и учебе, отметив, что дальнейшее продолжение забастовки нанесет ущерб выполнению политических и экономических мероприятий в стране, чем могут воспользоваться внутренние и внешние враги исламской революции.

Мы уже привыкли к тому, что центр торговли Тегерана — большой базар закрыт. Торговые улицы Надери, Истамбули, Лале Зар, Пехлеви малолюдны, так как все магазины зашторены металлическими жалюзи. Фактически работают лишь продовольственные магазины и газетные киоски. Среди политических партий и организаций по-прежнему наибольшую активность проявляет Организация народных партизан Ирана. Сегодня она опубликовала программу-минимум задач временного правительства на современном этапе революции, в которой говорилось:

«По мнению нашей Организации, временное правительство должно выполнить нижеследующие мероприятия, которые будут ответом на требования народа, пролившего много крови в борьбе за их осуществление.

1. Основная цель революции — уничтожение капиталистической системы и установление абсолютной власти народа. Народ нашей родины для достижения окончательной победы должен уничтожить все каналы, связывающие нашу страну с империализмом. К их уни-

чтожению относится окончательная ликвидация экономического, политического, военного и культурного господства империализма и его опорных баз в стране.

2. В этой славной народной революции мы подтверждаем заслуги аятоллы Хомейни в свержении монархического режима и прислужников шаха внутри страны. Мы всячески оказываем поддержку справедливым действиям Хомейни. Мы осуждаем любой раскол в среде угнетенных народов нашей родины и расцениваем его как заговор империализма и его агентов.
3. Главным препятствием продолжения революции до окончательной победы и важнейшим орудием подавления народного движения является наемная армия. Без создания народной армии, которая взяла бы на себя функции защиты народной революции против внешних и внутренних врагов, все победы, достигнутые народом, будут неполными, временными.
4. Реальной силой данной революции является народ. Именно эта многомиллионная сила борцов и забастовщиков свалила военное правительство, изгнала шаха из страны и подняла знамя революции в кровопролитных боях.
5. Временное правительство, назначенное революционным советом, должно немедленно выполнить следующее:
 - а) распустить парламент, армию, все органы бывшего господствующего режима и создать армию, которая защищала бы завоевания революции. Такая армия может быть создана из вооруженных народных отрядов. Обучением и формированием новой армии займутся патристически настроенные солдаты, сержанты и офицеры, которые порвали с антинародной армией и участвовали в кровопролитных боях с реакционными силами;
 - б) изгнать из страны всех иностранных военных советников и расторгнуть все кабальные договоры и кон-

тракты, навязанные империалистами. Временное революционное правительство обязано противодействовать всякому вмешательству других государств во внутренние дела Ирана и защищать территориальную целостность и независимость родины, укреплять связи с революционными народами и прогрессивными силами всего мира;

в) конфисковать имущество семейства Пехлеви и всей шахской династии, национализировать иностранные капиталы и грабительские иностранные компании в сельском хозяйстве, промышленности, сферы обслуживания, национализировать все банки, создать единый национальный банк;

г) возложить контроль за всеми национализированными и государственными предприятиями на тех, кто работает на этих предприятиях. Контроль за работой нефтяной промышленности должен быть передан рабочим;

д) аннулировать все антирабочие и антидемократические законы, ликвидировать антирабочие организации, признать действительно рабочие советы;

е) аннулировать все долги и финансовые обязательства рабочих, крестьян, ремесленников, служащих банков и государственных предприятий;

ж) передать труженикам сельского хозяйства все акционерные сельскохозяйственные компании и другие подобные предприятия;

з) принять срочные протекционистские меры для возрождения сельского хозяйства, не допускать завоза в страну аналогичной продукции сельского хозяйства из-за рубежа;

и) обеспечить свободу собраний, демонстраций, полную свободу печати, слова, деятельности партий и общественных организаций;

к) признать свободу культуры для всех народов Ирана. Всякая дискриминация в этих вопросах должна

быть аннулирована. Все народы Ирана должны иметь право исповедовать свою религию, говорить на своем родном языке, пользоваться своей культурой;

л) уравнивать права женщин и мужчин во всех областях общественной жизни, немедленно отменить все законы, противоречащие равенству прав мужчин и женщин;

м) создать народные суды. Этим судам должны быть переданы и строго ими наказаны заправилы прежнего режима, воры, грабители, которые при вмешательстве шахской диктатуры в течение 25 лет совершали преступления против народа и расхищали народное достояние;

н) временное правительство обязано как можно скорее через референдум и выборы учредительного собрания подготовить условия для новой системы управления государством.

Вечная слава борцам, погибшим за славную революцию родины!

Пусть крепнет союз рабочих и всех трудящихся с Организацией народных партизан Ирана!

Да здравствует вооруженная борьба — единственный путь освобождения народа Ирана!

Организация народных партизан Ирана».

Пусть не покажется странным читателю, что я привожу обращения, воззвания и программу-минимум только Организации народных партизан Ирана. Другие партии, организации и группировки воздерживались от публикации каких-либо обращений и документов.

Руководитель театральной труппы «Анахита» Мустафа Аскуи в газете «Кейхан» поместил объявление, что «Анахита», которая 15 лет находилась под запретом, вскоре поставит первый спектакль, посвященный павшим во время революции. Пьеса будет называться «Восстание в Гаити».

16 ФЕВРАЛЯ. Различные группировки шахского режима не унижаются, пытаются создать в стране обстановку страха и неуве-

ренности. Они нападают не только на здания национального радио и телевидения, но и на телеграфное агентство «Парс», на квартал, где живут и работают писатели и журналисты. Сегодня стало известно, что на редакцию национального радио и телевидения вечером 14 февраля напали саваковцы, их было несколько десятков человек. Банды саваковцев и других монархистов особенно активно действуют в Тебризе, где устраивают погромы и поджоги. В городе уже убили несколько сотен человек. По распоряжению Хомейни сегодня в Тебриз направлены вооруженные отряды революционеров.

В Тегеране на всех перекрестках кричат мальчишки-продавцы газет: «Первая группа шахских приспешников расстреляна!» Выпущены экстренные номера газет, в которых подробно излагается не ход самого исламского суда, а описано поведение осужденных перед казнью. Со всеми подробностями сообщается, какие письма они написали родным, содержание их последнего слова. Помещены фотографии осужденных с табличками на шее, где указаны их звания, имена и фамилии. Другие снимки иллюстрируют расстрел во всех его фазах, вплоть до того, как убитые лежат в лужах крови.

Итак, сегодня в полночь по приговору чрезвычайного исламского суда были расстреляны бывший начальник САВАК, армейский генерал Нематолла Насири, военный губернатор Тегерана корпусный генерал Мехди Рахими, командующий вертолетно-десантной базы дивизионный генерал Хосровдад и военный губернатор Исфахана дивизионный генерал Реза Наджи. Во время приведения приговора в исполнение на месте казни присутствовали несколько членов семей тех, кто погиб от рук саваковцев.

17 ФЕВРАЛЯ. С утра Тегеран выглядит необычно и непривычно. Мы уже отвыкли видеть город шумным, многолюдным. Сегодня улицы буквально забиты народом. Все спешат на работу, к своим занятиям. Всеобщая забастовка кончилась. Открыты уцелевшие магазины, лавки, банки, учреждения.

Город переполнен автобусами, такси, легковыми автомобилями. В магазинах полно товаров. Продуктов тоже довольно много. Но цены значительно подскочили по сравнению с дореволюционными. Торговцы товаров разложили их прямо на тротуарах. В витринах некоторых магазинов повешены таблички: «15 процентов выручки вносится в фонд помощи раненым революционерам».

Самолеты национальной авиакомпании «Хома» начали полеты на внутренних авиалиниях. Приступили к работе железнодорожники. Между тем все объекты государственной важности, как, например, узлы дорог, по-прежнему усиленно охраняются. Самым дефицитным товаром стали сигареты. Иностранным сигаретам, в частности американским «Уинстон» и «Мальборо», объявлен бойкот, а государственные табачные фабрики, бастовавшие более двух месяцев, не выпускали продукции. Конечно, появились спекулянты, особенно много их на улице Лале Зар. Примечательно, что на лотках лежит немало сигарет и советского производства. Вооруженные патрули ведут беспощадную борьбу со спекулянтами. Их бесцеремонно хватают, сажают в машины и куда-то увозят. Те, кто пытаются бежать, задерживаются. Часто, чтобы поймать спекулянта, патрули начинают стрелять в воздух.

Пытаюсь постигнуть механизм роста цен. И хотя это трудно выяснить через розничную торговлю (а других возможностей нет), тем не менее становится ясным, что одним из механизмов роста цен является курс доллара по отношению к риалу. На протяжении долгих лет экономика страны была основательно привязана к доллару. После падения курса доллара цена на золото в розничной торговле автоматически поднимается. Например, в начале 70-х годов цена одного грамма золота составляла 80 риалов. В 1976 году — 350 риалов. Сегодня в золотом ряду на Лале Зар один грамм стоит уже 800 риалов. На ускорение темпов инфляции, безусловно, влияет огромный ущерб, нанесенный стране всеобщей забастовкой, которая длилась около трех месяцев.

Постепенно в гарнизоны возвращаются военнослужащие, многие еще находятся в бегах и вообще не прибыли в свои части. По приказу нового начальника Генерального штаба шахская гвардия и подразделения личной охраны шаха с сегодняшнего дня считаются расформированными. Шахская гвардия преобразуется в 1-ю пехотную дивизию. В среде революционных сил существует два подхода в отношении будущего иранской армии. Хомейни и правительство Базаргана считают, что шахские вооруженные силы должны сохраниться в неприкосновенности. Левые силы, включая Организацию народных партизан Ирана, Организацию борцов за народное дело Ирана и военные формирования Народной партии, предлагают шахскую армию расформировать и создать новую народную армию.

Сегодня тысячи революционно настроенных военнослужащих направились в гарнизон Кале Морги. Однако в гарнизон их не пустили. Ворота охраняли представители исламского революционного комитета. Оказавшись перед наглухо закрытыми воротами, прибывшие тут же устроили митинг, к которому постепенно присоединились офицеры, сержанты и солдаты военно-воздушных сил, студенты, учителя, рабочие. Они держали в руках лозунги: «Наемная шахская армия — враг иранского народа! Проамериканская армия должна быть расформирована! Создадим революционную армию!» В принятой на митинге резолюции требовалось полностью расформировать шахские вооруженные силы, а вместо них для защиты революционных завоеваний создать народную армию.

Тем временем в Тебризе народные вооруженные отряды при содействии революционных солдат тебризского гарнизона, персонала ВВС, отрядов народных партизан и подразделений борцов за народное дело подавили контрреволюционный мятеж. Было захвачено в плен 150 сторонников шаха. Группа столичных учителей обратилась с просьбой к руководству национального радио, чтобы по нему шла четкая и оперативная информация населения о том, что угрожает революционным завоеваниям. В частности, по их мнению, всех генералов надо

арестовать и судить. Армия и САВАК должны быть срочно разоружены. Вместо существующей армии учителя предлагают сформировать народную армию, а командный состав укомплектовать теми офицерами, сержантами и солдатами, которые сразу же покинули гарнизоны и присоединились к народу.

С таким же предложением выступила Национальная организация университетов Ирана. Она приветствует победу революции, назначение временного правительства и требует создания народной армии. В заявлении говорится: «Учитывая сложную обстановку народной революции и принимая во внимание опыт прошлых революций, когда они терпели поражения от империализма и их прислужников, в стране необходимо преобразовать армию, произвести в ней чистку и создать народную армию, защищающую интересы народа».

Сегодняшняя «Кейхан» публикует фотографии части сокровищ и имущества Ниаваранского дворца шаха. Привлекает внимание массивный чайный сервиз из чистого золота. Сервиз состоит из 48 предметов, не считая большого золотого подноса. Этот подарок, как объяснил служитель дворца, шах получил от американской нефтяной компании «Пан Америкэн» по случаю заключения контракта с иранской национальной нефтяной компанией на поставку сырой нефти в США. На другом снимке изображен внутренний вид салона личного автомобиля шаха марки «Роллс-Ройс». Поясняется, что корпус и стекла автомобиля пуленепробиваемые. В передней части салона телевизор, ниже виден бар с большим набором разнообразных спиртных напитков. Далее следуют фотографии парка личных автомобилей наследника. Гонимый автомобиль последней модели наследнику подарил бывший мэр Тегерана Никпей. За этот подарок, как указывает газета, Никпей был назначен шахом сенатором от Исфахана.

Много места уделено фотографиям покоев шахини Фаррах. Ее комнаты расположены на самом верхнем этаже дворца, спальня охранялась не только вооруженной гвардией, сторожевыми собаками, системой телевизионного контроля всех окон,

дверей, коридоров, но и стальным щитом при входе в опочивальню, который управлялся электронным устройством изнутри. В заключение газета пишет: «При наличии таких бесчисленных средств охраны возникает вопрос — разве не приятнее жить в маленьком, скромном доме, чем пребывать в такой автоматизированной электронной тюрьме?!»

18 ФЕВРАЛЯ. Исполнилась неделя со дня вооруженного восстания. До сих пор многие из нас не могут прийти в себя от вихря стремительно пронесшихся событий в Иране. Одна за другой проходят пресс-конференции для иностранных журналистов, которые, пытаясь докопаться до «секретов» быстрой победы вооруженного восстания, бросают камешки и в наш огород. На одной из пресс-конференций, организованной комитетом по связям с иностранными журналистами, представителю канцелярии премьер-министра задали вопрос о вмешательстве СССР в дела Ирана и его воздействиях на иранские события. Представитель канцелярии ответил: «Я не могу привести ни одного подобного факта. Таких фактов нет. Это абсурдный вопрос. Революцию в Иране совершил сам иранский народ».

Вечером по телевидению смотрел телевизионный документальный фильм, захваченный в архивах САВАК, о военном суде над известным иранским поэтом, революционером Хосровом Гольсорхи. Показывали кадры и его последнее выступление перед вынесением смертного приговора. Вот отрывок из его речи, записанный мною на магнитофон:

«Я последователь учения Маркса — Ленина. Впервые о социальной справедливости я узнал из исламских книг, а пришел к социализму.

Я не буду у суда выторговывать себе жизнь. Моя жизнь — это капля величия обездоленных борющихся народов Ирана, которые имеют в своей истории Маздака, Бабека, Якуба Лейса, Пасияна, Рузбеха⁶. Да, я не

⁶ Маздак — руководитель антифеодального движения в Иране (488–528) за возрождение общинной собственности на землю и орудия производ-

молю о пощаде потому, что считаю себя сыном народа-борца. Я начал говорить об исламе. Истинный ислам в Иране всегда помогал народу в его освободительной борьбе. Сеид Абдолла Бехбехани, Шейх Мохаммед Хиабани⁷ — выдающиеся руководители этих движений. В настоящее время истинный ислам тоже начал бороться за национальное освобождение. Маркс говорил: „В классовом обществе у одних скапливаются богатства, другие прозябают в нищете и голоде. Тогда как производителем всех богатств являются неимущие“. Али говорил: „Дворцы не строятся без разорения тысяч людей“. Сходство этих высказываний очень большое. Вот почему Али можно назвать первым социалистом мира... Для политических обвинений в Иране документы не требуются. Я сам могу служить тому примером. Меня обвинили в создании коммунистической организации, арестовали, подвергли пыткам (голос одного саваковца: „Ложь!“), и я мочусь кровью. Затем меня перевели в другую тюрьму. Через 7 месяцев опять подвергли допросу и сказали мне, что я готовил заговор. Прошло два года. И вот я сейчас как заговорщик на этом суде. Так в Иране фабрикуются политические обвинения.

ства. Бабек (798–838) — вождь народного восстания в Азербайджане и Западном Иране. В 816 г. поднял восстание против шаха. После подавления восстания был казнен. Якуб Лейс (861) — бывший крестьянин, бедняк, борец за веру (шиизм), впоследствии правитель иранской провинции Систана, а затем Хорасана. Пасиян — полковник Мохаммед Таги-хан Пасиян, в 1921 г. командовал воинскими и жандармскими частями в Хорасане. Организовал борьбу против господства англичан в Иране. Во время боев с правительственными войсками в октябре 1921 г. был убит. Рузбех — коммунист, руководитель военной организации Народной партии («Туде») в иранской армии. После провала организации в 1958 г. расстрелян.

⁷ Сеид Абдолла Бехбехани — один из видных шиитских духовных деятелей, игравший важную роль в работе первого иранского межджлиса в октябре 1906 г. Шейх Мохаммед Хиабани — один из руководителей революции 1905–1911 гг. в Иране. Принимал активное участие в вооруженном восстании в Тебризе в 1920 г. При подавлении восстания шахскими войсками в октябре 1920 г. был убит.

Иранские тюрьмы полны. Там находятся юноши и подростки, обвиняемые в вольнодумстве, чтении книг. Их пытаются. Господин председатель, такие вот суды, как ваш, их осуждают. И когда эти люди выходят из тюрем, они откладывают книги в сторону и берут в руки автомат. В Иране судят человека за то, что он думает. В Иране существует террор мыслей. В нашей стране не разрешают издавать книги на белуджском, азербайджанском и курдском языках. У нас навязывают культуру империализма, культуру Америки, которая уже привилась к правящей верхушке Ирана».

Далее Гольсорхи разоблачил существо шахской земельной реформы, назвав ее подспорьем империализма.

«...Пусть господин прокурор пройдет по Тегерану в Незабад, к мосту Имам Заде, на площадь Шуш и поговорит с людьми, которые имеют лишь платок на голове, и спросит их, откуда пришли, что делают. Они вам ответят: „Мы бежали“. Вы спросите: „От чего?“ Они ответят: „От долгов, которые не можем уплатить“».

Председатель суда прерывает говорящего словами: «Прошу защищать себя». Гольсорхи отвечает: «Я защищаю народ». Председатель суда: «Вам предоставлено последнее слово. Защищайте себя. Говорите только то, что в вашу пользу по вашему обвинению». И мы слышим последние слова Гольсорхи:

«О своей защите мне нечего сказать. Я говорю лишь в защиту своего народа. Если такой свободы не существует, то я могу больше не продолжать».

И с гордо поднятой головой он идет и садится на свое место.

Для нас, работающих по линии сотрудничества с иранскими железными дорогами, было неожиданным назначение министром дорог и перевозок временного правительства Юсефа Тахери Казвини. Это наш старый знакомый и коллега. С 1976 года он работал заместителем начальника главного управления строительства железных дорог. Должность эта не очень

высокая. Если считать ступеньки до министерского поста, то их можно насчитать не менее девяти. Казвини — человек низкого роста, с протезом вместо левой ноги, внешне мало похожий на типичного иранца. В ходе нашей работы он нередко обращался к нам за консультациями по различным вопросам строительства и эксплуатации железнодорожных тоннелей Транс-иранской железной дороги. Наши специалисты всегда шли ему навстречу, хотя не были с ним связаны какими-либо обязательствами. Казвини это нравилось, так как другие иностранные специалисты никогда ничего не делали бескорыстно.

Однажды в августе 1977 года Казвини попросил главного геолога нашей экспедиции З. Бочоришвили осмотреть железнодорожный тоннель № 15, находящийся близ станции Шахи на северном участке железной дороги, и дать технические рекомендации по его укреплению от оползня. Просьба была удовлетворена. 25 августа начальник тегеранского отделения железной дороги, З. Бочоришвили и я выехали на дрезине в район Шахи. Поездка была незабываемой. Железная дорога буквально пробита через мощную толщу горной системы Эльбурс. Мы миновали более десятка то очень длинных, то коротких тоннелей. Живописнейшие картины менялись одна за другой как в калейдоскопе. Железная дорога, вырываясь из тоннелей, проходит по узкой кромке отвесных обрывов-пропастей, то опять ныряет в тоннель, чтобы выйти на противоположный склон огромной заснеженной вершины. Профиль дороги этого участка считается одним из самых сложных в мире, а по красоте сопоставим только со Швейцарией.

После выполнения порученной работы мы представили Казвини докладную записку на персидском языке с приложением чертежей и схем. Для Казвини, как я заметил, это был приятный сюрприз. Дело в том, что иностранные специалисты, с которыми нам довелось сотрудничать, обычно всю техническую документацию исполняют или на английском или на французском языках. И когда технический отчет и рекомендации ему представили на персидском, Казвини искренне нас благодарил.

Касаясь Казвини, хотелось бы упомянуть еще одно обстоятельство. Казвини очень религиозен. Мы это знали от его сослуживцев, каждому из которых мы по традиции преподносили сувениры к Новому году. Они говорили нам: «Дарите ему что пожелаете, только не спиртное. Он истинный мусульманин». И мы строго придерживались этого совета. Ведь известно, что по законам ислама спиртное нельзя употреблять, нельзя продавать, нельзя хранить, нельзя дарить.

Настал момент, когда у нас накопилось много нерешенных вопросов, связанных с предстоящим вывозом из Ирана наработанных документов для проектирования железной дороги Мешхед — Серахс. А эти вопросы мог решить только министр. Я созвонился с секретарем Казвини, которая назначила нам время. В 12 часов Нуцубидзе и я прибыли в министерство дорог и перевозок. Пройдя через усиленную охрану, которая неоднократно проверила наши документы, вошли в приемную. Видимо, соблюдая этикет, Казвини принял нас не в министерском кабинете (ибо он — министр лишь временного правительства). Наша встреча мало походила на официальную, так как мы довольно хорошо знали друг друга. В ответ на наши поздравления Казвини поблагодарил и, как это принято у иранцев, расспросил о нашем здоровье. Все служебные проблемы тут же были немедленно решены. Нас это даже немного удивило. Нам было хорошо известно, как долго раньше решались подобные проблемы. На этот раз непривычную для нас оперативность нового министра мы могли объяснить его симпатиями к революционному временному правительству.

19 февраля. Утром выхожу в город, наполненный гомоном и криками уличных торговцев. Повсюду появились многочисленные импровизированные книжные базары, они располагаются прямо на тротуарах. До революции такого представить было невозможно. И как это удалось вдруг сразу отпечатать, заготовить столько литературы?! Тут и «Мать» М. Горького, «Война и революция», «Что делать?» В.И. Ленина, «История

КПСС», много книг о революционерах Ирана и других стран, о борьбе вьетнамского и кубинского народов, о преступлениях САВАК, пытках в тюрьме Эвин, преступлениях династии Пехлеви, «черной пятнице» в сентябре 1978 года. В основном книги отпечатаны фотокопировальным способом. Торговля идет довольно бойко. Я тоже набрал немало книг, в частности «Во Вьетнаме и в Иране» (перевод с французского), «Иранская революция и основы руководства аятоллы Хомейни», тоже переведенная с французского. Купил также 2 книги группы иранских авторов — «Будем брать пример с жизни наших революционеров» и «Воспоминания о пытках в тюрьме Эвин». Мне были интересны сведения о династии Пехлеви и деятельности САВАК, поэтому я пополнил свою библиотеку книгами «О грабеже „гигантского спрута“ и богатствах семейства Пехлеви» и «О САВАК» (перевод с немецкого).

Сегодня, 19 февраля 1979 года, премьер-министр Базарган назначил еще шесть новых министров: доктор Ядолла Сехаби — министр без портфеля; Али Ардалан — министр экономики и финансов; Асадолла Мобашери — министр юстиции; Аббас Тадж — министр энергетики; Мохаммед Язди — министр сельского хозяйства; Реза Садр — министр торговли. Ревком революционных военнослужащих военно-воздушных сил обратился с открытым письмом к премьер-министру. В письме, состоящем из 9 пунктов, говорилось, что ревком хотел бы обратить внимание премьер-министра на острые жизненные вопросы сегодняшнего дня революции. Ревком требует очистить высшее командование ВВС от приверженцев бывшего шахского режима, немедленно судить начальника контрразведки ВВС, связанного с САВАК корпусного генерала Хашема Беренджи-яна, прекратить разоружение революционных бойцов ВВС и провести полную чистку нынешней армии. В письме требовалось также поручить вооруженным отрядам Организации борцов за народное дело Ирана и отрядам Организации народных партизан Ирана защищать революцию до создания народной армии, изгнания всех иностранных советников, включая

американских, английских, филиппинских, японских и корейских. Я обратил внимание на то, что в письме не содержится упоминания о советских специалистах в Иране.

Моряки военно-морской базы Сирджан при подъеме флага во время исполнения шахиншахского гимна подняли бунт и в знак протеста покинули гарнизон. Командир базы капитан 1-го ранга Валаи и его заместитель арестованы революционными войсками. Газета «Эттелаат» опубликовала содержание пресс-конференции руководителей Организации народных партизан. Вот их ответы журналистам на некоторые вопросы.

Вопрос: Как долго вы надеетесь существовать в исламской республике, будучи марксистско-ленинской организацией?

Ответ: Мы считаем, что наша политическая позиция состоит в том, чтобы укреплять свое положение и расширять связи с другими политическими организациями. Наши контакты с другими силами в народном движении строятся на базе антиимпериализма против чьей-либо диктатуры.

Вопрос: Предполагаете ли вы в будущем другую революцию?

Ответ: Мы, безусловно, предполагаем в будущем еще революцию, и она совершится под руководством рабочего класса.

Вопрос: Считаете ли вы правильной раздачу большого количества оружия среди народа?

Ответ: Как показывает опыт, трудно осуществить контроль за использованием оружия. Часть оружия может быть использована и против нас, как это было в Тебризе. Вчера к нам утром в штаб приходили представители Хомейни и потребовали, чтобы мы сдали оружие. Мы ответили этим представителям, что хотим свое оружие использовать только с согласия революционного исламского комитета Хомейни. А когда вместо нашей армии бу-

дет создана народная армия, это оружие мы сдадим. Но пока Хомейни на наше заявление ответа не дал.

Мой сосед по номеру в гостинице корреспондент «Правды» А. Филиппов рассказал, что он сегодня присутствовал еще на одной пресс-конференции у аятоллы Талегани. Пресс-конференция касалась последних событий в стране. На вопрос корреспондента «Правды» о политическом будущем исламской республики Талегани ответил, что одной из главных особенностей исламской республики будет то, что в соответствии с исламом в Иране ни один человек, ни одна партия не будут господствовать над народом. Народом будут руководить. При этом Талегани подчеркнул, что между понятиями «господствовать» и «руководить» существует большая разница. Далее Талегани утверждал, что исламской республике не понадобится никакая-либо партия, что ислам не имеет ничего общего с диктатурами, монархиями, капитализмом, коммунизмом.

Один из иностранных корреспондентов спросил Талегани его мнение относительно распоряжения Хомейни о сдаче оружия населением. Аятолла заявил, что в такой общей форме об оружии вопрос ставить нельзя. Что касается изъятия оружия, как он выразился, у безответственных лиц и у несовершеннолетних, то во избежание несчастных случаев это сделать нужно обязательно.

23 февраля. Драматические революционные события в стране идут на убыль. Повседневная жизнь в стране постепенно входит в нормальную колею. Сегодня я был, пожалуй, на одном из последних митингов. Он проходил около Тегеранского университета. О митинге заранее объявили в газетах.

Несмотря на возражения моего шефа, утром направился в район университета. Судя по лозунгам и транспарантам, на площади присутствовали представители самых различных слоев населения. Тут, похоже, собрались рабочие, крестьяне, служащие, учителя, профессора университета и, конечно, студенты. Митинг четко и хорошо организован. На самодельной

трибуне из двух грузовиков укреплено несколько микрофонов, через них с помощью усилителей транслируются речи выступающих. Университетская площадь и прилегающие к ней улицы украшены лозунгами: «Осуждаем всяческие распри в объединенных рядах народа! Свободу политической и общественной деятельности! У власти должен быть народ!», много лозунгов, приветствующих Хомейни. Я по привычке ищу глазами лозунги в адрес СССР. Но таковых не обнаружил. Правда, есть лозунги: «Ни Запад, ни Восток!»

Митинг начался в 10 часов утра и продолжался два с половиной часа. У трибун расположилось много местных и иностранных корреспондентов. Я скромно держался у металлической ограды университета. Вначале один бородатый молодой человек зачитал резолюцию, принятую рабочими Абаданского нефтеперегонного завода. Резолюция констатирует великую победу иранского народа и требует от временного правительства расторгнуть все контракты с международными нефтяными консорциумами и очистить завод от саваковцев. Затем выступил представитель военнослужащих Мехабадского гарнизона, который заявил, что окончательная победа иранской революции может быть закреплена лишь созданием народной армии. Один за другим поднимаются на трибуну профессор университета, служащий страховой компании. Они выражают благодарность героическому иранскому трудовому народу, военным отрядам революционеров, воздают должное аятолле Хомейни.

У микрофона молодой рабочий. Энергично жестикулируя, он говорит, что во всех революционных движениях в авангарде всегда были трудящиеся. Так и сейчас в Иране. «Видели ли вы, — обращается он к присутствующим, — во время народного восстания в наших рядах капиталистов? Где они были в кровавые дни революции?! А сейчас они возвращаются на свои заводы и собираются снова по шахским законам эксплуатировать нас!»

В заключение митинга зачитывается резолюция. Незабываемым зрелищем был момент, когда после принятия резолюции десятки тысяч людей, соединив руки над головами,

мощно и многократно скандировали: «Единство! Единство!! Единство!!!»

На этом я заканчиваю свои записки. И не потому, что писать стало не о чем. Нет! Происходило еще много интересных событий, сопутствующих революции. Причина заключалась в том, что меня как переводчика стали усиленно нагружать текущей работой, причем не только в нашей экспедиции. Невольно пришлось поставить точку на моих «Записках очевидца».

Тбилиси,
ноябрь 1979 г.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Когда мы, оставшиеся пять человек нашей экспедиции, 17 марта 1979 года покидали Тегеран, пик революции, а точнее, вооруженного восстания, уже прошел. Иранские коллеги дружески проводили нас на Тегеранский железнодорожный вокзал. Поезд следовал в Тебриз. Оттуда на автобусе, принадлежавшем советским специалистам, доехали до Джульфы Иранской. В тот же день поездом пересекли ирано-советскую границу и через Баку возвратились в Тбилиси.

За 12 лет с момента моего отъезда из Ирана в нем произошло много событий. Страна стала называться Исламской Республикой Иран, пережила войну с Ираком, которая длилась с 1980-го по 1990 год, затем приступила к восстановлению разрушенной экономики, и тогда исламское правительство вспомнило о проекте железной дороги Мешхед — Серахс. Таким образом делегация инженеров Кавгипротранса, состоявшая из шести человек, была приглашена в Иран на три недели, чтобы уточнить ряд вопросов, связанных с продолжением проектных работ. Переводчиком поехал я. Согласно программе две недели мы должны работать в Тегеране. На одну неделю планировался выезд в Мешхед на трассу будущей железной дороги.

16 мая в 16:30 самолет Москва — Тегеран вылетел из Шереметьево-2. В самолете находились в основном иранцы, работающие в английских частных компаниях. Уже стемнело, когда миновали заснеженные вершины Кавказа. Только возвышавшиеся головы Эльбруса и Казбека отражали золотистый блеск заходящего солнца. Вскоре самолет попал в грозу, вернее, летел над грозой. Справа внизу, на фоне серо-фиолетовых туч, возникали частые яркие вспышки молний. Самолет стал обходить грозовой фронт с востока. Стюардесса объявила, что в иранской столице 32 градуса тепла. В 20:15 по московскому времени под нами открылось безбрежное море огней. Это Тегеран.

По контурам цепочек уличных фонарей узнавались основные магистрали иранской столицы. Самолет, облетев Мехрабадский аэропорт, стал снижаться и делать глубокие виражи над городом. Видимо, посадочные полосы были заняты. Наконец, самолет резко снизился и аккуратно приземлился. Подали автобус. Мы подъехали к зданию международного аэропорта, сверкающему внутри безукоризненной чистотой и мраморным блеском. Когда подошла очередь для регистрации паспортов, то полицейский вслед за прочтением фамилий каждого из нас долго затем сверял их с какими-то черными списками. Прежде такого не наблюдалось. Видимо, правительство заботится, чтобы в страну не проникали нежелательные элементы.

Вошли в зал таможенного досмотра. Нам вручили декларации для заполнения. Перед нами находились длинные, обитые железом столы, за которыми стояло около десяти женщин-контролеров в чадрах. Очень не хотелось подвергаться этой унижительной процедуре. Я рискнул и наудачу обратился к начальнику таможенного зала, сказав ему, кто мы такие и зачем прибыли в Иран. Выслушав меня, он, не говоря мне ни слова, дал команду дежурному по залу пропустить наши вещи, погруженные на тележки, без досмотра.

На посольском автобусе прибыли к месту нашего жительства. Нас разместили не в четырехзвездной гостинице «Нью-Надери», а в жилом гостиничном доме на территории советского посольства. Выделили номера, каждый на двоих. В номере две комнаты с кондиционерами, ванная, туалет, большая кухня с холодильником, газовой плитой и разнообразной посудой. Стоимость такого номера 525 туманов в сутки с человека, правда, теперь обо всем пришлось заботиться самим — готовить себе завтраки, обеды, ужины. На питание выделялось 82 тумана и 10 долларов в сутки. Поскольку на туманы в Тегеране, как мы шутили, жизнь туманная, то главным подспорьем были доллары. А доллар в Иране ценился весьма дорого. Один доллар стоит 140 туманов. И несмотря на то что за истекшие 12 лет стоимость жизни увеличилась в десятки раз, на пропи-

тание одного человека в день, включая фрукты на десерт, достаточно 70–80 центов. Особенно резко повысилась стоимость золота. Если в 1979 году один грамм золота 750-й пробы в магазинах стоил 45–50 туманов, то сейчас его цена достигла 1450.

После завтрака пошли с коллегами в город, где мы не были с 1979 года. На первый взгляд, город не изменился. Все вроде бы стоит на своем месте. Однако если присмотреться повнимательнее, то обнаруживается, что многие здания запущены, давно не ремонтировались. На центральных улицах нет прежнего блеска и чистоты. Основные городские магистрали теперь разделены на две равные полосы. Посередине на железобетонных опорах установлены металлические сетки. Одна полоса предназначена для движения общественного транспорта, другая — для частных автомобилей. Главная достопримечательность города — копры шахт строящегося метро. На углу улиц Хафиза и Газали возводится огромный вестибюль будущей станции.

В глаза бросаются, как и прежде, бесчисленные магазины, забитые всевозможными товарами. На витринах разложены сотни образцов видео- и аудиоаппаратуры, радиоприемников, часов, хрусталя, изделий из золота, серебра, различных тканей, одежды и обуви. Но цены недоступны. Поражает обилие продовольствия. В ближнем к нам магазине только сливочного масла около десяти сортов в разного веса упаковках. На пробу по совету продавца купили новозеландского. Впоследствии оно нам более всех других сортов оказалось по вкусу. Много продуктов иранского производства. Они несколько дешевле, чем импортные.

Сохраняются бомбоубежища (есть одно и в советском посольстве). О наличии бомбоубежищ указывают стрелки и надписи. Кое-где еще не сняты вывески с бывших госпиталей для раненых. На больших площадях установлены художественные панно. На них, как правило, изображены иранские солдаты и женщины в чадрах. На фоне ракет они сжимают в руках автоматы. Патриотические надписи гласят о решимости иранского народа бороться с агрессором до полной победы.

Повсюду висят плакаты с изречениями Хомейни. Некоторые мысли вождя подаются в стихотворной форме. Хорошая половина из них антиамериканского содержания. Утверждается, например, что все беды иранского народа порождены империалистами США. Стараюсь найти что-нибудь антисоветское. Но ничего подобного обнаружить не удалось. Более всего удивляет массовое переименование улиц и площадей. Идешь как по незнакомому городу. Конечно, такие названия улиц, как Хафиза, Саади, Лале Зар, Гоухаре Шад, Газали, сохранены. А вот другие, противоречащие идеям исламской революции, переименованы. Например, улица Сталина уже улица Мирзы Кучек Хана, Черчилля — получила новое наименование — Нувель де Шато (название деревни во Франции, где укрывался Хомейни перед возвращением в Иран), Надери — стала Исламской Революции, улицу шахского корпусного генерала Захеда переименовали в честь корпусного генерала Карни, Шах Реза теперь называется улицей Революции. Много улиц стали носить имена революционеров, убитых во время уличных боев в Тегеране 11 февраля 1979 года.

18 мая 1991 года наша делегация целый день вела переговоры с представителями министерства дорог и перевозок. После переговоров наши друзья — иранские инженеры устроили обед в ресторане. В ходе беседы за обедом много узнали о том, что происходило в Иране за последние годы. Больше всего, пожалуй, мы услышали о том времени, когда шла война между Ираном и Ираком. Оказывается, Тегеран серьезно пострадал от ракетных обстрелов иракцев: было разрушено много домов, убито немало жителей города. Иранское правительство проявляет большую заботу о бывших фронтовиках, особые льготы предоставлены тем, кто провоевал на фронте не менее семи лет, их правительство обеспечивает казенной квартирой и легковым автомобилем. Впоследствии эти льготы мне подтвердили два участника войны — служащий министерства дорог и перевозок Голям, который был рядовым пехотинцем, раненным в руку, и Фарид, прикомандированный к нам водитель авто-

машины «Ниссан». Голям получил квартиру и ожидает автомобиль, а Фарид получил и квартиру, и автомобиль «Пейкан» иранского производства.

Во время революции, рассказали нам, а также после революции из Ирана выехало около миллиона человек, имевших капитал. При новом режиме довольно значительное число лиц обрели огромные богатства. Можно лишь догадываться, что к этим людям относятся те, кто имел покровительство со стороны духовенства, стоящего у власти.

Вечером продолжали знакомиться с городом, переполненным людьми, машинами и товарами. Как не похож поток прохожих центральных улиц на тех тегеранцев далекого дореволюционного прошлого! Удручает внешний вид женщин, покрытых чадрой черного цвета. Если раньше, до революции, часть женщин и носили чадру, то светлых, цветистых тонов. Сейчас этого нет. Тем не менее модницы умудряются даже чадре темного цвета придать различный фасон, дополняя ее оборками, накладками-апликациями. Но силуэт остается прежним. Фигуры стандартны. Трудно угадать возраст идущей, так как видны только глаза. Одежда мужчин подчеркнута проста и даже небрежна. Если раньше при посещении нами министерств в любую жару все сотрудники были при галстуке, то сейчас ни у кого галстуков нет. Надеты лишь рубашки, как правило, темного цвета. Мы тоже соответственно забросили свои галстуки.

В центральной части города между улицами Манучехри и Исламской Революции огромное скопление саррафов — частных менял иностранной валюты. Ведут они себя весьма активно, шумно. А если увидят иностранца, то обязательно спросят: «Какую валюту хотел бы иметь господин?» Внешние атрибуты саррафа — чемодан-дипломат и счетная машинка в руках. Дипломат набит долларами, марками, франками, гульденами и даже рублями. Заработок менялы составляет разница в цене купли и продажи. К примеру, покупает доллар за 138–139 туманов, а продает за 140. Цена плавающая, потому что курс валют меняется почти ежедневно. Так в конце мая совет-

ские 100 рублей стоили 250 туманов, а в начале июня — уже 400 туманов. Я разговаривал с несколькими менялами, спрашивал, зачем им нужны советские рубли. Отвечали, что в настоящее время стало легко поехать в Баку, а там, мол, много разного товара, который можно купить за рубли, привезти в Иран и выгодно продать за туманы.

За короткое время трудно было оценить степень исламизации страны. Если судить по внешним проявлениям, то в первую очередь бросается в глаза небритость мужчин. Многие носят бородку, как у муллы. В установленные часы совершаются молитвы, причем даже в самых разных, неприспособленных для этого местах. Хочется рассказать о курьезном случае. Нам о нем поведал заместитель советского торгпреда в Иране. Два месяца назад в торгпредстве СССР шли переговоры между советской и иранской делегациями о режиме судоходства в Каспийском море. Переговоры шли тяжело. И были на грани срыва. Но все-таки путем постепенных уступок каждой из сторон соглашение состоялось, и был подписан соответствующий протокол. Обе стороны выражали искреннюю радость по поводу достижения взаимопонимания. Один из членов иранской делегации (переговоры велись на английском языке) воскликнул: «За это вы должны нам подарить пароход!» На его слова один из членов советской делегации, видимо, от избытка чувств и из-за своей невоспитанности также пылко в унисон ответил: «Да мы не только подарим вам пароход, но и поставим в придачу литр водки!» Иранцы ничего не ответили. А через некоторое время в МИД СССР был послан официальный протест, в котором говорилось, что советские представители попирают традиции Исламской Республики Иран и на переговорах предлагают иранской делегации водку. И в развитие этой темы я приведу другой случай. Втроем мы шли по улице Исламской Революции в продуктовый магазин. Внезапно из соседнего галантерейного магазина вышел хозяин, наш старый дореволюционный знакомый, и тихим голосом спросил меня: «У вас есть водка для продажи? Хорошо заплачу». Пришлось

для пущей страховки энергично и даже демонстративно выразить возмущение такой просьбой. И торговец, заулыбавшись, быстро исчез за дверью.

В аэропортах, на железнодорожных вокзалах и везде, где происходит большое движение народа, теперь определены отдельные двери, на которых висят таблички: «Для братьев», «Для сестер», то есть, другими словами, отдельные выходы и входы для мужчин и женщин. В дореволюционное время мужчин и женщин разделяли только в помещениях, отведенных для молитвы, в частности на железнодорожных вокзалах, где происходили молитвы пассажиров проходящих поездов. За все три недели нашего пребывания в стране женщин, работающих в общественных местах, видел лишь в трех случаях: продавщицу в тегеранском магазине подарков, оператора компьютера в министерстве дорог и перевозок и женщину-стюардессу среди пяти стюардов самолета А-300 на авиалинии Тегеран — Мешхед.

В своих записках я упомянул случай, когда в Тегеране, в марте 1979 года, группа молодежи чуть было не избивала меня и моего товарища, приняв нас за американцев. На этот раз 22 мая, но уже в 1991 году, в том же Тегеране произошло нечто обратное. У меня кончились спички. Вышел в город. Дойдя до бывшей улицы Рузвельта, стал рассматривать на углу табличку с ее новым названием. И тут два молодых парня заговорили со мной. В таких случаях обычно спрашивают, откуда ты и где изучал персидский язык. Я им все рассказал, даже сказал, зачем приехали в Иран. В ответ услышал весьма дружественные высказывания в адрес моих соотечественников. Было очень приятно такое слышать от людей, более старшее поколение которых когда-то недалеко от этого места хотели меня избить. Тут же за разговором покупаю коробку спичек. Подую 10 риалов. Ранее она стоила всего 2 риала. Продавец говорит, что даю мало, спички стоят теперь 30 риалов. Один из парней не дал мне достать монету и доплатил за меня. Как я ни старался вручить ему 20 риалов, он их не взял. Расстались с ребятами как друзья, обменявшись рукопожатиями.

23 мая поехали на большой базар. Но лавки оказались закрытыми. По бесчисленным узким проходам этого уникального торгового центра идут демонстрации под черными флагами. Правительство Ирана объявило 23 мая днем траура по случаю, как сообщило тегеранское радио, разрушения Саддамом Хусейном шиитских святынь в Кербеле и Неджефе. На стихийно возникших митингах демонстранты ругали Саддама Хусейна последними словами. Постепенно демонстрации сошли на нет. Торговцы открыли свои лавки, зазывая покупателей. И опять, как всегда, некоторые торговцы спрашивают, откуда мы. Отвечаю: «Из Грузии». Кто-то знает Грузию, кто-то нет. Многие считают своим долгом похвастаться знанием истории. Кое-кто напоминает, что в давние времена Грузия входила в состав Ирана. А один хозяин магазина заявил: «Тифлис раньше был иранским, но тогдашний наш шах был дурак и уступил Грузию России». Затем, после некоторой паузы, прочел стихотворение Хафиза о красавице-турчанке, за родинку которой поэт готов был уступить Самарканд и Бухару. Этим он, видимо, намекал, что и Самарканд и Бухара когда-то тоже были под властью иранских шахов.

Если 23 мая был траурным днем, то 24 мая — большой праздник, именуемый День 3 хордада. Это годовщина отвоевания иранского города Хорремшехра у иракских войск осенью 1980 года. День объявлен нерабочим. Сидим дома. Идет мелкий дождь. Температура 22 градуса тепла. С балкона 6 этажа нашего дома центр города хорошо просматривается. Согласно программе, объявленной по радио и телевидению, в честь праздника на площади у Тегеранского университета в 12 часов дня состоится всеобщая молитва. В 10 часов по виадуку через улицы Нувель де Шато и Хафиза начали двигаться стройные колонны военнослужащих, студентов, школьников, женщин. Их сопровождают духовые оркестры. Муллы находятся на открытых машинах с громкоговорителями. Они выкрикивают патриотические лозунги в честь героев Хорремшехра. В 11:30 улицы опустели. В 18 часов в здании столичной филармонии

(зал Рудаки), которое расположено против нашего дома, состоялось торжественное заседание по случаю праздника. Несмотря на дождь и ветер, у входа в филармонию был выставлен почетный караул солдат корпуса стражей Исламской Революции. Они были в парадной форме и отдавали честь подъезжавшим на мерседесах почетным гостям. Рядом на выдвинутой до отказа стреле подъемного крана вывешено огромного размера полотнище, на котором изображена цветная панорама Хорремшехра. В нижней части картины на фоне финиковых пальм красными буквами алеет надпись: «Слава героям Хорремшехра! Слава иранским Вооруженным силам!»

Наша работа в Тегеране подходила к концу. Стали готовиться к отлету в Мешхед. Иранские коллеги достали билеты на самолет с большим трудом, прибегнув к правительственной броне. Это объясняется тем, что 26 мая в Иране большой праздник — день рождения 8-го имама Резы. В святой город Мешхед, где находится гробница имама, ринулись тысячи паломников на всех видах транспорта.

25 мая в 10 часов утра на двух «Ниссанах» едем в Тегеранский аэропорт местных авиалиний, который расположен рядом с Мехрабадским международным. Один из наших специалистов остался в Тегеране. Нас, пятерых, сопровождал иранский инженер господин Кодс. После регистрации билетов прошли четырехкратную проверку наших вещей через телевизионную установку. Затем нам, как и всем пассажирам, устроили персональный обыск. Да, именно обыск. Каждого из нас заставили поднять руки вверх, а в это время полицейский ощупывал все тело с головы до ног, причем самым тщательным образом. Только после этого все двинулись на посадку. Самолет А-300 впечатляет своим объемом. Входишь как будто в зал. В самолете два салона, в каждом из них два довольно широких прохода. В центре ряды кресел по четыре места, справа и слева по два. Рассаживаться помогают четыре стюарда и одна пожилая стюардесса в чадре. У каждого из них в руке миниатюрный радиотелефон для связи с экипажем. Информация перед началом полета

сообщается на персидском и английском языках. Объявили, что расстояние от Тегерана до Мешхеда составляет 900 км, время полета — один час. После сравнительно небольшого пробега самолет плавно отрывается от земли и берет курс на Мешхед. Стюарды разносят свежие газеты, журналы и воду. Через десять минут на тележках подвезли легкий завтрак и кока-колу. Ровно через час самолет совершил посадку в Мешхеде.

Около аэропорта нас уже ожидали автомобили, заранее прибывшие из Тегерана своим ходом. Мы разместились в прекрасной гостинице «Садр» близ Мешхедского университета. По условиям контракта в Мешхеде мы считались гостями иранской стороны и все расходы, связанные с питанием и гостиницей, оплачивались иранскими железными дорогами. Необычен ресторан гостиницы. Он называется «Зеркальный». Его причудливой формы потолок и верхняя часть стен инкрустированы сотнями тысяч кусочков зеркал. Впечатление такое, будто находишься в сказочном чертоге.

На следующий день, 26 мая, работать не пришлось — праздник. С раннего утра огромные толпы мешхедцев, людей из разных областей Ирана и многих мусульманских стран устремились к златоглавой гробнице имама Резы. А нам ничего другого не оставалось, как пойти осматривать город, где не были уже долгие годы. Город, в отличие от Тегерана, почти не изменился, вернее, пожалуй, изменился, но в лучшую сторону. Нельзя забывать, что во времена Хомейни святым городам, таким как Мешхед и Кум, уделялось особое внимание и забота. Повсюду появились новые мечети. В частности, на улице Надери заканчивалось строительство огромной мечети с четырьмя минаретами.

В понедельник разбились на две группы по три человека. Одна группа изыскателей поехала на трассу будущей железной дороги, другая, в которой был и я, с господином Кодсом поехала на переговоры в мешхедское отделение железной дороги. В эти дни мы посетили много учреждений и организаций, с которыми сотрудничали ранее, решали конкретные вопросы, связанные с составлением проекта железной дороги. Необходимо

подчеркнуть, что нас везде встречали дружелюбно и непременно угощали. Я уже не говорю о традиционном чае, который посетителю предлагают как только тот входит в комнату ожидания приема. Например, когда мы посетили управление энергетики Хорасанского остана, нам устроили обед. Этот обед, насколько я понял, был поводом для того, чтобы в свободной, непринужденной обстановке получить максимум информации о положении в нашей стране. Нам задавали много каверзных вопросов, ставили их остро, откровенно. И мы отвечали на них в том же духе.

Запомнился визит в генерал-губернаторство Хорасана. Там мы знакомили новое руководство остана с техническими условиями строительства железной дороги. Побывали в нескольких управлениях. Среди сотрудников много представителей духовенства. Бросалась в глаза молодость руководителей провинции. В управлении водного хозяйства познакомились с главой Серахского шахрестана (уезда) тридцатилетним господином Абришоми. Узнав, что 29 мая едем в Серахс, он незамедлительно пригласил нас на обед 29 мая в 12 часов. В управлении остана нам показали подлинники контрактов, заключенных различными предприятиями советской Туркмении с предприятиями Хорасана. В основном это торговые соглашения. Туркмения обязуется поставлять в соответствующих объемах и в установленные сроки главным образом химические удобрения и сырую кожу в обмен на продукцию сельского хозяйства Хорасана, причем в списке на первом месте упоминались замороженные куры. Сотрудники управления торговли выражали сожаление, что главным препятствием в торговле между Туркменией и Хорасаном являются абсолютно разрушенные шоссейные дороги Туркмении. Поэтому случалось, что в летнее время отправляемые из Хорасана замороженные куры доставлялись туркменскому потребителю испорченными.

Рано утром 29 мая вся наша группа на двух японских вездеходах выехала из Мешхеда в Серахс. Дорога, протяженностью 180 километров, ровная, асфальтированная, ехали быстро.

Останавливались лишь там, где требовалось уточнить изменения на местности, происшедшие за последние годы. Откровенно говоря, меня очень интересовал район, расположенный между Мешхедом и Серахсом. С востока Хорасан на большом протяжении граничит с Афганистаном. А по данным мировой печати, в районе ирано-афганской границы на территории Ирана будто бы осело около миллиона афганских беженцев. Поэтому всю дорогу внимательно всматривался в необозримые просторы слабозаселенного Серахского шахристана, надеясь увидеть этих самых беженцев. Однако вблизи дороги никаких следов афганцев не обнаружил. До Серахса оставалось уже около 70 километров, а я заметил лишь три небольших афганских поселения. Их палатки были расположены на значительном расстоянии от дороги. А то, что это действительно были афганцы, нам сообщил начальник жандармского поста перед каменным мостом через реку Кешефруд. Миновав Моздуран, долго преодолевали крутой и извилистый Моздуранский перевал. То там то сям из расщелин скал пробивались и малые и большие ручейки кристально чистой воды. После перевала спустились в низину. По прямой как стрела тридцатикилометровой дороге прибыли в пограничный Серахс.

При въезде на территорию шахристана увидели много гражданских и военных лиц. Очевидно, нас ждали. Одновременно с нами подъехал и сам губернатор шахристана господин Абришоми. Дежурный офицер громким голосом отдал ему рапорт, затем Абришоми подошел к нам и каждого однократно поцеловал в щеку. Нас пригласили в зал заседания. За длинным столом сидели ответственные чиновники шахристана. На нескольких блюдах лежали разрезанные, очищенные от корки арбузы, а также ножи и вилки. Когда все расселись, руководителю нашей делегации Р. Сигуа предложили по возможности подробнее изложить основные параметры проекта железной дороги Мешхед — Серахс. Когда Сигуа дошел до проектируемых сооружений в самом Серахсе, завязался диалог с чиновниками шахристана. Каждый задавал вопросы по своей отрасли, по своей

линии ответственности. Интересовались деталями проекта дорожники, мостовики, промышленники, работники сельского хозяйства, таможенники, пограничники и даже главный полицейский. Беседа велась свободно, дружески непринужденно. Одновременно все бойко орудовали ножами и вилками, поедая арбузы. При всей напряженной переводческой нагрузке даже мне удалось по ходу переговоров перехватить несколько кусочков арбуза, чтобы утолить жажду.

На все вопросы иранской стороны были даны исчерпывающие ответы. Чтобы придать еще большее значение проекту Мешхед — Серахс, с нашей стороны была нарисована блестящая перспектива торговых связей Ирана с Японией через линию Мешхед — Серахс — Турксиб — Транссибирская магистраль и из Средней Азии к Персидскому заливу. Когда встреча подошла к концу и был объявлен перекур, к Сигуа подошел корреспондент тегеранской газеты «Эттелаат». По его просьбе наш руководитель сообщил ему конкретные цифры и выкладки, характеризующие будущую железную дорогу. Во время перерыва я познакомился с этим человеком. Оказалось, что он внештатный корреспондент газеты, в Серахсе преподает персидский язык и литературу в средней школе. В газету пишет часто, не требуя гонорара. Хочет своей работой понравиться редактору с тем, чтобы впоследствии, возможно, стать штатным корреспондентом этой влиятельной газеты.

После перерыва нас пригласили в вестибюль банкетного зала. Подойдя к двери, руководители шахристана, а их было около 15 человек, сняли обувь и остались в носках. Мы, естественно, последовали их примеру. Минут десять отдыхали на диванах. Подали чай. Разговор шел, как говорится, о том о сем. Нас, например, спрашивали о грузинских обычаях, о системе образования, о последних изменениях, происходящих в стране. Абришоми больше интересовался у Сигуа работой инженеров Кавгипротранса. Кстати, он спросил Сигуа, каков размер месячного заработка среднего инженера в СССР. Сигуа ответил, что инженер получает в месяц около 400 рублей. «Так это

же очень мало!» — воскликнул молодой руководитель. Действительно, по сравнению с иранскими инженерами зарплата наших была мизерной. Затем мы осматривали банкетный зал. А там было на что посмотреть. Он был наполнен чучелами животных, обитающих в Серахском шахристане: великолепно выполненные волки, лисицы, шакалы, косули, зайцы и разные грызуны. Поражали мастерски сделанные чучела разнообразных пернатых.

Столы, установленные буквой П, буквально ломились от всяческих закусок, блюд и напитков. Тут были джудже-кебаб (жареная курица и жареная индейка с рисом), люля-кебаб (из баранины), стик (жареная говядина с жареным картофелем), много салатов, зелени, фруктов, восточных сладостей. Из напитков — безалкогольное пиво, кока-кола. Я было, как всегда, подготовился к интенсивной работе, полагая, что будет обмен речами или неизменные разговоры на частные темы. Поэтому сел рядом с Сигуа. Но, как ни странно, не состоялось никаких речей, никаких разговоров. Когда все расселись, Абришоми произнес только одно слово: «угощайтесь», и все занялись едой. Раздавался лишь звон, издаваемый ножами и вилками о тарелки. Следует упомянуть об одной детали, характеризующей, как мне кажется, хозяина иранского стола. Как только гости стали наполнять свои тарелки понравившимися кушаньями, Абришоми привстал, взял в руки лопатку и лично наполнил тарелки Сигуа, мою и моего соседа справа. Причем он не воспринимал наши слабые протесты и продолжал наполнять тарелки до краев. Таков, видимо, особый знак уважения хозяина к гостям, проявление его гостеприимства. Ели и пили долго. Молча. Когда уже стало ясно, что насытились, сопровождавший нас истинный, правоверный мусульманин господин Кодс неожиданно встал и громко пропел молитву. Затем все присутствовавшие здесь иранцы встали и повторили последнюю фразу молитвы. Конечно, постояли молча и мы.

Во время прощания с участниками обеда я спросил учителя персидского языка и литературы, можно ли надеяться прочесть

его корреспонденцию в газете «Эттелаат», которую ежедневно покупаю в Тегеране. На мой вопрос он довольно равнодушно ответил, что, наверное, сегодня он текст корреспонденции передаст в Тегеран по телетайпу, а завтра или послезавтра она будет опубликована. Зная скорость передвижения материалов в наших газетах, я был уверен, что молодой учитель сильно преувеличивает оперативность опубликования своего сообщения.

На обратном пути в Мешхед заехали в деревню Куше Кохне, находящуюся в 5 километрах от Серахса. Хотели выяснить расположение деревенского кладбища, по краю которого должна проходить будущая железная дорога. Дело в том, что если кладбище разрослось, то в будущем придется или переносить могилы, или отнести в сторону саму трассу. В деревне нашли крестьянина, который ранее работал у нас при закреплении трассы на местности. Он повел нас на кладбище. За прошедшие годы кладбище, действительно, разрослось, но в противоположную сторону от будущей магистрали. Я обратил внимание на две могилы, так не похожие на все остальные, последние производили впечатление заброшенных и обветшалых. Крестьянин сказал, что это могилы двух солдат, убитых на ирано-иракском фронте. Я подошел ближе. Надгробия представляли собой добротные плиты из белого камня, в верхней части вырубленной ячейки под стеклом были фотографии погибших. По словам нашего спутника, эти надгробия изготовлены в Серахсе за государственный счет.

30 мая 1991 года последний день нашего пребывания в Мешхеде. Перед отъездом в аэропорт пришли попрощаться с начальником мешхедского отделения железной дороги господином Рушди. И тут я повстречался с нашим бывшим водителем Аббасом, который за эти годы сильно изменился, возмужал, женился, стал отцом двух детей. Он был большим нашим другом, опытным водителем и не раз выручал нас в тяжелые революционные времена.

Прибыли в аэропорт. Опять шмон. На этот раз каждого из нас завели в особую кабину. Вытряхнули весь мой чемодан. Все

просмотрели. Приказали разрядить фотоаппарат. У Сигуа изъяли пистоны к детскому пистолету. У двух инженеров отобрали перочинные ножики, которыми они затачивали карандаши. Естественно, не поняв до конца действия контролеров, все трое разозлились и позвали меня. Контролеры вежливо объяснили, что вещи изъяты законно, согласно инструкции. И ножики и пистоны будут помещены в специальный контейнер, находящийся в этом же самолете. Взамен выдаются квитанции, по которым в Тегеране всё будет возвращено владельцам. Я перевел сказанное, и все успокоились. Тут же мне вручили квитанции на конфискованные предметы.

Когда заняли свои места в самолете и взлетели, я прошел к газетному киоску, расположенному у пилотской кабины, взял несколько газет, в том числе и «Эттелаат» за сегодняшнее 30-е мая. Машинально читаю заголовки. На четвертой странице газеты вижу название: «Новая железная дорога». В статье объемом примерно в 140 строк дается подробная информация, полученная от Сигуа вчера корреспондентом в Серахском шахристане. Статья начиналась со слов: «По сообщению нашего корреспондента из Серахса...» Такова оперативность в работе иранских газетчиков.

Уже были сумерки, когда самолет приземлился в Тегеране. В считанные минуты получили свои чемоданы и конфискованные в Мешхеде предметы. До посольства ехали на такси. Путь долгий. Постепенно с таксистом завязался оживленный разговор. Сначала, подобно нашим таксистам, он жаловался на низкие заработки. Затем волей-неволей перешли к политике. Начали с нашей страны, Горбачева, перестройки, потом переключились на Иран. Водитель ругал нынешнее правительство и под конец сделал вывод, что при шахе все жили намного лучше, чем сейчас. А когда подъехали к дому, откровенно попросил чаевые.

В течение трех дней составляли, согласовывали, переводили и печатали итоговый протокол нашего пребывания в Иране. А у меня вообще пропал голос, так как обе стороны спорили до хрипоты. При двустороннем переводе нагрузка на голос увеличи-

чивается вдвое. 3 июня протокол был готов на двух языках — персидском и русском. По указанию наших иранских коллег из ресторана привезли обед, накрыли столы прямо в комнате для переговоров. Во время обеда по традиции обменялись подарками. Мне досталась красивая иранская миниатюра в красочной застекленной рамке и коробка фирменных фисташек.

Во вторник 4 июня 1991 года по всему Ирану отмечается день траура — годовщина смерти аятоллы Хомейни. Идти некуда. В городе все закрыто. Поэтому решил прогуляться по огромному посольскому саду. По сравнению с дореволюционным временем сад несет на себе следы забвения. В огромном водоеме перед зданием посольства вместо лебедей плавают утки, на зеленых лужайках вместо фазанов пасутся кролики. В искусственных прудах уже никто не рыбачит. Только птиц, пожалуй, осталось по-прежнему много. Ветки деревьев кишат дикими попугаями. Они громко кричат, подражая воронам, которых в саду бесчисленное множество. Памятник Александру Грибоедову из глубины сада переместили к служебному входу в посольство. После нападения на нашу резиденцию афганских моджахедов кирпичную ограду посольства нарастили полутора-метровую металлической сеткой.

А на следующий день, 5 июня — праздник — день начала политической деятельности Хомейни против шаха. Опять никто не работает. Все магазины закрыты. На улице и в квартире невыносимая жара. Даже кондиционеры не помогают. Мне не дает покоя мысль добраться до русской церкви, чтобы встретиться с отцом Николаем (если он еще жив). Там я от прихожан и его самого получил бы много объективной информации, которая меня интересует. Но так как я откладывал эту встречу до последнего дня, то не успел попасть в храм. Я очень сожалел об этом...

6 июня с утра бегали по магазинам, чтобы купить подарки своим семьям. В 17 часов на двух машинах выехали в аэропорт. В дороге у меня завязался интересный разговор с нашим водителем Фаридом. Напоследок он разоткровенничался. А началось

с того, что я спросил его, шиит он или суннит. Фарид ответил, что вообще в Бога не верит. А потом я уже его ни о чем не спрашивал. Он сам разошелся. Рассказал, что его бесит исламизация жизни в Иране. И хотя правительство наделило его квартирой и автомобилем, жить в Иране он не собирается. Хочет эмигрировать в Югославию. У него там уже есть друзья-земляки. По его словам, иранское правительство не препятствует отъезду соотечественников за рубеж на заработки. Его жена как член Организации борцов за народное дело сидела 5 лет в тюрьме. В настоящее время она работает в министерстве дорог и перевозок. В течение всей нашей командировки Фарид был к нам очень доброжелателен. Мы ему отвечали взаимностью.

Поздней ночью, в 22:30 по тегеранскому времени, наш самолет вылетел в Москву. В самолете многие иранские пассажиры, почувствовав себя более свободно от мусульманских правил, поглощали в изрядном количестве уже не безалкогольные напитки, а реальное пиво в банках и виски.

В 2 часа ночи мы подлетали к Москве. Когда в Шереметьево-2 вышли из самолета, шел дождь. После тегеранской изнурительной жары так приятно дышать прохладным, влажным воздухом России!

Июнь 1991 год,
г. Тбилиси

Иллюстрации

1. Демонстрация на ул. Хафиза 9 февраля 1979 года

2. Демонстрации на улицах Тегерана 9 февраля 1979 года

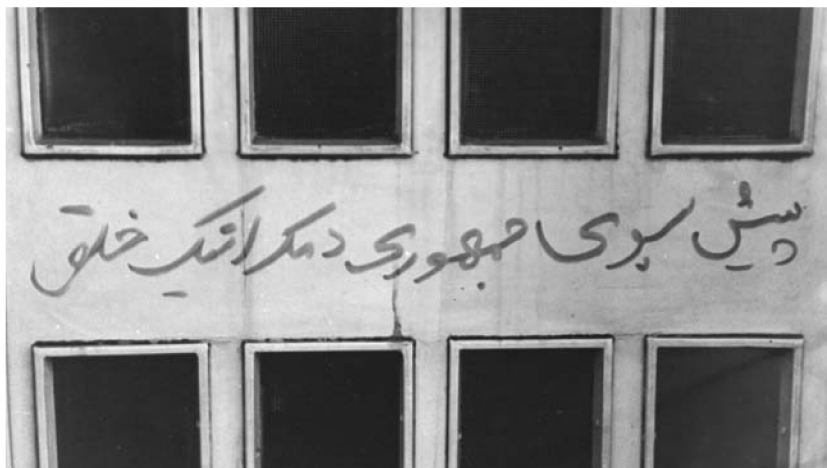
3. Демонстрации на улицах Тегерана 9 февраля 1979 года

4. Надписи на одном из домов на ул. Вила в январе 1979 года:
«Смерть шаху и его семье!»; «Смерть Бахтияру!»;
«Да здравствует Советский Союз!»; «Изгнание шаха из страны —
милость божья, совершенная народом!»

5. Тегеран, 7 февраля 1979 года. Надписи на здании:
 «Смерть сбежавшему шаху, да здравствует Хомейни!»
 «Слава погибшему за правое дело доктору Али Шариати!»

6. Одно из популярных требований восставших:
 «Вперед, к демократической народной республике!»

7. Памятник Надир-шаху в Мешхеде

8. Здание медресы, которое было взято повстанцами 12 февраля

9. Памятник Фирдоуси на его родине

10. Прибытие Хомейни в Тегеран на Мехрабадский аэродром

11. Так выглядели гражданские вооруженные отряды на улицах Тегерана

12. Братание солдат Тегеранского гарнизона с повстанцами

13. Одна из улиц Тегерана в дни революции

14. Студенты Тегеранского университета на огневой точке 13 февраля

*15. Последний премьер-министр
шахского режима Шапур Бахтияр*

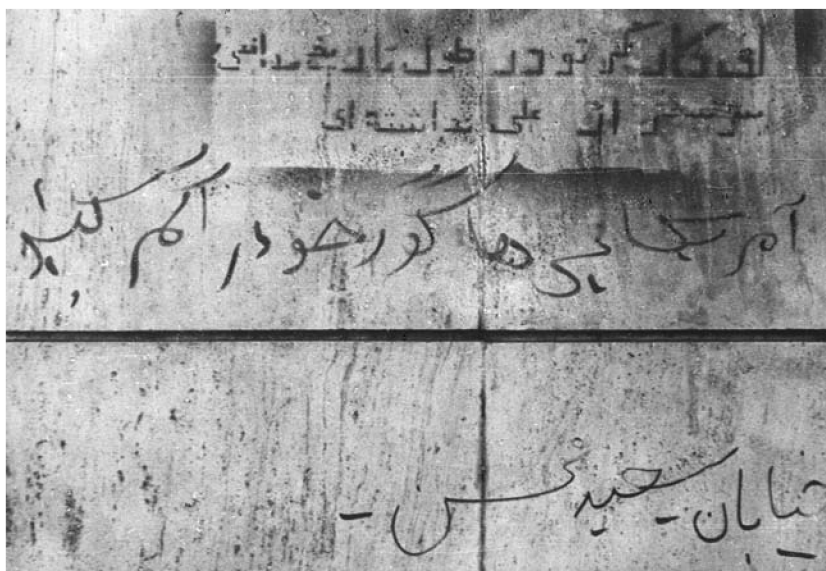
*16. На стене посольства СССР в Иране со стороны
ул. Хафиза написано: «Смерть шаху-предателю!»*

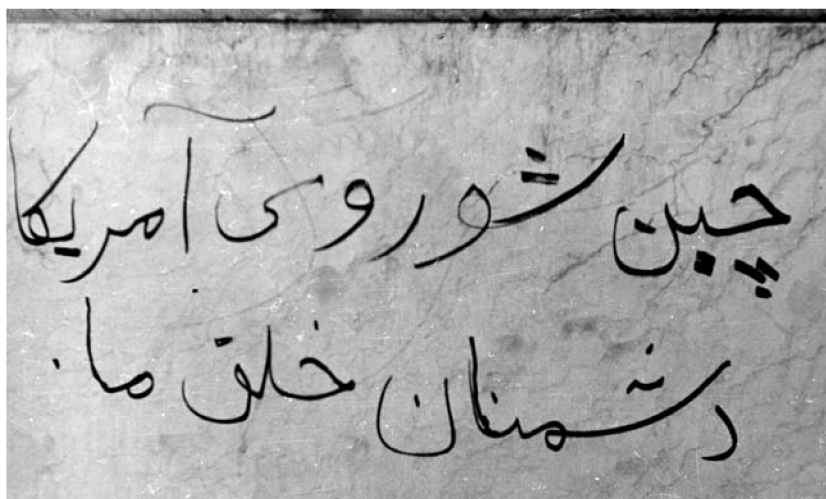
17. Карикатура на шаха в газете «Эттелеат»

18. Так в газете «Кейхан» на карикатуре показали победу журналистов в информационной борьбе

19. Надпись на доме по ул. Тахте Джамшид:
«Американцы, убирайтесь вон!»

20. Часто встречавшийся лозунг, написанный на стенах домов иранской столицы: «Китай, Советский Союз, Америка — враги нашего народа»

Summary

The author of the book was the senior interpreter of a Soviet design and survey expedition, and worked in Iran for three years including 1979 – the year of the Islamic revolution. The expedition collected materials for the construction of the Mashhad – Serahs railway.

During these three years, Eugeniy Kalinin visited all provinces of Iran, and got the opportunity to see as if from the inside the life of the Iranian people. The book describes the alarming symptoms of the coming revolution, which was provoked by total indifference of the ruling shah's regime to the misery of the common people. Unemployment, lack of the normal living conditions, poverty, high cost of living, the constant urge of authorities to keep people in fear and obedience — all this caused anger and disturbance among the Iranians. They saw that all income from oil sales was falling into the hands of Shah Mohammad Reza Pahlavi and his cohorts, and that these funds went towards construction of palaces and tombs, purchase of extravagant cars and jets and eventually settled on foreign banks accounts.

The author describes, expressively and in bright colors, the tragic events of February revolution, when the people of Teheran, Tabriz, Kazvin, Meshed and other cities, followed by the countryside population went into the streets with the slogans : “Shah, get out of the country!” and “Death to the Shah!”. In response, the followers of the monarchy and the regular army and SAVAK detachments shot and killed defenseless people. Later, the clergy, lead by Ayatollah Khomeini, distributed rifles, cartridges and automatic guns, and then the confrontation of the government and he people resulted in the fall of the monarchy.

Using a wide documented background, the author depicts brave and fearless struggle of Iranians for the establishment of the new state, the Islamic Republic of Iran.

Научное издание

Калинин Евгений Леонидович

**ИСЛАМСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
1979 ГОДА В ИРАНЕ
ЗАПИСКИ ОЧЕВИДЦА**

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Российской академии наук

Редактор М. С. Баландина
Корректор Л. В. Хохлова
Верстка А. В. Ельцева

Изд. лиц. ИД № 04697 от 28 апреля 2001 г.
Сдано в набор 01.04.10 Подписано в печать 18.08.10
Формат 60х90¹/₁₆. Усл. печ. л. 14,75. Уч.-изд. л. 10
Тираж 220 экз. Заказ № 277

Институт востоковедения РАН
Научно-издательский отдел
Зав. отделом И. В. Зайцев
107031, Москва, ГСП, ул. Рождественка, 12